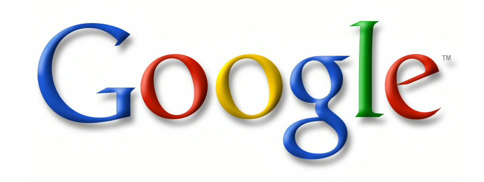
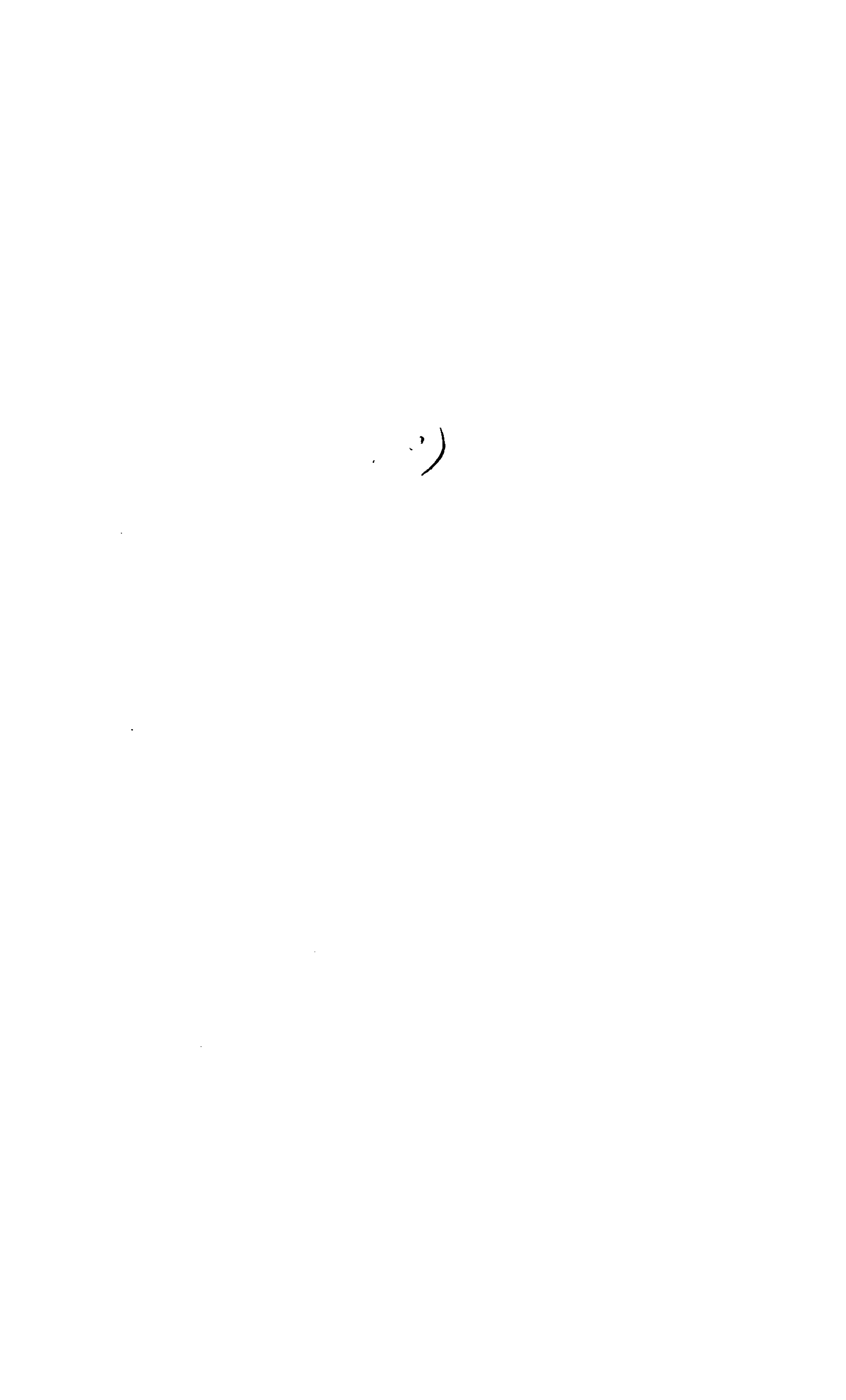




This "O-P Book" is an authorized reprint of the original edition, produced by microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1960.

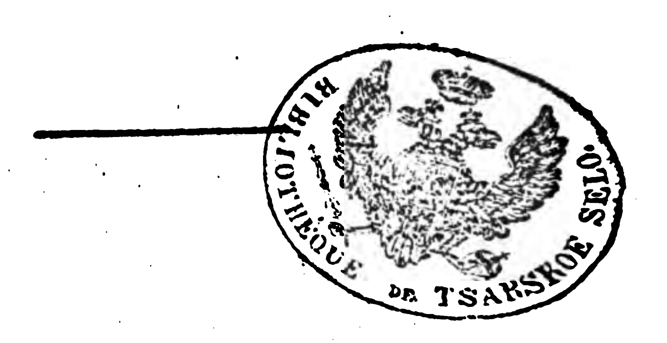
ЧТЕНІЕ

ВЪ

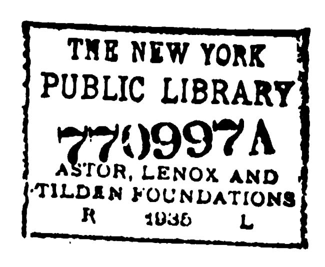
БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
въ Сенатской Типографіи
1813 года.



Печатать позволяется

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 23 го 1813 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

ПѢСНЬ РОССІЯНИНА

въ новый 1813 годъ.

Промчался годъ, какъ вихрь ужасный,
Обтекъ пространный кругъ небесъ,
И солнце пламенникъ свой ясный
Вокругъ Вселенныя обнесъ.
Какъ витязь, бранью побѣжденный,
Оставилъ поприще свое
И съ шумомъ палъ въ небытіе. —
Се братъ его новорожденный
Полнъ силы, вземлетъ свой полетъ,
Паритъ, — держа свѣтильникъ міра,
И сыплетъ долу отъ Эфира
Дары Царя временъ и лѣтъ. —

Несись — сынъ времени крылатый,
Вѣщай народамъ и странамъ:
Что Вышній въ милости богатый,
Воспомнилъ въ гнѣвѣ милость къ намъ;
Послалъ съ высотъ Свою десницу,
Злодѣевъ сокрушилъ — и насъ
Отъ бездны бѣдъ возвелъ и спасъ;
Блаженства возсіялъ денницу
Въ густой на насъ зіявшей тьмѣ. —
Вѣщай — да научатся царства
Блюстися злобы и коварства,
Храня ихъ казнь въ своемъ умѣ.

* * *

Какъ вержутся со скалъ потоки
И злачный потопляютъ долъ,
Такъ вторгшись варвары жестоки
Потопомъ ужасовъ и золъ
Обширной Россія державы
Покрыли западны страны. —
Сражаются ея сыны,
И труповъ ихъ бугры кровавы
Растутъ высоко къ облакамъ;
Кипятъ ихъ кровію раввины
И каплютъ горныя вершины,
И кровь ихъ льется по рѣкамъ.

Какъ пещи воспылали грады
Громовый издавая трескъ —
Падутъ — и падшимъ нѣтъ пощады!
Пылалъ Смоленскъ — и тусклый блескъ
Далече разливалъ со смрадомъ,
И дымомъ солнце очернилъ,
И пепломъ Днѣпръ оземленилъ.
Пылала и Москва — и адомъ
Борима въ молніяхъ на смерть
Шаталась древними стѣнами,
И пламень ударялъ волнами
Въ багрову раскаленну твердь.

* * *

Какъ Этна зрится въ нощи темной
Огнями роющая міръ,
Когда пожаръ отъ дна подземной
Столпомъ возносится въ эфиръ;
Толь страшенъ видъ Москвы горящей:
И рдяный пламени отливъ
Полсвѣта свѣтло озаривъ
Европѣ кажется стенящей
Ея лютѣйшихъ бѣдъ зарей,
Ея свѣтильникомъ надгробнымъ,
Огнемъ забавъ убійцамъ злобнымъ,
Тиранамъ царствъ, бичамъ царей.

Уже! и къ олтарямъ священнымъ
Злодѣй злодѣевъ устремилъ,
И гдѣ предъ Богомъ воплощеннымъ
Стояли сонмы горнихъ силъ
Закрывъ лице свое крилами
И долу преклонивъ чело,
Тамъ смѣхъ кощунство вознесло
И въ буйствѣ хвалится хулами. —
Гдѣ манна, шедшая съ небесъ,
Питала вѣрныхъ брашномъ вѣчнымъ,
Тамъ адъ толпамъ безчеловѣчнымъ
Устроилъ пиръ кровей и слезъ. —

• • •

Гдѣ въ честь всемірнаго Владыки
Гремѣлъ Сіонскихъ пѣсней звукъ,
Тамъ шумства раздаются клики,
Тимпановъ бранныхъ громкій стукъ
И шумъ нечестію хваленій.
Грабежъ, законъ поправъ ногой,
Хватаетъ хищною рукой
Изъ дольнихъ Вышняго селеній
Добычи утварей златыхъ,
И небу нанося обиды
Святыхъ уничижаетъ виды
И видъ Святаго во Святыхъ.

Кивая гордыми главами,
Кипящи желчію вражды,
Враги считаютъ празднествами
Напасти наши и бѣды;
Изъ нѣдръ поруганной святыни
Благому Промыслу въ укоръ
На небо мещутъ наглый взоръ.
Какъ жаждутъ знойныя пустыни
Росы небесныя прохладъ,
Такъ Россы свыше ждутъ избавы,
И сами съ плесками отъ славы
Боря враговъ свергаютъ въ адъ.

* * *

Кипѣли воинствомъ противнымъ
Отъ крови скользкія поля,
И шумомъ браней непрерывнымъ
Тряслась ревущая земля:
За строями неслися строи,
За страхомъ страхъ, и зло за зломъ;
Но Россы, малые числомъ,
Велики мужествомъ, Герои,
Противъ сражающихъ лучей,
Уставивъ грудь отъ адаманта,
Воюютъ — и въ крови гиганта
Калятъ булатъ своихъ мечей.

Какъ левъ стремится на ловитву,
Орелъ на добычу летитъ,
Такъ мчится Россъ отъ битвы въ битву,
Перунъ Царя, и Царства щитъ! —
Подъ силой Росса исполинской
Трещалъ Европы бранной рогъ,
И стать во брани не возмогъ,
И громъ побѣды Бородинской
Потрясъ вселенну и обтекъ,
И прейдетъ грозенъ, быстръ и звученъ,
Со славой Росса неразлученъ
Отъ рода въ родъ, отъ вѣка въ вѣкъ. —

* * *

Напрасно вновь, съ кичсньемъ многимъ,
Грозятъ злодѣйствами враги,
Уже предъ Богомъ правды строгимъ,
Уже исполнились грѣхи
И мѣра звѣрскихъ ихъ развратовъ:
Онъ Росса преисполнилъ силъ,
Онъ мечъ Россіи поострилъ
Какъ молнію на супостатовъ;
И се! свирѣпствуетъ сей мечъ
Въ рукахъ къ Отечеству любови,
Насытился, упился крови,
Но жаждетъ корень зла пресѣчь.

И врагъ началный межъ врагами,
Который лѣствицей крамолъ
Изъ пыли, топтанной ногами,
Взбѣжалъ съ убійствомъ на престолъ,
И рабъ страстей, рабъ ложной славы
Между Царей возсѣлъ Царемъ;
Который, наложивъ яремъ
На земли, племена, державы
Взалкалъ Россіи жизнь пожрать,
Взыграть поверхъ ея могилы,
Притекъ во тьмахъ ужасной силы,
Привлекъ лютѣйшу тигровъ рать;

* * *

Который Царства двигалъ словомъ
И грознымъ маніемъ главы;
При звукѣ трубъ, во блескѣ новомъ,
Вносился во врата Москвы,
И гордо возсѣдалъ на тронѣ
Царей Россійскихъ и Князей
Бѣжитъ — торжествъ своихъ стезей,
По страшномъ страшныхъ силъ уронѣ,
Бѣжитъ съ отчаяньемъ однимъ;
Бѣжитъ, томящійся отъ глада,
Бѣжитъ, трепещущій отъ хлада,
Смоленскій въ слѣдъ летитъ за нимъ.

Летитъ за извергомъ гордыни,
Крушитъ хребетъ, льетъ кровь рѣкой,
Палящи мѣдныя твердыни
Отъемлетъ смѣлою рукой,
И гонитъ въ плѣнъ бичемъ боязни,
Какъ стадо, тьмы и тьмы враговъ.
И се — у Нѣменскихъ бреговъ,
Наноситъ чадамъ непріязни
Послѣдній гибельный ударъ;
Останки ихъ низвергъ во гробы,
Очистилъ отъ чудовищъ злобы,
Отъ скверн убійства земный шаръ.

* * *

Какъ китъ, пучины преплывая,
Волнуетъ моря широту,
Межъ льдяныхъ горъ гора живая!
Разитъ небесну высоту
Пущенной изъ главы рѣкою,
И жизней тысячи вокругъ
Разинувъ пасть глотаетъ вдругъ;
Сквозь тукъ пронзенный острогою
Отъ сына сѣверной страны,
Взревѣвъ окровавляетъ воды;
Ликуютъ рыбъ несчетны роды
И море чаетъ тишины.

Такъ варваръ, сокрушавшій троны
Тиранства своего жезломъ,
Алкающъ міру дать законы,
Своей несытости жерломъ
Во браняхъ поглащалъ народы,
И зломъ дѣяній и словесъ
Сражался съ благостью небесъ;
Но Россъ страданія природы
Отмстилъ — и разразилъ кумиръ,
Взнесенный пагубы рукою,
Европа предалась покою,
Вселенная лобзаетъ миръ.

* *
*

Я зрю — изъ бездны водъ лазурной
Воставъ утесиста скала,
Въ эфиръ возносится небурной;
И сверхъ кремнистаго чела
Возноситъ къ солнцу вѣчны снѣги,
Подпорой служитъ нѣбесамъ,
Противясь ребрами грозамъ,
И вѣтровъ прерываетъ бѣги,
И море отражаетъ вспять.
Такъ грудью въ крѣпость облеченной,
Противъ Европы ополченной,
Могла Россія устоять.

И нынѣ въ славѣ обновленной
Срѣтаетъ новый, славный годъ,
Стоитъ — столпъ крѣпости вселенной,
Небесный притѣняетъ сводъ
Лѣсистой лаврами главою,
И взоръ, сосѣдственной звѣздамъ,
Впер яетъ къ Нѣменскимъ водамъ
И зритъ: — гремя побѣдъ молвою,
Текутъ, летятъ ея сыны
Чрезъ многи запада пространства,
Извлечь изъ челюстей тиранства
Еще враждебныя страны.

* * *

Предходитъ Ангелъ благодатный,
И духомъ кротости своей
Смягчаетъ гнѣвъ и пылъ ихъ ратный;
Ниже, какъ оный мужъ кровей,
Жадаетъ землю зрѣть пустую;
Несетъ на ближни племена
Не узъ желѣзныхъ бремена,
Но цѣпь согласія златую,
Связать сердца Царей и Царствъ
И въ матерь имъ подать Россію;
Несетъ и громъ въ погибель змію,
Въ рушенье всѣхъ его коварствъ.

И се — предъ сонмами героевъ,
Сей нѣжный Сѣвера отецъ,
Зря Сѣверъ чистый отъ разбоевъ
Предсталъ — повергнулъ свой вѣнецъ,
Повергся ницъ челомъ священнымъ,
Помостъ слезами оросилъ,
И къ Богу мира, Богу силъ
Взываетъ сердцемъ восхищеннымъ,
Къ тому, кто чудною судьбой
Разрушилъ ковы преисподней,
И лѣта благости Господней
Начатокъ дней святитъ мольбой.

* *
*

О Ты! который въ вѣчныхъ лѣтахъ
Превыше мѣры и числа,
Коль страшенъ Ты въ Твоихъ совѣтахъ!
Коль страшны всѣ Твои дѣла!
Заступникъ мой! моя ограда!
Мое прибѣжище! мой Богъ!
Ты благъ и милостиво строгъ;
Ты зрѣлъ — Твои нельстивы чада
Склонялись сердцемъ ко льстецамъ,
И сладкимъ ихъ прельщались ядомъ,
Ты зрѣлъ — разторгъ плетенный адомъ
Союзъ противный небесамъ.

Ты часто потрясалъ вселенной,
И тѣмъ являлъ во всѣхъ вѣкахъ
Словесной твари ослѣпленной,
Что жребій Царствъ въ Твоихъ рукахъ,
Что Ты властей земныхъ Властитель,
По всей землѣ Твои судьбы,
Цари людей Твои рабы,
Судей народовъ Ты Судитель.
Ты нынѣ истину сію
За грѣхъ нашъ оправдалъ войною,
Но спасъ меня-и спасъ со мною
Россію вѣрную мою.

* * *

Никто изъ перстныхъ небезгрѣшенъ
Хотя бы жилъ единый день;
Но гнѣвъ Твой милостію взвѣшенъ!
Прешла печаль моя какъ тѣнь,
Какъ солнце возсіяла радость,
И радости пресвѣтлый лучъ
Въ Россіи не срѣтаетъ тучъ;
Изъ горести исходитъ сладость
И зло добромъ побѣждено;
Изрыло намъ тиранство яму,
Но къ вѣчной гибели и сраму
Само обрушилось на дно.

Обрушилось-и казнь и муку
Ему уготовляетъ адъ;
Всещедрый отверзаетъ руку,
Вселенна полнится отрадъ;
И пѣснь побѣды величава
Поется Сѣвера сынамъ;
Но Боже силъ! не намъ, не намъ,
Тебѣ достоитъ честь и слава:
Ты кончилъ тьмы со свѣтомъ споръ,
На Промыслъ предварилъ упреки;
Да будетъ твердъ нашъ миръ вовѣки,
Какъ твердъ хребетъ Рифейскихъ горъ.

* * *

Не Ты ли, сокрушаяй брани,
Былъ Россамъ въ Бога и въ Отца?
Къ Тебѣ мы воздѣваемъ длани,
Къ Тебѣ возносимъ мы сердца,
Тебѣ мы кланяемся духомъ
И съ громкой ревностной мольбой
Падемъ на лица предъ Тобой;
Склонися милостивымъ слухомъ
Къ нестройнымъ нашимъ похваламъ
И гласъ прими благодаренiй,
Какъ дымъ отъ жертвенныхъ куренiй,
Какъ Савскiй чистый фимiамъ.

Скончалъ, восторгомъ безконечнымъ,
Невмѣстнымъ въ мысли и слова;
Съ прiятнымъ трепетомъ сердечнымъ,
И съ духомъ полнымъ торжества
Молитву слышала Россiя,
И дщерь достойная отца
Гласитъ величiе Творца
Устами радости святыя:
Начните Богу моему,
Народы ближнiе и дальны!
Начните пѣнiя похвальны
И поите съ плесками ему.

* * *

Настройте струны сердца громки,
Взыграйте, дщери и сыны!
Взыграйте, поздные потомки! —
И вы отъ ига спасены! —
Хвалой небесъ неухищренной
Восхитимъ слухъ небесныхъ чадъ,
И грянемъ ужасомъ во адъ.
Господь къ рабѣ своей смиренной
Призрѣлъ, негнѣвный до конца,
Призрѣлъ и сильные народы,
Какъ бурею гонимы воды,
Бѣгутъ отъ моего лица.

Призрѣлъ-и свѣтъ блеснулъ въ полнощи,
Онъ далъ мнѣ мужество на прю,
И даръ неодолимой мощи;
Далъ крѣпость моему Царю,
И Царь, незыблемый въ напасти
Живитъ меня и славитъ вновь:
При немъ, въ Отечество любовь,
Наперсница верховной власти,
Воззвала племена Славянъ
Служить Отечеству драгому,
И гласъ ея, подобно грому,
Протекъ моихъ обширность странъ.

* *
*

Протекъ-и воспалилъ геройствомъ
Орловъ готовыхъ для побѣдъ:
Текутъ подвижники съ устройствомъ
На подвигъ ужасовъ и бѣдъ,
Живыя стѣны и забрала
Боримой мнѣ отъ бурь войны!
И дѣти сельской тишины
На копья расковали рала,
Въ мечи расправили серпы,
Помчались въ битвы съ равнымъ жаромъ,
И всѣ сліянныхъ силъ ударомъ
Крушатъ разбойниковъ толпы.

Призрѣлъ-и возгремѣлъ Богъ славы,
Трепещутъ твердь и земный шаръ;
На сонмы звѣрски и лукавы,
Какъ вѣтромъ рѣемый пожаръ,
Который попаляетъ нивы,
Который пожигаетъ лѣсъ,
Низвергся гнѣвъ его съ небесъ
И губитъ строи нечестивы;
Разсѣдшись толщею своей,
Земля глотаетъ полныхъ злости;
При адѣ расточились кости,
Вскипѣли рѣки ихъ кровей.

* *
*

За злыми Россы устремленны
Несутся вихри быстротой,
И злыхъ фаланги раздробленны
Истерлись подъ моей пятой.
Но что! сыны мои избранны,
Смоленскій, Платовъ, Витгенштейнъ,
Уже спѣшатъ летѣть за Рейнъ,
Нанесть ехиднѣ въ сердце раны.
Я вижу: Галлія впадетъ
Во мстящи сильныхъ Россовъ руки,
Сама возчувствуетъ тѣ муки,
Которыми терзала свѣтъ.

Тебя, Господь превознесенный!
Возноситъ вся со мною тварь,
Твоею силою спасенный
Мой мирный веселится Царь,
И я благословляюсь миромъ;
Предшествуй предъ моимъ Царемъ,
Отъяшь отъ цавстовъ земныхъ яремъ,
Какъ древле предходилъ предъ Киромъ;
Разруши мѣдныя врата,
Разруши вереи желѣзны,
Да снидетъ въ бездну аггелъ бездны,
Прослави своего Христа.

Князь Сергій Шихматовъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ ОВИДІЯ.

Я разсматривалъ поэмы въ *Опытѣ моемъ о славнѣйшихъ эпическихъ стихотворцахъ*, который занимаетъ 7ю, 10ю и 11ю книги *Корифея*. Но въ семъ Опытѣ говорилъ только о стихотворцахъ *первой степени*: Гомерѣ, Виргиліѣ, Камоэнсѣ, Тассѣ, Мильтонѣ. Поэты второй степени, кои написали также прекрасныя творенія въ семъ родѣ, не помѣстились въ сіе изданіе, ибо и 12я книга посвящена разбору *Клопштока* и *Волтера* (*). Такимъ образомъ, продолженіе сего анализа, заключающее въ себѣ: *Лукана* творца Фарсалы, *Стація* Ѳиваиды, *Аполлонія* Аргонавтовъ, поэмы Оссіана, *Триссина, Гловера, Овидія, Лукреція, Горація, Поле, Юнга*, и другихъ героическихъ низшихъ пѣснопѣвцевъ — предоставилъ я для чтенія въ Бесѣдѣ, отъ которой при раздѣлѣ упражненій нашихъ, на-

(*) Сія книга за смертію г. Шнора, гдѣ печаталось все изданіе, пріостановилась; но будетъ непремѣнно издана. Примѣч. Сочин.

значено мнѣ было дѣлать извлеченія изъ общаго круга литтературы. — Слѣдуя сему плану, я буду прочитывать по временамъ сей анализъ различныхъ поэмъ. — И хотя матерія сія классическая, но она имѣетъ и свои пріятности, по разнообразію предметовъ и по достоинству стихотворства, сему роду свойственнаго.

На сей разъ я предлагаю *разборъ Овидія*, извѣстнаго Латинскаго стихотворца, который написалъ пріятнѣйшую миѳологическую поэму *превращенія*. Сначала упомяну о его жизни.

1.) *Овидій Назонъ* родился въ смутное время Римской республики, въ самый тотъ годъ, когда убитъ въ Сенатѣ Юлій Цесарь, за 44 года до Р. Х. Городъ Сулмона близь Неаполя, въ нынѣшней области Абруццо, былъ его колыбелью. Онъ происходилъ отъ знатнаго рода Римскихъ Кавалеровъ и на 16мъ году воспитывался въ Аѳинахъ. Здѣсь усовершилъ онъ себя въ знаніи Греческаго языка и понялъ всѣ его тонкости. Декламаціи учился у славнаго

Ритора Ареллія - Фуска; говорилъ нѣжно, пріятно, остроумно и всегда благородно. Отецъ по своимъ видамъ, назначалъ его къ гражданской службѣ, которая начиналась обыкновенно съ Ораторства или Адвокатства по дѣламъ. Овидій, изъ угожденія ему, всходилъ на каѳедру и защищалъ нѣкоторыя тяжбы не безъ успѣха; но всегда продолжалъ сочинять стихи, и когда отецъ строго запрещалъ ему симъ заниматься: то Овидій отвѣчалъ ему стихами, что болѣе не будетъ писать стиховъ. Онъ родился стихотворцемъ и самъ въ этомъ признается:

„*Et quid tentabam scribere, versus erat.*
„И что я ни писалъ, все я писалъ стихами.“

По смерти родителя, Овидій свободно предался своей склонности. Онъ переѣхалъ въ Римъ; купилъ домъ близь Капитоліи, и скоро былъ окруженъ знаменитыми друзьями, извѣстнѣйшими любителями Латинской словесности. Къ нему приходили читать и размышлять въ библіотекѣ его нѣжный *Тибуллъ*, Эпическій поэтъ *Емилій-Мацеръ*, ученые мужи *Баттусъ* и *Пон-*

тикъ; Галлъ, знатокъ элегіи, и самъ *Горацій,* который всегда показывалъ ему стихи свои прежде, нежели выдавалъ ихъ въ свѣтъ; но вѣроятно изъ ласкательства къ Августу, Горацій ни одинъ разъ не упомянулъ имени Овидія въ своихъ одахъ. Съ Виргиліемъ не имѣлъ онъ знакомства, какъ самъ говоритъ: Virgilium vidi tantum— „а Виргилія я только видалъ"— Нравы и образъ мыслей раздѣляли ихъ; но уваженіе въ Римѣ къ Овидію было такъ велико, что Римскіе Кавалеры носили въ перстняхъ своихъ его изображеніе, вырѣзанное на дорогихъ камняхъ! Онъ былъ хорошо принятъ при Дворѣ, и Августъ отличалъ его. На 20 году Овидій былъ избранъ въ Тріумвиры,— чинъ необходимый для вступленія въ Сенатъ. Потомъ Императоръ произвелъ его въ Децемвиры—блюстители законовъ—почетное званіе, которое давало ему отличное мѣсто въ собраніяхъ народныхъ. Нечаянно одна шалость, которая не понравилась Августу, лишила его всѣхъ милостей сего хитраго Государя и была причиною его ссылки на 9 году по Р. Х. Многіе писатели догадываются, что

Овидій, какъ любимецъ прекраснаго пола и проповѣдникъ нѣжностей любовныхъ, заслужилъ благосклонность нескромной Юліи, внуки Августа; а другіе полагаютъ, что онъ имѣлъ участь Актеона, и нечаянно нашелъ Императрицу Ливію въ купальнѣ.— Настоящей причины заточенія его никто не знаетъ; и самъ Овидій старается скрыть ее, хотя и есть у него по мѣстамъ нѣкоторыя о семъ напоминанія. Онъ былъ сосланъ въ городъ Томесъ, нынѣшній *Томисваръ*, лежащій между устьевъ Дуная и Варны, при Черномъ морѣ. Овидій имѣлъ уже 50 лѣтъ, когда долженъ былъ оставить Римъ, любезную супругу и удалиться изъ Италіи въ дикіе предѣлы Скиѳіи. Въ семъ заточеніи прожилъ онъ 10 лѣтъ, и отъ скуки научился между Гетами и Сарматами, варварскому ихъ языку. Тутъ написалъ онъ извѣстныя жалобы его, Tristia – въ коихъ безпрестанно хвалилъ Августа, и умолялъ его о возвращеніи своемъ. Когда Августъ умеръ, то Овидій началъ утруждать о томъ же Тиберія; но сей тиранъ, еще менѣе внималъ его мольбамъ. Овидій умеръ въ ссылкѣ, не видалъ любезнаго оте-

чества. Онъ написалъ въ свою жизнь до 40т стиховъ прекрасныхъ и оставилъ многія классическія творенія;— множество *посланій или любовныхъ героидъ,* двѣ поэмы: *искуство любить,* которое доставило ему славу Римскаго Пирона, и *лѣкарство отъ любви; поэму превращенія,* вѣнецъ его пера, въ XV книгахъ; *Фасты или Римскіе праздники,* изящнѣйшее твореніе, которое по отдѣлкѣ и учености, не уступаетъ *Георгикамъ*; первыя только VI книгъ, кои уцѣлѣли изъ XII, и посвящены Германику. V *книгъ жалобъ или сѣтованій его,*— IV *книги посланій изъ Понта,*— и нѣкоторые небольшіе отрывки, о подлинности коихъ вѣрнаго сказать не можно. Трагедія его *Медея* потеряна. Изъ сихъ твореній на Руской языкъ переведены: поэма превращенія г. *Майковымъ* въ стихахъ, г. *Соколовымъ* въ прозѣ; послѣдній переводъ напечатанъ съ подлинникомъ. *Печаль Овидія* г. *Срезневскимъ*, при Московскомъ Университетѣ, также съ подлинникомъ и въ стихахъ, прочія на Рускомъ неизвѣстны.

2.) Изъ всѣхъ сихъ твореній Овидія— мы имѣемъ въ предметѣ одно лучшее, гдѣ

заключается весь его даръ, одну поэму *превращенія*, Metamorphoseon. Героиды, Элегіи, искуство любить и письма изъ Понта не имѣютъ достоинства сей главной образцовой его піесы. Метаморфозы— произведеніе легкаго, игриваго ума, заключаютъ въ себѣ повѣствованіе о бывшихъ въ природѣ превращеніяхъ, начиная отъ сотворенія міра до нашихъ дней. Это остроумная аллегорія, украшенная всѣми цвѣтами поэзіи, которая показываетъ, что мы живемъ въ суетномъ мірѣ, гдѣ все перемѣняется, Omnia mutantur.— Она представлена въ картинахъ, для коихъ лица и дѣйствія взяты изъ древняго баснословія.

Поэма сія принадлежитъ къ числу учебныхъ классическихъ книгъ, какъ Цицеронъ или Корнелій Непотъ. Она извѣстна каждому любителю словесности, и не было бы нужды напоминать о содержаніи оной; но для показанія плана Овидіева и связи его превращеній, приводимь извлеченіе изъ I й книги.

3.) Стихотворецъ кратко изложивъ предметъ своего пѣснопѣнія, описываетъ со-

творение міра. Онъ первый изъ древнихъ поэтовъ пространнѣе изобразилъ сіе чудное произшествіе и сдѣлалъ прекрасную, противуположную картину Моисеевой. Никто изъ язычниковъ не написалъ сего великолѣпнаго вступленія:

Ante mare et terras, et quod tegit omnia, coelum,
Unus erat toto Naturae uultus in orbe.

Въ началѣ море, долъ и всеобъявше небо,
Имѣли въ естествѣ единый, мрачный видъ,
Зовомый Хаосомъ; смѣшенье— груба толща,
Скопленная въ одно недвижна тягота,
Гдѣ въ распрѣ сѣмена гнѣздилися твореній.
Еще златыхъ лучей не проливало *Солнце*;
Ни новыя *луны* не округлялся ликъ;
Ни круговодный шаръ на воздухѣ не плавалъ,
Уравновѣшенный своею тяготою.
Ни по краямъ земли не простиралъ еще
Шумящій Океанъ своихъ прозрачныхъ дланей:
Все— море и земля и воздухъ тоже были.
Безъ твердости сей долъ, безъ плаванія волны.
Безъ свѣта воздухъ.— Тьма и смѣсь одна стихій:
Боролась съ вещью вещь. Въ одномъ сложенный тѣлѣ

Хладъ спорилъ съ теплотою, а съ сушей мокрота;
И мягкость съ жесткостью и легкость съ тяготою.

Не можно довольно выразить пріятности и согласія въ стихахъ подлинника, сколько бы ни близко были переведены иные стихи, послѣдній на примѣръ:

Molis cum duris, sine pondere habentia pondus.

Овидія, какъ и *Расина*,— надобно читать въ подлинникѣ. Переводы всегда ихъ ослабляютъ; такъ живы и нѣжны *краски* (colorit) ихъ стихотворенія! — Нельзя передать въ другой языкъ ихъ тонкости и мелодіи.

Овидій продолжаетъ о сотвореніи міра: „Наконецъ явлется тучная земля. Океанъ опоясуетъ ея ребра. Долины углубляются,- равнины стелются — холмы возстаютъ, лѣса одѣваются древами. Небо раздѣляется на пять различныхъ полосъ, и земля на пять предѣловъ неравныхъ погодами. Въ пространствѣ воздуха летаютъ вѣтры;—

Моря наполняются рыбами, блестящими чешуею,— земля различными животными,— воздухъ пернатыми;— не доставало благороднѣйшей, разумной твари: Natus homo est, родился человѣкъ!— Вѣроятно мягкая и новая земля оставила въ себѣ сѣмена неба для произведенія его, или сынъ Япета, смѣшавъ персть съ текущею водою, слѣпилъ образъ смертнаго по подобію боговъ, и между тѣмъ какъ прочія животныя ходятъ съ поникшею главою, онъ далъ возвышенное чело мужу, повелѣлъ ему ходить прямо и возводить свѣтлыя очи свои къ небу. Послѣ сего произошли различные вѣки на землѣ— сперва златый вѣкъ, потомъ серебреный, мѣдный и наконецъ желѣзный. Беззаконія людей умножались болѣе и болѣе. Первые Гиганты дерзнули возстать на міродержца; они возвергли горы на горы и хотѣли завладѣть небомъ; но Юпитеръ поразилъ ихъ змѣистыми молніями— и разгромилъ сей ужасный столпъ. Изъ крови Гигантовъ произошло племя людей безбожныхъ и жестокихъ, кои снова наполнили землю преступленіями. Тогда Юпитеръ созвалъ боговъ на совѣтъ и произнесъ имъ

жалобы на смертныхъ, а особливо на Царя Ликаона. — Сей Царь, во время путешествія Юпитера въ видѣ простаго человѣка по землѣ, желая узнать точноли онъ богъ, предложилъ ужасную пищу— свареные въ котлѣ члены своего плѣнника!

Боги совѣтовали Юпитеру за сію жестокость, примѣрно наказать Ликаона— и онъ превратилъ его въ хищнаго волка.— Вотъ первая картина сего рода! Въ негодованіи своемъ отецъ боговъ, хочетъ наказать преслушную землю всемірнымъ потопомъ. Онъ призываетъ Нептуна; Нептунъ скликаетъ *рѣки*, и велитъ имъ открыть всѣ свои источники.— Льется обильная вода: земля тонетъ: все становится моремъ, omnia pontus erant. Въ семъ бѣдствіи одинъ взбирается на гору, другой плаваетъ въ лодкѣ по собственной нивѣ (примѣтная игра воображенія Овидіева), Дельфины лежатъ на вершинахъ горъ, гдѣ прежде паслися козы— тюлени прогуливаются въ рощахъ— и что всего поразительнѣе— нещастной, голодной волкъ плаваетъ между овцами!— Изъ всѣхъ утопшихъ, спаса-

ются мужъ и жена: Девкаліонъ и Пирра. Легкая ладія ихъ остановилась на высотахъ Парнасса.—Богиня Фемида, которую вопросили они объ участи своей, повелѣла имъ, развязать опоясанія свои и бросить чрезъ голову кости своей праматери. Супруги удивились сему прореченію; но истолковавъ смыслъ онаго, бросили камни, сіи кости общей матери земли, и вдругъ выросли изъ нихъ новые люди! — Вотъ 2 е превращеніе! Между тѣмъ солнце, согрѣвая илистую землю, произвело животныхъ; ибо *теплота* и *влага,* суть двѣ перворoccдныя причины рожденія. Въ числѣ сихъ тварей родился и Пифонъ, ужасный змій содѣлавшійся пагубою людей. Пастырь Аполлонъ, убилъ его изъ лука и учредилъ Пиѳійскія игры. — Онъ влюбился въ дочь Ѳессалійской рѣки Пенея, прекрасную Дафну. Но сія Нимфа убѣгала отъ его нѣжности. Аполлонъ хотѣлъ ее поймать; устремился за нею, достигъ,— но едва коснулся къ ея одеждѣ, вдругъ рѣзвая Дафна превратилась въ лавровое дерево!—Новое превращеніе: съ другой стороны отецъ боговъ, ускользнувъ отъ глазъ ревнивыя Юноны,

плѣнился дочерью рѣки Инаха прекрасною Іоною. Супруга молніеносца, примѣтя, что земля среди яснаго дня покрылась черными облаками, и что супругъ ея скрылся съ небесъ, низпустилась съ высокаго эфира, и облакамъ изчезнуть повелѣла; но хитрый мужъ успѣлъ уже преобразить Инахову дочь въ бѣлую прекрасную телку. Bos quoque formosa est.— Опять превращеніе! Юнона притворно хвалитъ ея красоту, и проситъ, чтобъ супругъ подарилъ ей сію телку; но получивъ желаемое, все еще боится быть обманутою, и отдаетъ соперницу подъ надзоръ пастуху Аргусу, у коего было сто глазъ, и два только спали попеременно. Юпитеръ, видя томленіе превращенной Іоны, повелѣваетъ Меркурію летѣть къ ней на помощь и предать смерти жестокаго стража. Услужливый посолъ надѣваетъ крылатую шляпу, летитъ и усыпляетъ Аргуса игрою на свирѣли. Но какая это чудная свирѣль?— Это прелестная Наяда, которая жила нѣкогда въ Аркадіи, по имени Сиринга. Панъ, влюбленный въ нее, однажды хотѣлъ насильно обнять Нимфу. Она разсердилась, и вдругъ

стала тонкимъ тростникомъ, издающимъ унылый шумъ и до сего времени. — Богъ полей, желая разговаривать и съ мертвою, но милою ему Нимфою, срѣзалъ нѣсколько тростинокъ, и слѣпивъ ихъ вмѣстѣ воскомъ сдѣлалъ свирѣлку, которую назвалъ по ея имени Сирингою. Вотъ новое превращеніе! — Аргусъ слушая сію сказку, заснулъ. Посланникъ Юпитера ударилъ его въ выю серповиднымъ мечемъ, и обагрилъ холмъ, на коемъ они лежали, кровію.—Юнона взяла къ себѣ его умирающіе очи и украсила ими голубыя перья павлина, коими и до сего времени онъ тщеславится. Новое превращеніе!— Между тѣмъ гонимая Іона прибѣгаетъ на брега Нила. Юпитеръ смягчаетъ гнѣвъ своей супруги, и оба соглашаются, чтобъ она восприяла прежній образъ. Вдругъ являстся таже самая прелестная Нимфа, и отъ телицы ничего не остается у нее, кромѣ бѣлизны. Прекрасный остатокъ!— Египетъ принялъ ее за богиню, и обожалъ подъ именемъ Изиды. Отъ нея родился сынъ Епафій. — Однажды онъ укорилъ Фаетона, сына Солнцева, что онъ не отъ Солнца родился. Юноша оскорбил-

ся;— мать покрылася румянцемъ, и воздѣвъ руки къ Солнцу, клялась, что Фаетонъ не имѣлъ другаго родителя; но естьли сомнѣвается въ томъ, то да увѣрится лично и пойдетъ самъ къ своему отцу, потому что домъ, откуда онъ исходитъ, смеженъ съ ихъ землею".— Сіе было поводомъ къ путешествію Фаетона въ чертоги Солнца, къ прекрасному описанію его жилища и паденію сего юноши.— Но сія басня переходитъ уже во 2 книгу.

4.) Таковъ ходъ Овидіевыхъ превращеній, искуство его въ сплетеніи басней, легкость воображенія и быстрота въ переходахъ отъ одного приключенія къ другому! Изъ сего начертанія первой книги видно уже, что будетъ въ послѣдующихъ. Цѣлая галлерея любовныхъ приключеній богинь, боговъ и Нимфъ представляется глазамъ. Овидій повѣствуетъ далѣе о превращеніи Цигна въ лебедя,— Аглавры въ истуканъ— Актеона въ оленя,— Нарцисса въ цвѣтокъ— Арахны въ паука,— Филомелы въ соловья— Библисы въ источникъ,— Ифиды въ мальчика,— Галціоны въ птицу — Скиллы въ утесъ,— Вертумна въ старуху, и о мно-

жествѣ другихъ столько же забавныхъ, сколько остроумныхъ аллегорій. Между сими превращеніями попеременно встрѣчаются романическія повѣсти,— лучшія украшенія Греческой Миѳологіи, и служатъ для нихъ цвѣточными цѣпями, связывающими всѣ дѣйствія. Таковы прекрасныя повѣсти его: похищеніе Европы,— любовь Пирама и Тисбы, Марса и Венеры,— освобожденіе Андромеды,— похищеніе Прозерпины, воспѣтое Музами,— путешествіе Язона въ Колхиду, похищеніе златаго руна и мщеніе Медеи,— любовь Авроры и Цефала,— увезеніе Аріадны,— Смерть Геркулеса,—снизшествіе Орфея во адъ для изведенія супруги его Евридики,— Оживленіе статуи Пигмаліона,— любовь Венеры и Адониса,— повѣсть о Трои,— описаніе чертоговъ Морфея—ссора Лапиѳовъ съ Центаврами,— смерть Ахиллеса,—споръ Аякса съ Уллиссомъ,— отшествіе Энея изъ Трои съ своими Пенатами,— бракъ его съ Лавиніею,— война съ Турномъ,— повѣсть Вертумна и Помоны,—Забавная сказочка, которую для примѣра помѣстилъ я въ концѣ сего разсужденія,—смерть Юлія Цесаря,— и прочія

занимательныя эпизоды. Вотъ содержаніе цѣлой поэмы превращеній!— Всякой легко судить можетъ, что при такомъ разнообразіи дѣйствій и лицъ, надобно было имѣть удивительное воображеніе, чрезвычайную легкость въ повѣствованіи и великую игру ума, чтобъ представить цѣлой лабиринтъ картинъ важныхъ и забавныхъ, жестокихъ и любовныхъ, печальныхъ и смѣшныхъ, повѣствовательныхъ, живописныхъ, роскошныхъ, нѣжныхъ, пастушескихъ, сельскихъ и проч. Овидій въ семъ твореніи показываетъ единственное дарованіе. Онъ шутитъ надъ своимъ предметомъ, и, будто забавляясь, сплетаетъ цвѣточныя вязи; сидитъ за волшебнымъ нѣкоимъ ставомъ, съ раскинутымъ предъ глазами широкимъ рисункомъ, и вытыкаетъ пестрые узоры, то тѣмъ, то другимъ шелкомъ — для составленія великолѣпной парчи;—повторяю, что надобно было имѣть отлично гибкой умъ, быстрое, летучее воображеніе и чрезвычайную легкость въ стихосложеніи— чтобъ написать 15 книгъ, подобныхъ сей первой, безпрестанно занимательныхъ,— по своему разнообразію, вымыслу, отдѣлкѣ,

вкусу и стихотворному, плѣняющему повѣствованію.

Ученые спорятъ между собою, какое дать имя сему творенію Овидія?— Можно ли назвать *превращенїя* поэмою-- то есть, твореніемъ, основаннымъ на извѣстныхъ и непремѣнныхъ правилахъ. Одни говорятъ, что превращенія Овидія, не *героическая* и не *дидактическая* поэма; но какая - это *энциклическая*,-- поема описательнаго рода, poëme descriptive. Другіе говорятъ, что она есть *мифологическая компиляцїя*, собраніе басенъ, перепутанныхъ между собою безъ всякой связи и плана.— Не должно такъ судить о твореніяхъ превосходныхъ, когда они не подходятъ подъ правила. *Превращенїя* Овидія занимаютъ среднее мѣсто, между героическою и дидактическою поэмою и сами по себѣ составляютъ особенную поэму, то есть единственную, образцовую, конечно не на правилахъ героичеекой основанную, но *грацїозную* прелестную поэму (*). Въ ней находится

(*) Я разумѣю здѣсь граціозную въ смыслѣ классическомъ; т.е. поэму, принадлежащую къ особому граціозному роду, забавному, романическому, которой

скрытый планъ или лучше сказать сцѣпленіе весьма искусно связанныхъ, забавныхъ приключеній; безпрерывная и всегда новая *чудесность*, неподражаемое стихотворство; слогъ переливающійся изъ нѣжнаго тона къ игривому, изъ высокаго къ чувствительному, изъ живописнаго и прелестнаго къ страшному и мрачному; изъ печальнаго къ веселому. Въ ней находится безпредѣльный источникъ *изобрѣтенія*, разительныя *черты характера*; глубокое *знаніе природы*; *обширность*, приличная поэмѣ; *высокой вымыслъ*, прекрасное расположеніе въ чувствахъ и картинахъ: однимъ словомъ— въ превращеніяхъ Овидія находится все то, что можетъ поражать, удивлять, воспламенять наше воображеніе. По симъ совершенствамъ, не взирая на ученыя *дифиниціи*, можно назвать

совсѣмъ непохожъ на героическій и вовсе дидактическій, но въ которомъ любовь, шутка, острота, прелесть картинъ, и нѣжность выраженій составляютъ главное основаніе. Слово сіе принадлежитъ болѣе живописи, но здѣсь оно выражаетъ классъ, къ коему должно отнести П. превращенія. Прим. сочинит.

сію поэму чрезвычайнымъ и до сего времени единственнымъ произведеніемъ піитическаго ума.

Красоты въ немъ безчисленны, какъ и недостатки въ цѣломъ Овидіи. Мы припомнимъ здѣсь важнѣйшія. Вступленіе и описаніе сотворенія міра почитается мастерскимъ, повѣсть о паденіи Фаетона прекрасна и украшена богатыми описаніями. Превращеніе Дафны и вообще всѣ превращенія весьма живописны. Кончина Пирама и Тисбы весьма трагическа и подала поводъ къ великолѣпному балету. Любовь Библисы, смерть Адониса и проч: весьма нѣжны и трогательны. Превращеніе Ифинды изъ дѣвочки въ мальчика весьма забавно. Повѣсть Вертумна, бога садовъ, влюбленнаго въ Помону, обработана съ великимъ вкусомъ, разсказана и докончена удивительно. Воспоминанія о дѣлахъ Троянскихъ, о Кадмѣ, объ Улиссовыхъ спутникахъ, объ Ифигеніи— часть Римской исторіи, приведенной въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ превосходное изложеніе Пиѳагорова ученія въ XV книгѣ, составляютъ

великолѣпные вводные отрывки.— Всѣ сіи похожденія, сами по себѣ любопытныя и разсказанныя прелестнымъ, стихотворнымъ языкомъ, служили богатымъ сокровищемъ для художествъ и словесности, для оперы, для живописи, для ваянія. Мы вездѣ встрѣчаемъ игриваго Овидія въ галлереяхъ нашихъ и на плафонахъ, на фарфорѣ, на разныхъ камняхъ, на бронзахъ. Онъ сдѣлался всеобщимъ отъ сего всеобщаго предмета: онъ вездѣ разсыпалъ полною рукою цвѣты Мифологіи.— По сему-то одинъ Фр. Поэтъ весьма справедливо сказалъ:

On aimera toujours les erreurs de la Grèce,
Toujours, Ovide charmera.
Si nos peuples nouveaux sont Chretiens à la messe,
Ils sont Payens à l' Opéra.

5.) Вотъ какимъ образомъ описываетъ Овидій превращеніе Дафны (*)!— „Апол-

(*) Я не хотѣлъ для публичнаго чтенія переводить Овидія буквально; поелику для слушателей не столько нужна была классическая вѣрность, сколько пріятность повѣствованія — и потому осмѣ-

лонъ въ первые почувствовалъ страсть къ прелестной Дафнѣ, дочери Пенея. Сей пламень зажегъ въ душѣ его мстительной купидонъ. Однажды Фебъ, увидя, что онъ силится натянуть звонкую тетиву лука его, сказалъ съ насмѣшкою: „Дитя! за чемъ ты „ручонками своими напрягаешь упругій „лукъ-?— Оставь побѣдителю змія Пиѳо„на, нагибать упругой лукъ сей и носить „за плечами стучащія стрѣлы. Ты, младе„нецъ? играй сверкающимъ факеломъ сво„имъ, и роняй незнаемыя мнѣ искры въ ду„шу слабыхъ смертныхъ, не касаясь къ мо„ему оружію?

Озлобленный Амуръ отвѣчалъ ему:" Аполлонъ! не забудь, что ты можешь поражать всѣхъ смертныхъ твоими стрѣлами, а я и

лился переводить въ родѣ перифраза, чтобъ выяснить болѣе прелесть и простоту слога Овидіева. — Признаюсь, что я щитаю свободу сію дозволенною только въ семъ случаѣ; и если отрывокъ сей составитъ нѣкогда продолженіе опыта моего объ Эпопеи, то конечно будетъ представленъ для читателей, судей обыкновенно болѣе строгихъ, нежели слушатели — въ такомъ же видѣ какъ и приступъ. Прим. Соч.

самаго тебя".— Сказалъ, и полетѣлъ въ благовонныя рощи Парнасса. Тамъ, возсѣвъ на холмѣ, вынялъ онъ изъ колчана двѣ стрѣлы: золотую, которая воспламеняетъ любовь, и свинцовую, которая ей противится.— Сими разными стрѣлами поражаетъ онъ въ одно время сердца Аполлона и Дафны.— Мгновенно Фебъ воспламеняется, Нимфа ощущаетъ необыкновенный холодъ; онъ горитъ, онъ любитъ; Дафна и слышать не хочетъ о любви. Подобная Діанѣ красотою и невинностію, Нимфа сія скрывается въ лѣсахъ, ставитъ тонкія сѣти на прядающихъ ланей, одѣвается мягкими мѣхами звѣрей и прекрасные власы свои подвязавъ простою лентою, не радитъ о другихъ украшеніяхъ.„

„Прелестная Нимфа! сколько воздыхателей тайно кланяются отцу твоему: никого не удостоиваешь взоромъ! недовѣрчивая къ мужчинамъ, совсѣмъ тебѣ незнакомымъ, ты обитаешь подъ тѣнію родительскихъ лѣсовъ и не думаешь о пріятностяхъ брака. Неоднократно и отецъ твой, объемля тебя съ нѣжностію, уговаривалъ тебя о продолженіи его племени. Прекрасныя ла-

ниты твои покрывались румянцемъ, и стыдливая Дафна бросивъ бѣлыя руки свои на выю старца, умоляла не подвергать ся узамъ Гименея. Она хотѣла остаться какъ и Діана вѣчно дѣвою. Но, твои прелести, Дафна, противились сему желанію! — Горячность Аполлона день отъ дня возрастала, уже хотѣлъ онъ предложить ей свою руку, надѣялся, но Дафна удалялась отъ страстнаго бога, какъ легкій Зефиръ. Аполлонъ прибѣгаетъ къ прозьбамъ, къ жалобамъ, но и сіи Нимфа едва слушаетъ только въ половину. Жестокая, но прелестная дочь Пенеева! почто убѣгаешь меня? стремишься какъ отъ злодѣя! — Остановись любезная Дафна, я не грубый пастухъ, живущій вѣчно на холмахъ и пасущій стада руноносныя. — Я болѣе достоинъ твоихъ прелестей. Я сынъ великаго Юпитера, и обладатель многихъ народовъ Клароса, Тенедоса, Дельфовъ великолѣпныхъ, — но что изчислять мои владѣнія? Смертные получили отъ меня большія благодѣянія: я прорекаю имъ будущее; научаю созвучать стихамъ звонкими струнами и мѣтко стрѣляю изъ сребрянаго лука. Я

открылъ смертнымъ науку цѣленія и научилъ ихъ распознавать свойства зелій; но увы! самъ себя изцѣлить не могу! неподвластная любовь силою травъ и лѣченія не можетъ уврачеваться. Искуство для всѣхъ полезное неполезно одному изобрѣтателю. Сжалься, прекрасная Дафна!— престань удалятся. Ты бѣжишь по жесткой и каменистой стезѣ; брегися упасть! Сіи колючіе терны могутъ уязвить нѣжное тѣло твое. Остановись прелестная Нимфа! по крайней мѣрѣ не бѣги такъ поспѣшно;— и я не стану такъ упорно тебя преслѣдовать!„

Тщетно; Дафна не внемлетъ, и на устахъ его оставляетъ улетающія слова.— До того времени казалась прелестною; но, въ бѣгствѣ своемъ, стала еще прекраснѣе. Вѣтры встрѣчнымъ дыханіемъ своимъ возвѣяли изгибы легкаго хитона и обнажили ея бѣлоснѣжныя ноги. Волосы распустились, и играя съ Зефиромъ умножали ея прелести.

Юный богъ не теряетъ болѣе времени въ тщетныхъ моленіяхъ. Упоенный желаніями,

онъ стремится быстрою стопою за бѣгущею Нимфою. Такъ бѣлогрудный соколъ (*) увидя издалека въ синей равнинѣ воздуха спускающуюся въ лѣсъ голубицу, бросается на нее стрѣлою, почти хватаетъ ее когтями, перья сыплятся долу— но голубица еще увивается, еще улетаетъ,— и гонитель и гонимая,— дѣлаютъ великія излучины, то сталкиваясь другъ съ другомъ,— то разскакаясь въ разныя стороны.— Подобно сему стремительный Аполлонъ гнался за Дафною: ему придавала быстроту надежда, ей страхъ. Неутомимый богъ летитъ за ней, какъ на крылахъ.

Покою не дая
Дыханьемъ устъ своихъ палитъ власы ея.
Она утомлена, блѣдна, безъ силъ, безъ мочи,
Побѣждена почти, возведъ къ Пенею очи,,
,,Родитель!— вопіетъ— спаси меня, спаси:
,,Коль подлинно ты богъ, въ струи меня внеси:
,,Иль землю черную разверзи подъ пятою
,,Избавь отъ юноши стремящагось за мною.

Вотъ и самое превращеніе, для коего нужно было привести предыдущую повѣсть.

(*) Въ подлинникѣ: такъ Галльскій песъ, гоняющій зайца и проч. мнѣ показалось это сравненіе приличнѣйшимъ.

Рекла-и се уже становится не та!
Сомкнулися ея румяныя уста:
Въ древесный пень сплелись бѣло-лилейны члены,
И руки и власы пустили листъ зеленый.
Покрылась грудь ея шаршавою корой,
И кожа нѣжная въ ней скрыла образъ свой.
И ноги скорыя, что ланей догоняли,
Къ землѣ ужъ приросли,—власисты корни стали.
Глава кудрявую вершину вознесла,
И Дафна, лавромъ ставъ, и въ деревѣ мила (*).

Сіи стихи пріятно бы прочитать предъ Группою Аполлона и Дафны, которая стоитъ у насъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Она великолѣпна—-и тутъ-то на яву видны мысли Овидія! Какое удивленіе въ Аполлонѣ! Какія бѣгущія въ верхъ руки, кои мгновенно стали вѣтвями! — никогда скульпторъ, не былъ лучше сего одушевленъ стихотворцемъ!— Овидій изображаетъ намъ въ сей остроумной аллегоріи молодую супругу, которая въ объятіяхъ семейства произвела на свѣтъ многія, прекрасныя вѣтви.

6.) Три великіе Латинскіе поэта, коими живетъ еще слава Рима и Тибрскихъ Музъ, Виргилій, Овидій и Горацій, жили въ одно

(*) Нѣкоторые стихи взяты здѣсь изъ пер. Майкова, другіе подправлены мною.

время. Всѣ были друзья Императора, соревнователи по занятію своему, и собесѣдники по знакомству. Они имѣли свои партіи, но уважали другъ друга безпредѣльно. Горацій и Овидій были весьма близки между собою по свойствамъ душевнымъ, склонности къ забавамъ и свѣтскости своей; но родъ сочиненія ихъ былъ различенъ. Виргилій владычествовалъ надъ Эпопеею; но Овидій не подражалъ ему, и хотя въ томъ же почти родѣ, но писалъ совсѣмъ инако. Ни въ чемъ нѣтъ между ими сходства, кромѣ вкуса и красоты, обоимъ сродной. У Виргилія стихи медленны, важны, обдуманы и со всѣхъ сторонъ осмотрѣны; у Овидія легки, плавны, небрежны, необдѣланы, но всегда пріятны. Виргилій паритъ, подобно орлу, когда онъ распустя оба крыла плыветъ подъ небесами. Овидій порхаетъ какъ птица (я разумѣю въ п. превр.) — и несколько занимаетъ полетомъ, сколько частымъ перепархиваніемъ своимъ. Виргилій вездѣ любитъ величавость; не расточаетъ описаній; избѣгаетъ придуманной остроты; ласкаетъ слуху, но еще болѣе занимаетъ душу. Овидій, не вездѣ старается тронут·

сердце, но безпрестанно хочетъ нравиться, писать что нибудь занимательное, остроумное, нѣжное, граціозное. Виргилій заставляетъ думать и наслаждаться долговременно; прочитавъ его, захочется отдохнуть и насладиться впечатлѣніями его поэзіи; Овидій увлекаетъ за собою на крылахъ Зефира и не даетъ мыслямъ остановиться. Мы летимъ за его воображеніемъ; собираемъ сыплющуюся росу амброзіи, которая таетъ въ ту же минуту, когда падаетъ; спѣшимъ прочесть до конца, и когда кончили Овидія, опять хочемъ читать его снова и опять читаемъ его съ новымъ удовольствіемъ. Въ семъ состоитъ отличіе его отъ прочихъ стихотворцевъ, и въ семъ истинное волшебство его поэзіи. Онъ имѣетъ удивительный даръ разсказывать такъ свободно и быстро, какъ будто бы предстоялъ предъ нами — то есть, не готовясь и не обдумывая; но такъ — что при всемъ размышленіи и приготовленіяхъ, не можно сказать ничего лучше. Сія способность говорить по стихотворчески, превозмогаетъ всѣ слабости Римскаго Аріоста. Онъ пріятностію расказа своего *оба-*

*вает*ъ слушателя. Въ семъ упоеніи онъ прощаетъ ему нескромность — порокъ одинакой у Овидія съ Гораціемъ, — мѣлочи и пустыя остроты и погруженный въ непрестанное сладкозвучіе, видитъ однѣ цвѣточныя цѣпи, и пропускаетъ терны. Недостатки Овидія изчезаютъ въ глазахъ; красоты кидаются безпрестанно. Со стороны нравственности не льзя ничего сказать хорошаго въ пользу Овидія: всѣ сіи стихотворы, современники его, Горацій, Тибуллъ, Проперцій, Катуллъ и другіе накидывали весьма тонкое покрывало на обнаженныхъ Грацій, и потому нескромность ихъ выказывается повсюду. Впрочемъ, какъ сказалъ Горацій, *смѣшно бы было искать въ лѣсу дельфиновъ, а въ водѣ оленей*, такъ неправильно бы было искать Катоновой строгости въ писаніяхъ забавнаго стихотворца. Описывая шалости Нимфъ и басни Мифологіи, маня къ себѣ то Галатею, то Амура, не льзя глядѣть съ насупленнымъ челомъ Сенеки и безпрестанно твердить о благонравіи. Всему есть свое мѣсто. Избравъ шуточный, веселый родъ стихотвореній, — Овидій писалъ однѣ ро-

маническія приключенія; училъ искуству любить и не любить, и завлекая вниманіе читателя музыкальною, плѣняющею поэзіею, поработилъ всѣ прочія мнѣнія его сему верховному очарованію.

Овидій былъ настоящій придворный стихотворецъ. Онъ выражался съ такою разборчивостію, вкусомъ и нѣжностію, какъ будто бы говорилъ за столомъ у Августа. Ничего низкаго или подлаго не найдете вы въ его слогѣ, (по кр. м. въ п. превращенія); все сказано съ выборомь, съ благородствомъ, съ нѣкоторымъ тонкимъ осязаніемъ (tact), которое доказываетъ Аѳинскую образованность и воспитаніе. — Въ немъ нѣтъ ни грубости *Плавтія,* ни вялости *Италика,* ни пустословія *Клавдіяна,* ни жестокости *Лукреція,* ни надутости *Лукана.* Овидій говоритъ всегда изящно и всегда то, что должно; у него нѣтъ ничего лишняго. Онъ не бросается въ сторону; поспѣшаетъ къ концу своего расказа, и даже иногда слишкомъ просто, слишкомъ кратко описываетъ, на пр. начиная повѣсть, говоритъ: "*было лѣто,*"—"*былъ тогда полдень,*" — или:

Ты знаешь ли, пастухъ, Аркадски снѣжны горы?
Тутъ нѣкогда жила славнѣишая Наяда
Во всей Нонакріи. Ее Сирингой звали.

Что можно сказать проще сего въ прозѣ?— Между тѣмъ— это начало прекрасной сказочки *о волшебной свирѣлкѣ*, которая усыпила Аргуса.— Сія простота, развязанность, легкость въ расказѣ и стихосложеніи, удивила современниковъ и поострила многихъ подражать Овидію. Но легко сказать подражать! Они скоро увидѣли, что у нихъ *чего-то Овидіева* не доставало: что они схватывали одни недостатки его и не достигали до красотъ!— Овидій сдѣлалъ *эпоху* въ Римской словесности. Онъ далъ другой *тонъ*. Латинской поэзіи. Подражатели, *servum pecus*, рабское стадо, какъ сказалъ Горацій, испортили сей родъ легкаго, непринужденнаго слога; и сдѣлали изъ него тотъ испорченной, мѣлочной, кудреватой, пестрой слогъ,- въ которомъ отличался потомъ Сенека, Клавдіянъ и послѣдователи ихъ. Виргилій сильно противоборствовалъ сему новому вкусу.— Но всѣ вѣки имѣли свои слабости; и въ то время, когда гремѣлъ *Мильтонъ* эпическою тру-

бою въ Англіи, Дворъ и вся нація читали съ большимъ удовольствіемъ пѣсенки *Ковлея*, нежели *Потерянный рай*. По сему—то многіе кричали противъ Овидія, что онъ повредилъ доброй вкусъ Римлянъ; ввелъ на мѣсто важныхъ и обдуманныхъ стиховъ, легкіе, игривые, шуточные; наполнилъ языкъ ложными остротами, извитіями, пустымъ наборомъ звучныхъ словъ, (назыв. у Фр. *бомбастомъ*), и прочими мѣлочами, которыя съ перваго взляда, хотя и кидаются въ глаза какъ блестки, но по разсмотрѣніи кажутся пылью. Упреки сіи отъ части справедливы. Овидій выказывалъ вездѣ свой умъ, какъ и Волтеръ, и не умѣлъ трогать сердца.

7.) Въ *превращеніяхъ* его, какъ и въ другихъ поэмахъ, замѣчаются наиболѣе слѣдующіе недостатки: 1, *однообразіе картинъ*; вездѣ превращенія одинаковы, вездѣ руки покрываются шерстью, чтобъ сдѣлаться ногами, голова суживается въ рыло, за спиною вырастаютъ крылья, ноги завиваются въ хвостъ, и т. д. 2, *Излишество мѣстныхъ описаній*, ученыхъ словъ, астрономическихъ, ботаническихъ, и проч.

Къ чему на пр. такое безполезное перечисленіе созвѣздій, вѣтровъ, съ разныхъ сторонъ дующихъ, странъ свѣта, областей, горъ и рыбъ?— Множество стиховъ наполнено одними названіями сими; развѣ для того, что они Греческія и пріятны слуху?— Напр. когда Фаетонъ, не могши управить колесницею солнца, зажегъ землю, тогда Овидій забавляется перечитывая какія загорѣлись горы!

Ardet Athos Taurusque Cilix, et Tmolus et Oete
Parnassusque biceps, et Erix et Cyntus et Othrys
Et tandem nivibus Rhodope caritura, Mimasque
Dindymaque et Mycale, natusque ad sacra Cithaeron, и под. сему.

Такія же мѣлочныя подробности и далѣе. Когда сей дерзкій юноша летитъ на огненной четвернѣ отца своего: то не льзя, чтобъ онъ не зацѣпилъ *большой и малой Медвѣдицы, Дракона, Олтаря, клешней Рака и Скорпіона.*— Когда Орфей, поселившійся на пустынной вершинѣ Гемоса, нынѣ Балканскихъ горъ за Дунаемъ, за-

хотѣлъ развесть небольшой садъ, гдѣ бы можно ему было укрыться отъ зною, и сидя подъ тѣнью деревъ, услаждать лютнею своею медвѣдей: то вдругъ подвигаются къ нему дерева со всего свѣта—tiliae moles, fagus, et innuba laurus, baccis, coerula fica — и липы и буки и фиги — и надобно было употребить для сего изчисленія цѣлую страницу, какъ будто желалъ онъ помѣстить здѣсь весь Августовъ садъ. 3 й, *повтореніе мыслей*. Овидій говоритъ одно и тоже другими словами нѣсколько разъ, и такимъ однообразіемъ утомляетъ читателя и переводчика. Въ семъ недостаткѣ укоряли творца превращеній и въ его время, въ чемъ онъ и самъ признается (въ послан. изъ Понта. кн. III. пис. 9.) говоря, что онъ чувствовалъ оный, но не имѣлъ силы, ни терпѣнія поправлять себя. Сему и повѣрить можно читая стихи его, которые дѣйствительно ничего ему не стоили. Впрочемъ къ п. *превращенія*, онъ не приложилъ послѣдней руки, и поэма сія осталась несовсѣмъ просмотрѣнною сочинителемъ, какъ онъ самъ утверждаетъ:

Ablatum mediis opus est incudibus illud
Defuit et scriptis ultima lima meis;

Но сіи недостатки мало видны при красотахъ Овидія. Вотъ что, по мнѣнію моему, больше вредитъ силѣ его стихотворства! 4.) *Овидїй не имѣетъ истиннаго патетизма*, или знанія приводить душу въ умиленіе, трогать, воспламенять. Въ немъ не достаетъ чувствительнаго, любовнаго языка, коимъ изъясняются истинныя страсти, языка, которымъ говоритъ на примѣръ: отчаянная Дидона, которымъ говоритъ Аріадна или Лезбія. Вообще древніе должны намъ уступить въ изображеніи любви. По ихъ нравамъ, чувство сіе было совсѣмъ иное, нежели у насъ; одна пылкость, минутный восторгъ, желаніе: они не знали оттѣнковъ сей страсти, ея перемѣнъ, продолженія и тонкостей. Однимъ словомъ у нихъ не было того, что называется *Романизмомъ*, и любовный языкъ всѣхъ поэтовъ Латинскихъ не стоитъ одного *письма къ Юлїи*. (*) Отъ сего ли общаго недостатка, или собственно отъ

(*) Г. Руссо — O Mourons, ma douce Amie, etc.

расположенія духа Овидія, все у него кажется шуткою, и самая любовь. Амуръ его сидитъ на *Энциклической его поэмѣ*, какъ на глобусѣ и вмѣсто того, чтобы поражать красавицъ, играетъ стрѣлочками. Граціи его улыбаются, начинаютъ рѣзвиться. Венера развязываетъ свой поясъ, голуби цѣлуются, благоухаетъ фиміамъ, падаетъ съ раменъ Нимфы флеровой хитонъ, это минута восторга? — — Нѣтъ; это мигъ одинъ, это одна мечта! Все проходитъ внезапно и вмѣсто жара, которымъ готовъ я былъ пылать, покрываетъ меня холодный иней! Чтобы это значило? — — это доказываетъ, что Овидій не умѣлъ трогать души. Вотъ ощутительный примѣръ!— Орфей низходитъ во адъ: Орфей, который такъ плѣнительно играетъ на лирѣ, такъ воспѣваетъ стихи, что горы, дерева и звѣри пляшутъ отъ его мелодіи,— сей Орфей лишась любезной супруги, низходитъ въ царство тѣней, чтобы пѣснями своими смягчить неумолимаго Плутона.— Задача чрезвычайная для стихотворца! — Ожидаемъ отъ Овидія и чрезвычайнаго, печальнаго, трогательнаго моленія!— Напрасно:

Овидій, вмѣсто того, чтобъ собраться и покорить всю душу свою печальному сему предмету, не упустилъ пересчитать, по обыкновенію своему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ во адѣ, которые остановились, какъ преданіе говорило, внимая сіи нѣжныя пѣсни Орфея; Церберъ пересталъ лаять— Иксіонъ ворочать колесо— Фуріи свистать и проч. вмѣсто того, говорю, чтобъ заставить подлинно самой адъ надъ нимъ сжалиться, онъ пустился въ самую пустую, бездушную, натянутую декламацію, въ которой не видно даже обыкновенной его нѣжности, гдѣ все мертво и холодно какъ ледъ! — Представте же какое это мѣсто и какой случай! Какой стихотворецъ не могъ бы одушевиться симъ предметомъ?— Правда, что повѣсть сія была уже *сотая*, такъ сказать, для Овидія, и что онъ могъ истощиться.— Но для чего же въ случаяхъ не столько романическихъ, какъ сей, Овидій выдержалъ себя лучше?— на пр: описаніе страсти *Циклопа къ Галатеи*, кажется мнѣ гораздо трогательнѣе и нѣжнѣе, нежели сіе моленіе Орфея, которое само собою подавало болѣе изобилія, и вело къ

трогательному. Сколько снизшествіе сіе, которое не удалось Овидію, надѣлало въ наше время прекрасныхъ оперъ, балетовъ, кантатъ и проч? — — Гораздо лучше у Овидія письмо *Библисы*, и имѣетъ трагической тонъ. — Такимъ образомъ, какъ сказалъ я объ Орфсѣ, надобно судить и о его героидахъ или посланіяхъ и прочихъ сочиненіяхъ, гдѣ любовь замѣшана. Въ нихъ находятся прекрасныя и нѣжныя мѣста; но вездѣ *слишкомъ много* ума и *слишкомъ мало* прямой страсти.— Посмотрите, какъ кратко изъясняется настоящая любовь!— Вотъ 12 строкъ Саффы, въ которыхъ вмѣщается болѣе огня и чувствованій, нежели въ 20 героидахъ Овидія!—

Блаженъ! подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ.

Увижуль я сіе,—и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь теснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю,
Дрожу, блѣднѣю, и — какъ злакъ
Упадшій — вяну, умираю.

Переводъ *Г. Державина.*

Но естьли вмѣсто сего пылкаго, страстнаго изъясненія, сія самая Саффа, начнетъ говорить такимъ образомъ:

Ужели ты, мой другъ, ученыя рукѣ
При первомъ на нее воззрѣньи не узнаешь?
И Саффы имени сначала не прочтя
Творца сихъ краткихъ строкъ — ужель не отгадаешь?
Ты спросишь, можетъ быть, за чемъ я премѣнила
Лирическихъ стиховъ знакомый мнѣ напѣвъ?
Познай, я влюблена; я пѣть хочу стенанья
И стихъ Елегіи приличенъ стонамъ симъ;
При каплющихъ слезахъ, нѣмѣютъ струны лиры.
Горю, какъ нива я, на кою наглый Эвръ
Нанесъ всежрущій огнь развѣявшійся въ полѣ.
и проч.

Овидія посл. Саффы къ Фаону.

Когда говоритъ вамъ такимъ языкомъ влюбленная женщина; то вы примѣтите, что стихотворецъ васъ обманываетъ и почерпаетъ изъ головы, а не изъ сердца. — Ни-

гдѣ не видно въ сихъ посланіяхъ Овидія той горячности, того сердечнаго изліянія, которое тотчасъ проникаетъ душу читателя, и которое должно оживлять столь быстрое чувство, какъ любовь. Посланіе отъ *Пенелопы къ Улиссу* почитается лучшимъ; но можно ли поставить его возлѣ посланія *Абелара къ Елоизѣ* или *Шарлоты къ Вертеру*? Мы имѣемъ чрезвычайные образцы въ семъ *патетическомъ* родѣ, которыми можемъ похвалиться: а древніе имѣютъ только одну Дидону; ибо любовь Цирцеи у Гомера болѣе кажется намъ смѣшною, нежели трогательною.

Я не смѣю распространяться болѣе разборомъ симъ, чтобъ не утомить вашего вниманія. Хотя и осталось еще пространное поле говорить о другихъ любовныхъ и дидактическихъ поэмахъ Овидія, но сего уже довольно, чтобъ познакомиться съ геніемъ сего любезнаго, всѣмъ извѣстнаго, классическаго стихотворца. Между прочимъ не должно забыть поэму его *Фасты* или *праздники Римскіе*, которая почитается

основательнѣйшимъ твореніемъ Овидія, наполненнымъ ученостію, почерпнутою въ прекрасной древности.

Самая Эпитафія, которую написалъ для себя сей стихотворецъ изображаетъ вкратцѣ всѣ его свойства:

„Здѣсь лежитъ игривый пѣвецъ нѣжностей любовныхъ, стихотворецъ Назонъ. „Онъ былъ самъ виною своей погибели. Прохожій! естьли ты любилъ когда либо, „скажи, прошу тебя: да почіетъ онъ съ „миромъ!"

Въ заключеніе вотъ *повѣсть Вертумна и Помоны*, которую обѣщалъ *я*, изъ XIV книги превращеній. (*)

„Помона жила при Царѣ Прокѣ, обладателѣ холмовъ Палатинскихъ. Ни одна Латійская Гамадріяда не любила столько садоводства и не умѣла разводить плодоносныхъ деревъ, какъ она; отъ того и получила имя растительницы яблоковъ, *Помоны*. Не плѣняли ея рощи, ни источники; она занималась одними полями и вѣтьвями, раждающими сладкіе плоды; — ни-

(*) Повѣсть сія не была читана въ Бесѣдѣ при посѣтителяхъ.

когда рука ея не касалась оружію ловитвы: она прогуливалась въ вертоградѣ съ кривымъ ножемъ, разчищала густыя вѣтьви и обрѣзывала лишнія отрасли. Иногда она прививала юную розгу къ чужой корѣ древа, и заставляла его сообщать соки новой своей питомицѣ. Никогда не допускала, чтобъ растѣнія ея томились жаждою; но всегда возливала на младые корни ихъ свѣжія струи. Къ сему вся страсть ея, къ сему вниманіе. Она не помышляла о пріятностяхъ любви. Но боясь дерзости поселянъ, ограждала садъ свой отовсюду; убѣгала мужчинъ, и возбраняла имъ входъ въ свои вертограды.

„Чего не дѣлали веселые Сатиры, забавляющіеся пляскою, и Панъ, увѣнчанный колючими вѣтьвями сосны, чтобъ ей понравиться? Сколько старался о семъ всегда цвѣтущій юностію Сильванъ и самъ Богъ садовъ, прекрасный Вертумнъ, который грозитъ длинною косою своею ворамъ яблоковъ!— Но увы! хотя Вертумнъ всѣхъ болѣе любилъ Помону, но также не имѣлъ успѣха какъ и другіе.— Онъ принималъ на себя различные виды, чтобъ привлечь вниманіе милой Нимфы. Иногда съ корзиною колосьевъ, и загорѣвшими щеками являлся ей въ видѣ румянаго жнеца. Иногда,

увязавъ чело пахучимъ сѣномъ, показывался косцомъ, недавно посѣкшимъ многіе луга; иногда, держа на плечахъ длинной бичъ, представлялся въ видѣ пахаря недавно распрягшаго усталыхъ воловъ: съ метлою въ рукахъ садовникомъ, съ ножемъ — виноградаремъ, съ лѣстницею собирателемъ плодовъ, съ удою — рыболовомъ, съ саблею — воиномъ: во всѣ виды наряжался, чтобъ свободно ее видѣть, ей казаться и плѣняться ея красотою.

„Наконецъ, употребляетъ хитрость, чтобъ склонить къ любви сію невнимательную садовницу.— Надѣваетъ на голову пеструю женскую повязку; привѣшиваетъ къ вискамъ нѣсколько клочковъ сѣдыхъ волосъ; сгорбившись, беретъ въ руку посохъ, и въ образѣ морщиноватой старухи приходитъ въ садъ къ Помонѣ. Тутъ разсматриваетъ сперва висячіе плоды и удивляется красотѣ ихъ, но еще болѣе той, которая ихъ лелѣяла. Потомъ привѣтствуя хозяйку похвалами, объемлетъ ее дружелюбно и даетъ нѣсколько такихъ поцѣлуевъ, какихъ отъ старухи никогда получить не можно. Онѣ садятся на дерновое ложе, и гостья, осматривая вокругъ висѣвшіе румяные плоды, видитъ виноградную вѣтьвь, обвившуюся около прямостебельнаго вяза и къ сему предмету

нарочно склоняетъ свою рѣчь: „Какъ мило сіе соединеніе! Чтобы изъ сего вяза было, естьлибъ онъ стоялъ одинъ, имѣя только листвія? Теперь мѣшаются съ ними и плоды! Равно и съ этими прекрасными гроздами, естьлибъ они не обнималися съ вязомъ и не были поддерживаемы?— Они бы упали на землю и завяли. Для чего ты младая Помона не трогаешся симъ примѣромъ? Ты убѣгаешь отъ взора юношей тебя ищущихъ, не хочешь покориться узамъ Гименея. О, естьлибъ ты только возжелала!— Никогда прекрасная Елена не имѣла столько жениховъ, какъ ты; ни сама Гипподамія, за кою Лапиѳы подрались съ Центаврами; ни Пенелопа Улиссова. И нынѣ когда ты отказываешь всѣмъ обожающимъ тебя, и нынѣ есть красавцы, воздыхающіе о тебѣ.— Полубоги и боги и обладатели холмовъ Албійскихъ горятъ къ тебѣ любовію. Буди благоразумна, и естьли хочешь имѣть выгодное супружество, послушай совѣтовъ старухи, которая тебя любитъ болѣе, нежели всѣ твои обожатели, и болѣе, нежели ты вѣришь, любитъ.— Оставь обыкновенные браки: избери Вертумна супругомъ, бога садовъ. За него я тебѣ буду порукою, потому что онъ самъ себя не столько знаетъ, какъ я. Онъ не изъ числа волокитъ, скитающихся по свѣту, но

здѣсь живетъ, и здѣсь имѣетъ смежныя поля; онъ непохожъ на безразсудныхъ юношей, которыми всегда преобладаетъ послѣдній поразившій ихъ взоръ (quas modo vidit amat, не могу я лучше выразить) — кои, что увидятъ, то и влюбляются; нѣтъ, ты будешь для Вертумна первымъ и послѣднимъ предметомъ. Тебѣ одной посвятитъ онъ жизнь свою. Прибавь къ сему, что онъ молодъ, прекрасенъ, имѣетъ даръ наряжаться въ разные виды и можетъ исполнить всѣ твои желанія, всѣ требованія твои. Для чего тебѣ не согласиться? Вы оба занимаетесь тѣмъ же дѣломъ, обоимъ любезны плоды древесные, оба собирать будете свои сокровища.— Вертумнъ не ищетъ никакого приданаго, ни садовъ твоихъ, ни плодовъ, ни обильныхъ овощей: ищетъ одной тебя. Уважь сей пламень—и представь, что онъ самъ моими устами, онъ самъ тебя умоляетъ. Дай руку Вертумну и страшись огорчить отказами Немезу и Богиню Идалійскую, которая не навидитъ всякое нечувствительное сердце. Повѣрь мнѣ, гнѣвъ ея очень опасенъ, и я хочу тебѣ разсказать на сей случай одно печальное приключеніе, бывшее на островѣ Кипрѣ. Мнѣ старухѣ много кое чего удавалось слышать и видѣть на мой вѣкъ, и, можетъ быть, сія повѣсть смягчитъ твою суровость и за-

ставитъ тебя внимать благосклоннѣе моимъ предложеніямъ:

"Ифисъ незнатной юноша, увидѣлъ однажды Анаксарету, произшедшую отъ славнаго дома Тевкрова. Увидѣлъ, и огнь любви проникнулъ всѣ его чувства. По долгомъ размышленіи не могши преодолѣть своей страсти, рѣшился онъ итти въ чертоги своей любезной. Тамъ приступилъ онъ къ ея нянѣ, и умолялъ ее преклонить къ нему красавицу. Онъ даетъ подарки прислужницамъ, часто ввѣряетъ мысли свои трогательнымъ письмамъ, вѣшаетъ на дверяхъ ея вѣночки орошенные слезами, часто простершись на марморномъ помостѣ предъ ея порогомъ, проводитъ ночи безъ сна, и дѣлаетъ ихъ однѣхъ свидѣтелями своей горести.

„Ничто ни помогаетъ! Анаксарета глуха къ нему, какъ волны Океана; жестока какъ желѣзо на наковальнѣ Норика; тверда какъ камень. Она смѣется надъ Ифисомъ и презираетъ любовь его. Жестокая присоединяетъ къ невниманію гордость и отъемлетъ у нещастнаго и самую надежду.— Нетерпѣливый Ифисъ, не могши сносить далѣе своего мученія, однажды сталъ предъ окнами ея и сказалъ сіи послѣднія слова:

„Ты преодолѣла Анаксарета; не стану болѣе безполезными вздохами и пламенемъ непрiятнымъ нарушать твой покой. Радуйся жестокая, увѣнчай себя лавромъ, торжествуй надъ слабостiю моею—я умру. Ты насладишься симъ зрѣлищемъ; никто не придетъ возвѣстить тебѣ о семъ. Я самъ возвѣщу о плачевной моей кончинѣ. Боги! естьли вы наблюдаете за участiю смертныхъ, благоволите вспомнить обо мнѣ, и продлите сокращаемую нынѣ жизнь въ памяти людей.— Сказалъ, и предъ самыми дверями Анаксареты поражаетъ себя остріемъ въ сердце (*) Алая кровь брызжетъ на нихъ какъ струи дождя; онъ падаетъ и ногами ударяетъ въ двери нѣсколько разъ. Весь домъ смутился. Служители сбѣжались и отнесли нещастнаго юношу на рукахъ къ его матери. Она долго оплакивала единаго любезнаго сына; потомъ принуждена была исполнить послѣднiй долгъ и проводить тѣло его къ печальному срубу.

„Домъ Анаксареты стоялъ на самой той улицѣ, по которой шествовали сiи похороны. Вопли и стенанiя матери достигли слуха жестокой, но уже богомъ мстителемъ встрѣ-

(*) Вь подлин. повѣсился—я не смѣлъ выставить такой картины при чтенiи.

вoженной дѣвы. Она востекаетъ въ верхнiе чертоги свои—смотритъ изъ окна, но едва увидѣла на черномъ одрѣ лежащаго Ифиса, мгновенно очи ея костенѣютъ, блѣдность покрываетъ тѣло, кровь засыпываетъ; она хочетъ отступить назадъ, но уже ноги ея не двигаются, хочетъ отвратить лице, но и сего не можетъ. Жестокость сердца ея сообщается всѣмъ ея членамъ. Она становится камнемъ.

„Не подумай, чтобъ это былъ вымыслъ: въ городѣ Саламинѣ и до сихъ поръ хранится истуканъ сей Княжны, и граждане, желая умилостивить богиню любви, построили ей храмъ отъ общаго благоговѣнiя.

„Нимфа! бойся гнѣва Венеры, не медли болѣе, оставь неприличное дѣвѣ упрямство и соединись съ Вертумномъ, любящимъ тебя страстно. Пускай яблоки твои спѣютъ благополучно и пахучiе цвѣты твои не отвѣваются дыханiемъ вѣтровъ.

„Помона колеблется. Въ самую сiю минуту хитрый богъ, не принимавшiй на себя тщетно толикихъ превращенiй, является въ настоящемъ видѣ: скидаетъ съ себя нарядъ старухи, и предстаетъ прелестнымъ юношею, какъ

солнце, когда оно прогнавъ заслонявшія его облака, явится во всей своей полнотѣ. Нимфа, прельщенная красотою Вертумна, болѣе не отговаривалась, и подала ему свою нѣжную руку. Они соединили свои души и сдѣлались щастливыми супругами.„

Прекрасная Аллегорія сія представляетъ намъ сочетаніе *Осени* съ *Годомъ*, который по четыремъ временамъ принимаетъ на себя различные виды.

Я. Галинковской.

ЩАСТІЕ.

Что наше щастіе? . . . . обманчива мечта.—
Богатство, почести, блескъ славы, красота. . .
Не защищаютъ насъ отъ смерти неизбѣжной;
И юность красная, какъ цвѣтъ весенній, нѣжной
Отъ вѣтра бурнаго поблекнетъ и падетъ.
Въ семъ мірѣ жизнь и смерть, какъ ночь и дневный свѣтъ
Нераздѣляемымъ союзомъ сопряженны.—
Но мысли наши всѣ ко щастью устремленны;
И юноша, и мужъ, и старецъ съ сѣдиной. . . .
Всѣ ослѣпляются единою мечтой;
Отъ колыбели мы до самыя могилы
Употребляемъ всѣ старанія и силы,
Чтобъ щастье обрѣсти, стремимся каждый часъ
За милымъ призракомъ. . . но онъ бѣжитъ отъ насъ,
И въ души мрачное отчаянье вселяетъ.

Но въ чемъ же щастіе родъ смертныхъ полагаетъ?
Ужель оно въ любви? . . . . Но ахъ! сей даръ небесъ,
Сей даръ, толь сладостный. . . намъ стоитъ горькихъ слезъ,
И часто межъ цвѣтовъ скрываетъ змѣй ужасныхъ.—
Разсмотримъ щастіе сердецъ любви подвластныхъ:
Въ началѣ красота намъ взоры поразитъ,
И искру слабую любови поселитъ;

Но искра . . въ страшный огнь мгновенно превращится;
Сей огнь снѣдающій вездѣ разспространится:
Объиметъ мысли всѣ, весь духъ, все бытіе.
И юность, потерявъ спокойствіе свое,
Въ предметѣ миломъ зря блаженство и мученье,
Въ душѣ питая страхъ, надежду и смятенье,
Привѣтствуетъ слезой раждающійся день;
Встрѣчаетъ. . . вздохами унылой ночи тѣнь,
И въ сердцѣ чувствуетъ неизъяснимы муки.

Потомъ, представятся терзанія разлуки,
Измѣна, ревность, месть. . . сопутники любви,
Всѣ страсти бѣдственны посѣются въ крови.
Тогда цвѣтъ жизненный безвременно увянетъ;
Погибельный ударъ неожиданно грянетъ!
И свѣтлость юности затмится мракомъ тучъ!

Сколь часто намъ въ любви обманчивъ щастья лучъ!
Ужъ брачный день насталъ, и жертвенникъ священный,
Обвитый миртами, цвѣтами испещренный
Являетъ арѣлище, толь радостно очамъ!
Амуръ и Гименей влетаютъ въ свѣтлый храмъ,
Готовясь озарить блаженствомъ новобрачныхъ . . . .
Но вдругъ за ними въ слѣдъ паритъ на крыльяхъ мрачныхъ
Дщерь ада грозная, покрыта вѣчной тьмой;
Она, сверкнувъ своей косою роковой. . . .
Лютѣйшимъ хладомъ огнь любови потушаетъ,
И брачно торжество въ надгробно превращаетъ.

Ахъ! щастіе въ любви преходчиво, какъ сонъ.—
Но гдѣжъ сей даръ благій свой воздвигаетъ пронъ?—
Ужели посреди всѣхъ бурь войны кровавой?—
Такъ поспѣшимъ туда, чтобъ упитаться славой,
И воплемъ падшихъ жертвъ весь наполняя міръ,
Пріять въ объятія желаемый кумиръ.
Ужъ честолюбіемъ кичливецъ вдохновенный
Сквозь груды тѣлъ свершилъ свой путь окровавленный;
Неодолимые оплоты бранныхъ силъ
Коварствомъ, дерзостью и златомъ низложилъ;
Разспространивъ вездѣ раздоры и крамолу. . . .
Изъ праха. . . . хищну длань простерь уже къ Престолу;
Въ порфиру облачась, крушительнымъ мечомъ
За молньей молнію металъ, за громомъ громъ!
Плѣненьемъ тягостнымъ обременилъ столицы;
Съ властителей сорвалъ блестящи багряницы,
И на развалинахъ ихъ скиптровъ и коронъ
Мнилъ щастье обрѣсти. . . . Но жертвъ сраженныхъ стонъ
Терзаетъ духъ его злодѣйствомъ отягченный:
Всякъ часъ мечтаетъ онъ зрѣть мечъ надъ нимъ взнесенный;
Всякъ часъ, вездѣ, во всѣхъ мнитъ зрѣть убійцъ своихъ:
Свистъ вѣтра, шумъ деревъ, и даже гласъ родныхъ
Смущаетъ робкій слухъ губителя невинныхъ!

И такъ таинственный законъ небесъ всесильныхъ
И честолюбіе къ страданьямъ осудилъ.—
Но гдѣ же щастіе отъ смертнаго сокрылъ?—
Ужели злато всѣхъ желаній не свершаетъ?—

Такъ, старецъ тяжкую болѣзнь пренебрегаетъ,
И не довольствуясь умѣреннымъ дооромъ,
Съ восходомъ солнечнымъ свой оставляетъ домъ;
Раздраннымъ рубищемъ, презрѣннѣйшимъ покрытый,
Какъ нѣкій хищный вранъ, или какъ волкъ несытый
Повсюду рыскаетъ, чтобъ злато пріобрѣсть;
Не внемля совѣсти, позабывая честь,
Мздоимствомъ страшное богатство собираетъ;
Но жадность къ оному въ немъ болѣ возрастаетъ.
Онъ, въ часъ полуночи снизшедъ въ подземный сводъ
Щитаетъ съ алчностью корыстолюбья плодъ.
Проводитъ день въ тоскѣ, проводитъ ночь въ боязни;
Малѣйшій шумъ. . . . уже ему предвѣстникъ казни;
Зря тѣнь свою. . . . онъ мнитъ, что хищникъ у дверей. . . .
Съ оцѣпенѣвшею отъ ужаса душей,
Кладетъ сокровища подъ тяжкіе заклепы. . .
Но всеразящая, бросая взоръ свирѣпый
Проникла твердые затворы крѣпкихъ стѣнъ;
Сребролюбивый палъ надъ златомъ пораженъ,
И всѣ сокровища ударъ не отвратили.

Но въ чемъ же щастья зрѣть судьбы опредѣлили?—
Иль въ добродѣтели?— Такъ, щастье въ ней живетъ,
И время, удержавъ свой гибельный полетъ,
Не смѣетъ поразить священну добродѣтель.—
Во образѣ ея, Творецъ всѣхъ благъ Содѣтель
Свое подобіе для смертнаго явилъ.
Она. . . страдающимъ даруетъ крѣпость силъ;
Она. . . невиннаго въ нещастьяхъ утѣшаетъ;
Она. . . смерть праведныхъ безсмертьемъ озаряетъ;
Она. . . и въ рубищѣ. . . . величіемъ блеститъ;
Она. . . великими властителей творитъ;

Она. . . Егидъ отъ золъ пороками рожденныхъ;
Она. . . предвѣстница дней мирныхъ и блаженныхъ;
Она. . . въ небесную обитель насъ ведетъ. . .
Въ ней наше щастіе. . . инаго щастья нѣтъ.—

Степанъ Висковатовъ.

БЕСѢДА
О УЕДИНЕНІИ
КЪ А. С. ТАРАНОВУ.

Когда мы устраняясь съ тобой отъ свѣтскихъ бурь,
Подъ чистую небесъ безоблачныхъ лазурь,
Дышали воздухомъ климата благотворна;
Когда питающа насъ дружба не притворна,
Чистосердечію свободный путь открывъ,
Избавила отъ узъ нашъ мысленный порывъ
И смѣло всюды мы стремили воображенье,
Скажи, любезный другъ, сіе уединенье,
Сія бесѣда душъ, сей искренности часъ
Не сладостнѣй ли былъ мірскихъ утѣхъ сто разъ?
Тутъ умъ, не опьяненъ страстей зловреднымъ чадомъ,
Удобенъ внутрь вещей проникнуть острымъ взглядомъ;
Тутъ къ мудрости ни что не препинаетъ путь,
Тутъ время есть въ свое и сердце заглянуть.
Презря полезную съ самимъ собой содружность
Ужель намъ суждено стремиться вѣкъ въ наружность?
Ужель не видимъ мы, что въ сонмищѣ забавъ
Не просвѣтится умъ, не вычистится нравъ!
О смертный! если ты ущедренъ такъ судьбою,
Что можешь жить одинъ, спѣши пожить съ собою:

Иль съ другомъ, раздѣля свободный часъ отъ дѣлъ,
Спѣши съ нимъ взоръ простерть истленья за предѣлъ.

Такъ, часто проводя съ тобой часы полезны,
Въ изгибы сердца мы вникали другъ любезный.
Такъ, часто зеркаломъ другъ другу послужа,
И внутренность души взаимно обнажа,
Учились быть добрѣй; и для себя лишъ строги
Учились извинять, что смертные не боги;
Когдажъ стараніе успѣхъ не повершилъ,
Въ насъ лѣнь тому виной, а не ничтожность силъ.

Но сколько въ свѣтѣ есть людей, которыхъ мнѣнье,
Въ число безумныхъ дѣлъ кладетъ уединенье!
Которымъ все равно: въ дали отъ свѣта жить
Иль въ гробъ себя велѣть живаго положить.
Тотъ умствуетъ, что мы должны имѣть въ предметѣ:
Богатство, почести, веселье въ здѣшнемъ свѣтѣ,
И все противное изъ мыслей истребя,
Должны всю нашу жизнь провесть вовнѣ себя;
А сей, что подчиня уму стремленье воли
Пріемлемъ на себя ярмо несносной доли,
Тогда, стараемсяль произойти въ чины?
Намъ средства рабскія умомъ возбранены;
Желаемъ ли вкусить любови утѣшенья?
Лишаетъ совѣсть насъ клятвъ ложныхъ вспоможенья
И даже позабывъ почтенье къ злату,— стыдъ
И въ карты подбирать и взятки брать претитъ.
Умъ, совѣсть, стыдъ, о ты! сословіе докучно,
Онъ мыслитъ; на бѣду ты съ нами неразлучно.

Робячьи правила, брюзгливый твой совѣтъ
Давно, и по дѣломъ большой отринулъ свѣтъ.

Пожалуй не суди другъ міра! насъ такъ строго,
Дай времени пройти, пожди хотя немного,
Подъ мощною рукой у Хрона старика
Быстротекущая событій всѣхъ рѣка,
Готовитъ въ будущемъ премѣнъ еще не мало,
Покоенъ ты — г. зло остритъ во мракѣ жало:
Пока твои пять чувствъ, орудія утѣхъ
Всечасно новый въ нихъ сулятъ тебѣ успѣхъ,
Пока пріятными мечтами окруженный,
Числомъ забавъ твоихъ ты числишь дни блаженны
И огнь желанія несуетно горитъ;
Пока съ улыбкою къ тебѣ фортуна зритъ
И стелетъ розами роскошной жизни поле,
Весельемъ упоенъ, въ твоей щастливой долѣ,
Превыше чтишь себя ты жителей небесъ;
Но жребій, какъ возметъ противный перевѣсъ,
Какъ въ слѣдъ за лютою премѣною судьбины
Вдругъ перевернутся блестящія картины,
Когда изъ опыта узнаешь ты дивясь,
Что рушитъ родственну алчба корысти связь,
Что дерзкимъ ты слывешь за омерзенье къ лести,
Что мѣсто потерялъ за наблюденье чести,
Что злобы гласъ тебя въ безбожники вмѣстилъ,
Что преданъ тѣмъ, кого ты другомъ сердца чтилъ,
И долженъ безъ вины ходить съ поникшимъ взоромъ,
Когда, предъ обществомъ покрывъ тебя позоромъ,
Пустила по міру развратная жена;
Тутъ лютой горестью душа поражена,

Отъ свѣтскихъ благъ такихъ возжаждешь устраниться,
И самъ ты поспѣшишь тогда уединиться.

Но должно ли отъ бѣдъ на то приказа ждать?
Не лучшель самому такъ время учреждать,
Что бы на все могло достать его теченья,
Часть на веселіе, а часть на размышленье,
И нѣсколько минутъ отдавъ на свѣтскій шумъ,
Въ оставшіе чтобъ могъ поцарствовать и умъ.
Владыкою себѣ одно поставить тѣло
И рабствовать ему, не умной твари дѣло.
Ты въ истиннѣ себя не хочешь наставлять.
Охъ! худо, какъ судьба возмется исправлять:
Весь въ чувствахъ — никогда съ умомъ — ты жизнь любезну
Свергаешь вѣчности стремглавъ въ ужасну бездну,
И скоро тяжка скорбь, дочь роскоши и нѣгъ,
Плоть истощенную грозитъ лишить утѣхъ.
Тутъ тотчасъ къ Велію и къ Франку ты съ воззваньемъ,
Чтобъ помощь подали не медля врачеваньемъ,
Чтобъ крови уняли безмѣрну быстроту,
Чтобъ уничтожили въ желудкѣ остроту;
Уже врачи на скорбь искуство воружили,
Ужъ склянками тебя отвсюду окружили,
Противу лакомства совѣтъ ихъ ополченъ,
Съ Амуромъ, съ Бахусомъ ты строго разлученъ,
И что еще всего тебѣ противнѣй въ свѣтѣ,
Къ такой приговоренъ ты на долго діетѣ.
Чтожъ? Еслибъ прежде вихрь страстей унявъ на часъ
Ты побесѣдовалъ съ самимъ собой хоть разъ?

Узрѣлъ бы, что давно твой умъ тебѣ вѣщаетъ
Воздержность въ самомъ томъ, что лѣкарь запрещаетъ.
Ты слушаешь врача — скажи, почтожъ ему
Покорнымъ лучше быть ты хочешь, чѣмъ уму?

Такъ — къ оправданью насъ, сколь разумъ нашъ ни гибокъ
Невѣжство наше здѣсь виною всѣхъ ошибокъ;
Но если мы возмнимъ, что школьныхъ знаній лучъ
Достаточенъ водить насъ въ мракѣ свѣтскихъ тучъ:
То будемъ слѣдовать лишь заблужденью вѣка:
Наука всѣхъ наукъ — познанье человѣка.
Она прямымъ ведетъ насъ къ мудрости путемъ,
И пламенникъ ея мы въ сердцѣ обретемъ.
Безъ поученія съ профессорской каѳедры
Намъ чувство внутренне велитъ, чтобъ были щедры,
Чтить друга истинны, пренебрегать льстеца,
Наставникъ есть у насъ превыше мудреца.
Спросясь съ собой, узнать безъ хитрыхъ толковъ можно,
Что съ чистой совѣстью спокойствіе не ложно.
Ужель не говоритъ сердечный намъ урокъ,
Что самъ себя казнитъ и здѣсь еще порокъ?
И долгъ, священный долгъ, чтить ближняго за брата
Не вѣдомъ развѣ былъ до Канта, иль Сократа?
Повѣрте! къ щастью путь намъ истинный открытъ,
Путеводитель въ насъ глубоко лишь зарытъ.

О еслибъ мы себя почаще посѣщали
И умственный свой взоръ на сердце обращали,
Открылсябъ, кажется, такой намъ ясный свѣтъ,
Съ которымъ человѣкъ во вѣки не падетъ;

Которымъ добрые водились безопасно
А міра мудрецы гордилися напрасно.

Но разумъ въ насъ привыкъ зѣвать по сторонамъ
Отъ внѣшности отвлечь его ужъ трудно намъ.
Разнообразіемъ предметовъ обольщенье
Есть точное ему отъ міра пресыщенье,
Вотще потворствуя себѣ среди отравъ
Онъ мыслитъ, что и ихъ вкуся онъ будетъ здравъ.
Намъ истинна твердитъ, и съ нею опытъ свѣта:
Уединенье есть для разума діета.

Кн. Д. Горчаковъ.

ПИСЬМА КЪ ГРАФИНѢ Н. Н.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА.

№ 15.

Человѣкъ довольный, котораго ни что не заботитъ, ни что не тревожитъ, видитъ предметы особымъ образомъ; все ему встрѣчается къ стати, и вездѣ ему хорошо.

Такъ я донынѣ живу письмомъ вашимъ, добрая Графиня!— Часто смотрю на сушеные цвѣты, отъ васъ присланные!— Прелестный памятникъ мечты моей, силою которой почувствовалъ я, что такое щастіе земное, и гдѣ оно!— И хотя начинаю я чувствовать ожиданіе другаго письма, но между тѣмъ первымъ письмомъ вашимъ я всякой день удовольствіе мое поновляю—и мнѣ сносно!

Я къ стати коснулся щастія.— Вы меня спросили, въ чемъ я его полагаю?— Спросили, и требовали моего отвѣта!

Вамъ ли меня объ этомъ спрашивать, и мнѣ ли отвѣчать вамъ? — Простите мою откровенность.— Щастье, мнѣ кажется, съ вами неразлучно!— я такъ думаю вотъ по чему: гдѣ вы покажетесь — тамъ такъ пріятно! съ кѣмъ вы заговорите — тому такъ весело! Но какъ вы требуете понятія моего о щастіи смертныхъ вообще,— а я, послушнѣйшій изъ слугъ вашихъ; то обдумавъ задачу, искренно скажу вамъ мое мнѣніе.

Вы сами лучше меня знаете, Графиня, что всякой понимаетъ щастіе по своему.— У скупаго оно въ деньгахъ, у честолюбиваго въ чертогахъ Царскихъ, у умнаго въ знаніяхъ и проч.— Много о щастіи и говорено и писано, и естьли затверживать всѣ пестрые планы по этому предмету, то я думаю, что непримѣтно попадешся въ такую путаницу, что занявъ у Лапландца кафтанъ, у Нѣмца длинной парикъ, у Англичанина круглую шляпу, у Француза верт-

ливую походку, самъ себя не узнаешь, по тому, что чужое рѣдко что въ пору, и выдешь наконецъ по неволѣ какимъ-то шутомъ, или уродомъ.

Я не отвѣчаю, милая Графиня, что бы и я вамъ уродомъ не показался, но покрайней мѣрѣ таковъ я по природѣ.—Что тутъ дѣлать?—Я на это иду.—А вы ко мнѣ всегда снисходительны были.

Вотъ по какимъ причинамъ я никогда о щастіи ничего не читывалъ, и объ немъ говорю рѣдко.

Въ мысляхъ моихъ встрѣтите вы, можетъ быть, несообразности съ ученымъ свѣтомъ; рѣчь простую, безъ всякаго искуства сложенную.— Но за чѣмъ выработывать рѣчь въ отношеніяхъ сердечныхъ?

Источникъ сельскій и шумливый,
Бѣгущій въ дебряхъ по лугамъ,
Чрезъ камни скачущій игриво,
Подобный свѣтлостью лучамъ,
Съ горы срываясь въ чисто поле
Не веселѣе ль кажетъ видъ

Того, который въ злой неволѣ
Въ златыхъ заклѣпахъ жизнь томитъ,
И въ мраморахъ своихъ богатыхъ,
Въ порфирахъ, въ бронзахъ кудреватыхъ
Великолѣпья мрачной рабъ! . . .
Чуть дышетъ между львиныхъ лапъ?

И такъ вотъ вамъ любезная Графиня простая моя и коротенькая исповѣдь:

По разуму и сердцу человѣкъ отличается отъ животныхъ.

Свойство чистаго разума есть *паренїе, быстрота*. Но чѣмъ пареніе выше, тѣмъ болѣе разумъ видитъ свою ничтожность; чѣмъ быстрота стремительнѣе, тѣмъ сильнѣе отражается разумъ отъ непроницаемыхъ таинствъ природы.

Слѣдовательно: истинно умный человѣкъ занятіями разума доволенъ быть не можетъ. При возчувствованіи своего ничтожества довольнымъ быть не льзя: то какъ же быть щастливымъ?

Свойство чистаго сердца есть *стремленїе къ благу* частному и общему.

Чѣмъ болѣе такое стремленіе сердца проникаетъ въ предметы, тѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ удовольствіе.

Слѣдовательно: кажется, что все щастіе человѣка состоитъ въ ощущеніяхъ сердечныхъ.— Я не говорю теперь объ ограниченномъ разумѣ, который питается и пухнетъ въ сѣтяхъ гордости; не говорю также о нечистомъ сердцѣ, которое ищетъ въ землѣ себѣ пищи.

Но что такое собственно щастіе? — Нѣ уже ли можно назвать щастіемъ всякое удовольствіе, какое человѣкъ чувствуетъ безъ вреда другому? — По этому и пьяной, и скупой, и честолюбецъ, доколѣ первой пьетъ и не дерется; второй считаетъ деньги и не крадетъ, а третій шатается по придворнымъ лестницамъ и не сбиваетъ другихъ съ ногъ, должны быть щастливы?

Признаться вамъ Графиня, эта мысль меня поколебала. — Я неученый человѣкъ, потерялся было въ моихъ размышленіяхъ. Изъ одной мысли бросался въ другую.— Разумъ мой убѣждалъ меня, что щастье че-

ловѣка на землѣ, есть дѣйствительно не что иное, какъ чувствованіе временнаго какого либо блага, и чѣмъ чаще человѣкъ пользуется такимъ благомъ, тѣмъ онъ щастливѣе. И я почти убѣжденію разума сдался.—Но сердце у меня билось!—я былъ недоволенъ; какъ! я думалъ самъ въ себѣ, я здоровъ, имѣю чѣмъ жить, пользуюсь хорошимъ столомъ, со мною ничего непріятнаго не случилось,—я покоенъ, я доволенъ, слѣдовательно и щастливъ?—Нѣтъ, быть не можетъ!—Такъ щастлива можетъ быть и лошадь и собака.—Нѣтъ! ты разумъ меня обманываешь! я пришелъ въ нетерпѣніе, схватилъ шляпу, и съ двора долой.

Попадись мнѣ на встрѣчу нищій, въ разодранномъ рубищѣ, а морозъ такой былъ жестокой! случились со мною деньги, я ему ихъ отдалъ.—Мнѣ такъ стало весело, какъ подумалъ, что этотъ старичокъ купитъ себѣ крѣпкіе сапоги, теплую шубу и мерзнуть не станетъ!—такъ мнѣ стало весело, что мысль о щастьѣ вдругъ освѣтила меня какъ молнія!—и я возвратясь домой написалъ вотъ что:

Щастье есть чувствованіе удовольствія, но такого, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ.

Слѣдовательно щастіе человѣка состоитъ въ такихъ ощущеніяхъ сердечныхъ, которыя питаются благополучіемъ другихъ; они не только приносятъ человѣку удовольствіе въ жизни, но соединяютъ его съ Богомъ!

Ахъ Графиня! точно такъ, сердце доброе есть храмъ свѣта, бездонный источникъ наслажденій.—Какое щастливое твореніе тотъ человѣкъ, который сердечными ощущеніями украшаетъ жизнь свою!—Какъ каждая капля росы, или благотворнаго дождя, проникаетъ во всѣ составы растенія, и живитъ его, такъ каждый предметъ питаетъ человѣка въ сердечномъ добрѣ, и богатствѣ живущаго! На чтобы ни взглянулъ такой человѣкъ, къ чему бы ни прикоснулся, все умножаетъ существо его, и достоинство жизни!

Вы безъ сомнѣнія примѣтили, Графиня, что все видимое держится и сохраняется

силою какой-то связи! одиночное, что бы то ни было, истребляется въ мірѣ само собою!

Чѣмъ болѣе сердце къ нѣжнымъ ощущеніямъ чувствительно, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, раздѣляется оно въ другихъ, и собственно собою уже существовать не можетъ.— Цвѣтку не обходимо солнце!

Блаженъ тотъ, для кого солнце восходитъ! Чудная связь! судьба посылаетъ доброму сердцу въ помощь другое на встрѣчу, и естьли встрѣтившіяся кромѣ другъ друга ни чего посторонняго въ предметѣ не имѣютъ, тогда знаете ли, что выдетъ изъ такой встрѣчи?— Они поселятся вмѣстѣ, одно другимъ начнетъ мыслить, чувствовать, жить!

Такую встрѣчу почитаю я истиннымъ щастіемъ на распутіяхъ жизни человѣческой, истиннымъ щастіемъ по тому, что жизнь вообще есть путь трудный. Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается!

Всѣмъ даны сердца, но не у всѣхъ они равнаго достоинства, какъ я сказалъ вы-

ше.— Есть люди, у которыхъ сердце не что иное, какъ необходимое орудіе для обращенія крови!— Они имѣютъ свои наслажденія, но особаго рода.

Щастье ихъ, (коли такъ назвать его можно) вѣтрено, прихотливо; оно часто является въ чужемъ кафтанѣ; оно крадетъ знаки отличія, шпаги, ленты, и въ нихъ публично ходитъ; часто оно бѣгаетъ изъ дома въ домъ, набираетъ себѣ въ услуги шутовъ, дураковъ, злодѣевъ, — и все для умноженія своего двора.

Иногда оно на свѣтѣ
Ставитъ города вверьхъ дномъ;
Вдругъ увидишь съ нимъ въ каретѣ
Обезьяну съ дуракомъ, —
Ѣдутъ прямо въ знатный домъ;
Иногда летитъ орломъ! —
И на пиковомъ валетѣ
Сотни душъ тащитъ съ собой,
Лѣсъ, деревни, скотъ, въ полетѣ
Въ слѣдъ толпятся саранчой! ......

Но пусть это щастье живетъ гдѣ хочетъ, а я ему не слуга. — И да будетъ вамъ извѣстно любезная Графиня, что я его щастіемъ не почитаю и не называю.

Я исполнилъ приказаніе ваше.— Что на сердцѣ у меня было, то и на языкѣ; а естьли я набредилъ, то сдѣлайте милость не берегите меня, прикажите меня нарисовать:

Въ черномъ вытертомъ кафтанѣ,
А парикъ на мнѣ хохломъ;
Носъ въ малиновомъ сафьянѣ,
До колѣнъ камзолъ мѣшкомъ,
На носу очки какъ горы!
Пестры азбучныя вздоры
Крѣпко я держу рукой,
А въ другой клюкой рогатой
Я кажу тамъ смыслъ богатой,
Гдѣ въ словахъ лишь звукъ пустой.

И прикажите этотъ портретъ мой разослать по всѣмъ роднымъ моимъ, по всѣмъ пріятелямъ и знакомымъ, что бы всѣ видѣли и знали, что съ тѣхъ поръ, какъ я заговорилъ о щастьѣ, то таковъ сталъ преданный вамъ.

Ѳ. Львовъ.

ОДА

НА ВРЕМЯ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

Г-на ТОМАСА.

I

Пространство смѣряно Ураніи рукою;
Но время, ты! душей обьемлешься одною.
Незримый, быстрый токъ вѣковъ, и дней, и лѣтъ;
Доколь еще не палъ я въ земную утробу,
Влекомъ тобой ко гробу:
Дерзну остановясь воззрѣть на твой полетъ.

2

Кто скажетъ мнѣ, когда ты бытность воспріяло?
Теченью твоему прозритъ ли кто начало?
Знать смѣжно съ вѣчностью зачатіе твое.
Въ незрѣломъ сѣмени средь мрака погребенно;
Хоть дѣйствія лишенно,
Но предваряло ты всей твари бытіе.

3

Хаоса нѣкогда врата поколебались
И солнцъ возженныхъ вдругъ огнями осіялись;
Родилось ты.— Чреда предписана твоя.
Движенье, рекъ Творецъ, пусть время измѣряетъ.
Природѣ онъ вѣщаетъ:
Се, время твой удѣлъ;— единый вѣченъ Я.

4

Таковъ Всевышній Ты!— такъ, Океанъ просгіранный,
Временъ объемлющихъ міры Тобой созданны;

Въ вѣкъ не приближится къ Престолу Твоему.
Преемно тмящихся дней многихъ миліоны,
Вѣковъ несчетныхъ сонмы;
Равно въ очахъ твоихъ ничтожству самому.

5

Но мнѣ живущему средь праха сей громады,
Противу времени вотще искать преграды!
Преслѣдуемъ, тѣснимъ его я быстротой.
Едину точку лишь въ пространствѣ занимаю,
И съ страхомъ ту теряю,
Зря изчезающу подъ трепетной стопой.

6

Мнѣ представляется повсюду разрушенье;
Смущенно око зритъ вездѣ опустошенье.
Се мхомъ обросшія гробницы давныхъ лѣтъ;
Обломки тамъ столповъ; тамъ падшія ограды;
Подъ пепломъ цѣлы грады....
Повсюду, время свой напечатлѣло слѣдъ.

7

Небесъ, земли, стихій, оно властитель мощный.
Но пусть рука его, союзъ міровъ непрочный
Средь тьмы безмолвія ко тлѣнію стремитъ;
Мысль пламенна моя восторгомъ окриленна,
Отъ міра удаленна,
Развалинъ,—жертвъ вѣковъ, надъ грудами паритъ.

8

Минувшіе вѣка!—и вы съ собой несущи
Судьбу вселенныя,—столѣтія грядущи!
Всѣхъ вкупѣ предъ собой предстать я васъ зову.
Временъ безмѣрный кругъ отважно облетаю;
Въ премѣны всѣ вникаю;
Текущимъ властвую, въ предбудущемъ живу.

9

Палящимъ бѣгомъ дня свѣтило истощенно,
Узритъ огней своихъ утрату постепенно,
И вѣтхія міровъ пружины согніютъ.
Какъ камни съ скалъ крутыхъ свергаются въ долины;
Въ день общія кончины,
Обрушась тысящьми, такъ звѣзды низпадутъ.

10

Все поглотившая тупъ вѣчность воцарится,
И время какъ ручей малѣйшій погрузится
Въ сей страшный Океанъ невѣдущій бреговъ.
Въ вѣкахъ не вмѣстная, моя душа нетлѣнна,
Пребывъ не пораженна,
Безстрашно подъ собой зрѣть будетъ гробъ міровъ.

11

Всесильный! Ты морей остановилъ стремленье;
Подобно прекратишь и времени теченье.
Но грозный свѣдомъ часъ единому Тебѣ!
Речешь: и въ вѣчну мглу вселенна погружаясь,
Внезапно разрушаясь,
Тогда лишь о своей увѣдаетъ судьбѣ.

12

Дрожащей мѣди звонъ какъ слухъ вашъ поражаетъ,
И невозвратный бѣгъ часовъ напоминаетъ:
Сей звукъ да поселитъ, о смертны! ужасъ въ васъ!
Душа моя отъ сна симъ звукомъ пробужденна,
Трепещетъ изумленна,
И смерти, мнитъ, самой, внимаетъ страшный гласъ.

13

Въ какое, смертные, вы впали заблужденье!
Единый мигъ лишь данъ на жизнь, на размышленье:
И тотъ летящій мигъ есть тяжко бремя вамъ!
Стяженьемъ дорожа, а жизнь пренебрегая;
Себя едва позная,
Безумный смерть зоветъ и гробъ свой роетъ самъ.

14

Сей, старостью согбенъ, бывъ отъ рожденья мертвой.
Другой, корысти рабъ, весь вѣкъ ея былъ жертвой.
Тотъ, жизнь губитъ въ играхъ терпя безплодный трудъ.
Богатый, чтобъ избыть тоски гнетущей бремя,
С имѣньемъ тратитъ время....
Всѣ мыслятъ не живя, что щастливо живутъ.

15

Престаньте, смертные, мечтой питаться сею!
Душей живите вы, и мыслите душею.
И время ваше, ей прилично размѣрять.
Внявъ мудрости, съ собой жить мирно научитесь;
Тогда не убоитесь
Протекшихъ вашихъ дней мигъ каждый вспоминать.

16

Когдабъ корысти могъ плѣниться я отравой;
И ей пожертвовать свободной, доброй славой;
Соблазнамъ чувствъ, мой духъ ослабшій покорить,
О время! рекъ бы я, приближь мою кончину,
Сверши мою судьбину!
Пусть лучше буду мертвъ, чѣмъ въ посрамленьи жить.

17

Но естьли отъ моихъ писаній возрожденный
Огнь добродѣтели, взраститъ разпространенный;
Иль друга суждено печали мнѣ развлечь;
Иль гдѣ нещастные терпящи безъ защиты
Невинны и забыты
Ждутъ слабыхъ рукъ моихъ, чтобъ слезы ихъ пресѣчь.

18

О время, не стремись! Почти мою ты младость!
Пусть матери моей на долго дастся сладость,
Свидѣтельницей быть сыновней къ ней любви!
И добродѣтель пусть, съ блестящей славой купно,
Почіютъ неотступно,
На сѣдинахъ моихъ въ преклонны вѣка дни.

Переводъ Нелединскаго-Мелецкаго.

БАСНИ.

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.
Сосѣдушка! я сытъ по горло.— Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку; послушай
Ушица ей-же-ей на славу сварена!
Я три тарелки съѣлъ;— и полно что за щеты?
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье! ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди ку-
сочикъ!
Еще хоть ложечку! да кланяйся жена!
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха ни сроку.
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.-Вотъ друга я люблю,

Вскричалъ Демьянъ,— за то ужь чванныхъ не терплю.
Ну скушай же еще тарелочку мой милой.
Тутъ бѣдной Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку
Скорѣй безъ памяти домой.
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель щастливъ ты коль даръ прямой имѣешь,
Но естьли помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь;
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

II.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

Куда такъ кумушка бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
Охъ! мой голубчикъ куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей;
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой;
Въ трудахъ, куска не доѣдала,
Ночей не досыпала;
И яжъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ — ну самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы!
Мнѣ взятки брать! — да развѣ я взбѣшуся.
Ну видывалъ ли ты? я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху!
Подумай, вспомни хорошенько.
Нѣтъ кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.
Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ.
И подлинно весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь по маленьку,

То домикъ выстроитъ, покупитъ деревеньку.
Теперь какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Иванъ Крыловъ.

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ.

Побудительная причина составляетъ достоинство дѣлъ человѣческихъ, безкорыстіе совершенство ихъ показываетъ.

* * *

Писателю съ отличными дарованіями легче написать высспреннее, нежели избѣжать ошибки.

* * *

Довольно отъ автора, слушающаго хорошее чужое сочиненіе и того, что онъ молчитъ. Онъ уже наказывается тѣмъ, что долженъ слушать хорошее, не имъ сочиненное.

* * *

Ни одно превосходное сочиненіе не устоитъ, ежели изключить изъ него всѣ тѣ мѣста, кои особенно каждому критику не нравятся.

* * *

Дураки читаютъ и не разумѣютъ; посредственнаго ума люди думаютъ, что

разумѣютъ все; большіе умы находятъ темное темнымъ, ясное яснымъ; умницы стараются показать ясное темнымъ, темное яснымъ.

* * *

Нужно проворство разбогатѣть отъ дурной книги; нужна простота покупать ее.

* * *

Краснорѣчіе къ выспренности содержится такъ, какъ часть къ своему цѣлому.

* * *

Политическія дѣла должны производимы быть безъ огласки потому, что полезное дѣлается иногда и чрезъ средства не весьма похвальныя; и въ сихъ случаяхъ надобно скрывать отъ добрыхъ людей, дабы не упрекали; когдажъ употребляются средства хорошія, то должно скрывать отъ дурныхъ людей, чтобъ не помѣшали.

* * *

Въ войнѣ чаще и почти обыкновенно награждается удача, а не храбрость.

* * *

Пусть другъ мой видитъ мои пороки, а недругъ добродѣтели; то не будетъ пристрастенъ первый и несправедливъ другой.

* * *

Иный ослѣпляется блескомъ щастія, которое ведетъ его къ погибели, другой, гонимый рокомъ, сквозь терніе идетъ къ благополучію.

* * *

Не отдавать справедливости хорошему или превозносить худое, и то и другое, доказываетъ или недостатокъ вкуса, или пристрастіе.

* * *

Сберегать и наживать суть способности особенныя и несхожія: одна физическая, другая умственная. Кто бережетъ, тотъ часовой у кладовой; кто наживать умѣетъ, тотъ Генералъ хорошій.

* * *

Дабы пріобрѣсти уваженіе, надобно, чтобъ тебя или любили, или боялись.

* * *

Слѣдуя отъ женидьбы по страсти къ женидьбѣ безъ страсти, найдется пунктъ встрѣчи; ибо въ первомъ случаѣ отъ наслажденія уменьшается страсть, въ послѣднемъ отъ привычки умножается привязанность.

* * *

Женщина первую слабость свою желаетъ скрыть отъ себя самой, вторую старается скрыть отъ людей; о послѣдующихъ же не заботится.

* * *

Ложный другъ опаснѣе открытаго непріятеля; противъ послѣдняго вооруженъ ты, а первому самъ подаешь на себя оружіе.

* * *

Благодарность должна бы основываться на намѣреніи благодѣющаго, а не на благодѣяніи самомъ; но розысканіе причинъ не есть ли уже, какъ бы признакъ неблагодарности?

* * *

Величайшая добродѣтель есть забвеніе обиды, когда за оную отмстить можешь; отплата добромъ за зло есть высшренность добродѣтели.

* * *

Скрывай достоинства свои и не заботься о томъ, что видны недостатки; симъ избѣжишь зависти, понравишься сильнымъ; слѣдственно и успѣешь.

А. Хвостовъ.

СОЧИНЕНІЯ ЧИТАННЫЯ
ВЪ БЕСѢДѢ.

*ℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑ*ℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑℑ*

КЪ ПРОШЛОМУ 1812МУ И НАСТУПИВШЕМУ 1813МУ ГОДАМЪ.

Прости на вѣкъ, о годъ ужасный!
Прости — пусть твой исчезнетъ слѣдъ;
Пусть время токъ твой столь нещастный
Изъ памяти всѣхъ изженетъ.

Но тщетно, суетно желанье!....
Успѣлъ отъ плуга до вѣнца
Ты водворить вездѣ стенанье;
Ты поразилъ умы, сердца.

Изсякнутъ ли тѣ рѣки крови,
Которой Западъ оросилъ?
Ты страшный къ отечеству любови
Залогъ въ Можайскѣ положилъ.

Не изженятъ дѣяній грозныхъ,
Свершенныхъ въ шесть недѣль тобой,
Ни огнь, ни стужа дней морозныхъ.
Бѣдами памятенъ токъ твой.

Врядъ заглушатъ трофеевъ звуки
И громъ побѣдъ новѣйшихъ дней

Ужасны стоны блѣдной муки:
Нещастье міра — твой трофей.

Всѣ ропщутъ на тебя, взываютъ,
Свидѣтельствуютъ каждый часъ;
Здѣсь вѣси и града пылаютъ,
Тутъ скорби раздается гласъ.

Бородино еще дымится
Отъ крови ближнихъ и родныхъ;
И тѣмъ лишь духъ нашъ веселится,
Что въ немъ могила Галловъ злыхъ.

Еще орудій слышу звуки,
И раненыхъ я слышу вои;
Тутъ кровь теченъ, летятъ тамъ руки;
Обрызнуло здѣсь мозгомъ строй.

Убитыхъ тмы, и тмы имѣютъ
Надежду умереть отъ ранъ.
Ихъ прахъ, иль вѣтры тамъ развѣютъ,
Или крыломъ прикроетъ вранъ!...

Но что за страшное видѣнье
Мой смутный поражаетъ взоръ?
Иль рушено вещей теченье,
Иль новый созданъ метеоръ?

Не даромъ вдругъ зардѣло небо,
Не даромъ: — сердце мнѣ вѣщаетъ то.

Должно злодѣйство быть особо,
Предъ коимъ всѣ бѣды ничто:

Ужасный гулъ въ томъ увѣряетъ;
Все небо, искры лишь однѣ.....
Увы, Олеговъ градъ пылаетъ!
Вездѣ огонь: и внутрь, и внѣ.

Валятся замки, горды стѣны;
Врагъ нашъ на пиршество пришелъ.
Мечталъ обрѣсть, но не обрѣлъ измѣны;
Такъ мстить за вѣрность восхотѣлъ.

Зажегъ Москву, Москва сгораетъ;
Но Россъ неколебимъ въ бѣдахъ.
Казнитъ Господь; но и прощаетъ:
Вѣщаютъ всѣ, — злодѣи нашъ прахъ.

Покорность, твердость безпримѣрна!
Врагъ нашъ изчезнетъ яко тѣнь.
Но чаша бѣдствія безмѣрна
Изсякнетъ ли въ единый день?

Хотя вкушаемъ даръ свободы,
Вождей въ лавровомъ зримъ вѣнцѣ:
Еще осталось многи годы
Младенцамъ плакать по отцѣ.

Москва горитъ, — и въ ней нещастный,
Воитель язвенный, больной,

Влачитъ, пожаровъ въ день ненастный,
Себя и одръ болѣзни злой.

Тамъ старецъ дряхлый, изнуренный,
Лишившись пятерыхъ дѣтей,
Врагами къ бѣгству принужденный
Въ степи кончины ждетъ своей.

Тамъ въ домъ свирѣпый врагъ вбѣгаетъ:
Нашедъ въ немъ женщину съ дитёй,
Младенца объ полъ поражаетъ,
Взявъ мать насильною рукой.

Отъ глада и ночей холодныхъ
Тамъ у сосцевъ младенцы мрутъ;
Тамъ многіе въ мѣстахъ безводныхъ
Себѣ отъ жажды смерти ждутъ.

А здѣсь надъ тѣломъ вѣрна друга
Прелестна, нѣжна красота,
Мнитъ воплемъ воскресить супруга;
Тщетна ей сія мечта!

Сестра по братѣ, мать по сынѣ
Проводятъ въ плачѣ ночи, дни;
И стрыя невѣсты нынѣ
Лишь погребальны зрятъ огни.

Подобнымъ зрѣлищемъ смущенный,
Я шелъ, блуждая по полямъ;

Въ ночи туманомъ помраченной
Внималъ ревущимъ лишь вѣтрамъ.

Возшелъ на гору, сѣлъ на камень,
И мнилъ о бѣдствіи міровъ;
Какъ вдругъ ужасный свистъ и пламень
Встревожили мой разумъ вновь.

Земля, казалось, адомъ дышетъ;
Трескъ оглушилъ, мрачилъ блескъ взоръ.....
Я мыслилъ: перстъ Господень пишетъ
Послѣдній свѣту приговоръ.

Я всталъ: чтожъ зрю? се Кремль взрываютъ!...
Туда спѣшу я доступить.
Враги въ безуміи мечтаютъ,
Что могутъ небо устрашить.

Во храмахъ слышу конски ржанья;
Помостъ весь трупами покрытъ;
Но тщетны всѣ враговъ старанья:
Богъ нашъ всесиленъ—Кремль стоитъ.

Яви лице твое, мой Боже,
И потребленье наше зри;
Не дай Святыхъ разхитить ложе,
И судія будь нашей при.

Виждь, градомъ кто Твоимъ владѣетъ,
Твое же имя въ ономъ чтятъ;
Святилище твое пустѣетъ,
Въ немъ, Боже, срамоту творятъ. (*)

Возпряни, Господи, возпряни!
Гдѣжъ правосудіе твое?
Услыши вопль нашъ; Боже, гряни!....
Ты грянулъ,— врагъ зритъ зло свое.

Былъ побѣдитель многостранный,
Былъ славный вождь, страшилъ весь свѣтъ,
Былъ всюду, и вселялъ духъ бранный,
Казался силенъ былъ— и нѣтъ.

Сіи дѣянія ужасны
Суть главныя твои черты,
О годъ, вначалѣ столь нещастный,
Сколь щастливо свершился ты!

Уже враговъ несмѣтна сила
Исчезла, разнеслась какъ дымъ.
Россія Франціи могила
Изрыта Господомъ самимъ.

Бѣгутъ тѣ войска знамениты
Быстрѣй, чѣмъ вѣтръ перо несетъ;

(*) Пророчество Даніила, гла. IX, ст. 17, 18 и 19.

Имъ къ смерти всѣ пути открыты;
Ихъ Россiйской мечъ вездѣ женетъ.

От глада мрутъ, отъ изнуренья,
Отъ множества трудовъ, недугъ;
И цѣлые полки, средь пренья,
Отъ стужи костенѣютъ вдругъ.

Иные спя близъ жара тлѣютъ,
Другой не чувствуя горитъ.
Днѣпра ужъ волны не бѣлѣютъ,
Какъ льдомъ весь трупами покрытъ.

Ты славу нашего злодѣя
Увлекъ съ собой, о страшный годъ!
За то, къ тебѣ благоговѣя,
Прешедъ, ты будешь въ родъ и родъ.

Почто лишь славу намъ цѣною
Безцѣнной ты купить велѣлъ;
И мiра сдѣлавъ насъ главою,
Въ одежду мрачную одѣлъ?

Теперь прости! скажи младому
Преемнику ты своему,
Чтобъ доброму, отнюдь не злому,
Въ тебѣ онъ подражалъ всему.

Чтобъ благоденствiе вседнeвно
Въ Россiи возрастало съ нимъ;

Чтобъ бѣдъ чудовище тризевно
Всякъ мигъ считало зломъ своимъ.

Чтобы дѣла Россіи громки
Усугублялись каждый часъ;
И чтобъ побѣды лавры ломки
Цвѣли, твердѣли вѣкъ средь насъ.

Чтобъ Михаила (*), Виттенштейна
Дни безболѣзненно текли;
Чтобъ до бреговъ обильныхъ Рейна
Побѣду Россы принесли.

Чтобъ правда пребывала съ нами;
Чтобъ мѣста не было бѣдамъ;
Курился бы предъ олтарями
Молитвы чистый ѳиміамъ.

Чтобъ мира сладость вожделѣнна
Одушевила вновь весь міръ,
И тишина благословенна
Вездѣ уставила свой пиръ.

(*) Сіе писано въ Генварѣ 1813 года. Тогда К. М. И. еще былъ живъ; возможно ли было не желать продолженія полезныхъ дней его для блага всѣхъ народовъ, для славы Россіи? Жалѣть только должно, что желаніе сіе не исполнилось.

Чтобъ АЛЕКСАНДРА дни безцѣнны
Текли красуясь отъ добротъ,
Какъ рѣкъ брега разпространенны
Ширѣютъ съ дальнимъ токомъ водъ.

ЕЛИСАВЕТЫ кротки свойства
Въ ненастьи былибъ намъ покровъ;
И общаго залогъ спокойства
Была бы къ намъ Ея любовь.

Небесные чины возпрянутъ
Зрѣвъ смертныхъ въ радостяхъ такихъ;
Тогда всѣ въ ликѣ общемъ грянутъ:
„*Богъ дивенъ во Святыхъ Своихъ* (*)

„*Въ языцѣхъ сотворилъ отмщенье;*
„*Царей и славныхъ ихъ связалъ;*
„*Явилъ онъ въ людѣхъ обличенье*
„*И преподобнымъ славу далъ.*„ (**)

Тогда, о годъ благополучный!
Я не дерзну тебя воспѣть;
Воскреснетъ Пиндаръ благозвучный,
Чтобъ щастіе сіе имѣть.

(*) Псаломъ LXVII, ст. 36.

(**) Псаломъ CXL, ст. 8 и 9.

Или пѣвцу ЕКАТЕРИНЫ (*)
Подамъ златую лиру я;
Иль въ злачны пренесусь долины,
Гдѣ безпрерывно зритъ свѣтъ дня.

Да Ломоносовъ громогласной,
Возпомня выспренній свой духъ,
Днесь пѣснью стройной и прекрасной
Нашъ паки услаждаетъ слухъ.

Графъ Сергѣй Потемкинъ.

(*) Г. Р. Державинъ.

О ПОЛЬЗѢ НЕЩАСТІЯ.

ПАРМЕНОНЪ ХАРИДЕМУ.

Харидемъ! тотъ только нещастенъ, кто упадаетъ подъ тяжестію ударовъ случая, и не имѣетъ твердости противопоставить лютости судебъ терпѣніемъ ополченное сердце. Слабости человѣческой простить можно чувствованіе нѣкакое, слезу: но робѣть, а паче отчаяваться свойственно только состоянію такой души, которая въ себѣ, во внутреннемъ ощущеніи добродѣтели, не находитъ источника отрады.

Мы обыкновенно погибаемъ въ нещастіи отъ того, что въ предшествовавшемъ щастіи слишкомъ увѣрены были, и не могли вообразить, что бѣдство предстоять намъ можетъ. Наслажденіе безпрерывнаго благополучія изнѣживаетъ насъ, и слѣдующему за нимъ заключенію представитъ сла-

бую сторону, съ которой вѣрнѣй поражены быть можемъ. Тотъ, кто съ умѣренностію наслаждается ласканіемъ судьбы, достаточныя силы имѣть будетъ къ перенесенію ея суровости.

Нещастіе имѣетъ великія выгоды и благообразованныя сердца большое получаютъ подкрѣпленіе съ постояннымъ терпѣніемъ сносить его. Тотъ, кого ласкательствующее щастіе непрестанно въ нѣдрахъ своихъ носило, обыкновенно бываетъ не свѣдущъ; имѣетъ недостатокъ въ потребномъ искуствѣ жить въ свѣтѣ, въ полезныхъ знаніяхъ, посредствомъ коихъ, могъ бы устроить себя наиприличнѣйшимъ образомъ благу своему, покою и связи съ сочленами общества; не достаетъ ему нѣжности сердца, нѣкакого, къ злополучію другихъ человѣколюбиваго чувствованія, богатаго источника добродѣтельныхъ расположеній и ощущеній. Онъ недальновидящъ, гордъ, жестокосердъ и своеволенъ, а чрезъ то удвояется сила его паденія.

Отъ всѣхъ сихъ важныхъ погрѣшностей, предохраняетъ насъ благодѣтельное нещас-

тіе. Получаемъ чрезъ перемѣну участи нашей опытъ, учащій насъ мудрости, которую ни чѣмъ инымъ пріобрѣсти не можемъ. Начнемъ не слѣпо довѣрять льстивому блаженству и опасаться перемѣны, которая не невзначай уже встрѣтитъ насъ; ибо ожидали ее, а поелику предвидѣли, то и найдетъ насъ готовыми къ встрѣтенію. Въ семъ состоитъ половина побѣды. Мы вооружены и готовы на непріятеля; мы предъусматривали все и отыскивали возможныя средства укрѣпить себя и отъ него избавиться; чувствовали сколь полезно нещастіе и научились познать права, кои имѣетъ нещастный на соболѣзнованіе ближняго, буде не на подпору, не на утѣшеніе и не на помощь. Сердце наше смягчилось и пріобрѣтя нѣжнѣйшее почувствованіе, начали мы то самое право, которое мнимъ, что пріобрѣли у людей признавать, и имъ принадлежащимъ. Не стали отказывать страждущимъ въ соболѣзнованіи, толико намъ самимъ нужномъ, и поспѣшали на помощь ихъ сколь скоро то возможно. Любовь къ человѣку, врожденная въ сердцахъ нашихъ отъ собственнаго испытанія, по собствен-

ному чувству нашему, дѣятельнѣйшею стала и искала распространиться. Сограждане любили насъ и естественно удивляясь привязанности нашей къ ближнему, въ возблагодареніе за то стали намъ друзьями, на утѣшеніе и помощь коихъ мы, при нещастіи собственномъ, положиться можемъ.

Сіи выгоды получаемъ мы отъ поучительнаго нещастія, и они-то пособляютъ намъ удобнѣе переносить его суровость. Сердце находитъ нѣкакое успокоеніе въ страданіи, когда видимъ, что сострадаютъ намъ другіе. Слезы сожалѣнія суть облегченіе въ болѣзни нашей. Воззрѣніе на разтроганнаго друга, слезами насъ удостовѣряющаго въ любви, ободряетъ, хотя впрочемъ оными ни чему помочь не возможно.

Повѣрь мнѣ, Харидемъ, нещастія суть уроки, подаваемые небомъ, благоволящимъ воспалить искры доблести, погасающія въ груди нашей и возбудя уснувшее великодушіе, котораго основаніе положила въ насъ природа, заставить дѣйствовать. Кто не желаетъ быть щастливымъ? Но сіе всегда

продолжающееся щастіе за сколь дорогую цѣну покупается! За потерю мудрости, за недостатокъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои насъ нещастныхъ превознесли бы предъ изнѣженнымъ щастливцомъ. Надмѣру свѣтское наше самолюбіе стремится всѣми усиліями къ непрерывному удовольствію; но буде милосердое небо свершитъ благость свою въ человѣкѣ добродѣтельномъ, то поведетъ его по степенямъ злоключенія къ постоянной премудрости, и образуетъ сердце его посредствомъ особыхъ ощущеній къ той доблести, которая отъ обыкновенныхъ отличается чувствованіемъ и правилами.

Великія добродѣтели не извѣстны вовсе избалованному щастіемъ, добродѣтели, достойныя быть искупленными лишеніемъ себя всѣхъ выгодъ міра сего, всѣхъ радостей, всѣхъ блаженствъ. Рѣдко человѣкъ на лонѣ щастія усовершенствуется; щастіе, нѣжная мать сія, портитъ чадъ своихъ, изливая на нихъ щедроты свои и не отказывая ни въ чемъ ихъ пожеланіямъ. Ты знаешь свойство сихъ желаній; онѣ безпре-

станно умножаются и не терпятъ препятствъ потому, что пріобыкли быть удовлетворенными. Они подобно потоку водою богатому, стремятся и увлекаютъ все, что противится. Божескіе и человѣческіе законы не суть препоны для нихъ. Изнѣженный щастіемъ, пріобученный все получать по желанію, неумѣренный въ хотѣніяхъ, нетерпѣливый и сердящійся на препятства, кои въ достиженіи мнимаго благополучія встрѣчаетъ, предается всѣмъ порокамъ, буде только они къ цѣли его довести удобны; особа его, по его мнѣнію, есть средоточіе творенія; ему принадлежитъ все; всѣ твари должны служить къ удовольствію его; всѣ пружины натуры дѣйствовать; и буде за что примется самъ, то дѣлаетъ сіе въ томъ только намѣреніи, чтобъ дать имъ направленіе на содѣйствіе къ его успѣхамъ. Корыстолюбивъ въ оказуемыхъ услугахъ, дѣлаетъ благодѣянія на тотъ конецъ, чтобъ пожать плоды съ оныхъ и продаетъ небольшія угожденія за великія ожиданія. Даетъ, безъ чувства; получаетъ безъ благодарности; роскошенъ безъ великодушія; имѣетъ ты-

сячу льстецовъ, и нѣтъ у него ни одного друга; знатенъ и непочтенъ, безъ заслуги почитаетъ себя великимъ по тому, что щастливъ. Хладнокровенъ ко всему, кромѣ самаго себя, не имѣетъ нужныхъ добродѣтелей, чрезъ кои въ щастіи своемъ благополученъ быть бы могъ и почтенъ въ своемъ величествѣ. Привыкнувъ къ лѣни въ объятіяхъ роскошной праздности, находитъ трудными тѣ достоинства, которыя снискали бы ему почтеніе, дружбу, любовь, не имѣетъ понятія о иномъ благѣ, кромѣ услажденій чувственныхъ. Они для него составляютъ все, и онъ ни въ чемъ себѣ не откажетъ, лишь бы удовольствовать сіи щастія его потребности. Всѣ средства для него равны. Съ тѣмъ же холоднымъ сердцемъ ощасливитъ нуждающагося, буде ему надобенъ, съ какимъ низвергнетъ богатаго, буде ему мѣшаетъ. Лѣвою рукою отдаетъ то, что похитилъ правою, и съ подобнымъ равнодушіемъ сохранитъ жизнь льстеца, съ какимъ умертвитъ пріятеля.

Верріонъ есть человѣкъ тотъ, котораго описалъ я. Отъ рожденія до возмужанія

не имѣлъ онъ инаго нещастія, кромѣ того, что постоянно былъ щастливъ. Здоровье, богатство, знатность, почести, роскошество, все то, чему поклоняется глупецъ, избыточно дала ему улыбающаяся судьба: но не пріобрѣлъ онъ ничего того, чѣмъ уважаетъ мудрый. При всѣхъ своихъ благодѣяніяхъ, не сдѣлалъ онъ ни одного добраго дѣла, при всей щедрости, никогда не былъ человѣколюбивъ. Равно столько же расточаетъ онъ для негодяевъ, раздѣляющихъ съ нимъ сладострастіе, сколько похитилъ у стенящихъ рабовъ обработывающихъ его помѣстье, не знаетъ сколь много угнѣтаетъ недостатокъ, понеже не испыталъ его, даетъ не радуется, исторгаетъ не раскаивается. Желанія суть предначертаніе жизни его: буде можетъ удовольствовать ихъ не преступая законовъ, непротивенъ закону. Буде можетъ купить за деньги у отца невинность дочери, въ одномъ токмо грѣхѣ виненъ будетъ, не потому, чтобъ устыжался насилія, какъ и устыдится тому, кто привыкъ удовлетворять страстямъ и привычку почитаетъ за право; но потому, что легче подкупать,

нежели убивать. Когдажъ радѣтельный отецъ не согласится на свое благополучіе, (ибо Верріонъ такъ называетъ постыдный торгъ свой), то появятся узы и цѣпи; предстанутъ льстецы, кои въ признательность за благодѣяніе, или ложный доносъ, или ложную присягу учинятъ; а тутъ деньги, кои подкупленнаго Судью смертный приговоръ подписать заставятъ. На чтожъ бы иное нужны ему были друзья? дружба! не буду я во зло употреблять святаго имени твоего.— У Верріона льстецы, негодяи употребляются при порокахъ, какъ собаки при охотѣ. Кормятъ ихъ, дабы при мановеніи готовы были загонять добычу. Когда онъ насытится, дѣлятъ они уловленное и наслаждаются снисканнымъ за столь великую цѣну. Въ семъ состоитъ союзъ и довѣренность: корыстолюбивый Верріонъ ни къ оказанію дружества, ни къ снисканію онаго отъ другихъ не способенъ. Гордясь преимуществами своими, кромѣ себя ни кѣмъ не уважаетъ и обходится только съ иными для того, что нужна ему ихъ помощь, съ другими для того, что забавляютъ его въ тѣ часы, когда отъ порока

отдыхаетъ. Онъ дикъ, необузданъ, поелику исполняются всѣ хотѣнія его; послику щастіе всѣ желанія его довольствуетъ и даже отстраняетъ отъ него естественныя наказанія порока, подобно необъѣзженому коню, коего, ни удила, ни ударъ, ни бодцы ѣздока не научили размѣрять съ осторожностію поступъ.

Коликимъ добродѣтелямъ научился бы онъ, естьли бы нещастіе необузданнаго смирило и заставило посредствомъ ощущеній размышлять! Постоянное щастіе часто портило лучшихъ людей, кои въ посредственномъ состояніи, гдѣ добро со зломъ поперемѣнно были умѣренны, дружелюбны, скромны, вѣрны и благородны. Волшебный кубокъ счастія упоилъ разумъ ихъ. Гордость заступила мѣсто скромности, корыстолюбіе дружества и безчувственность человѣколюбія. Кто былъ великъ: Царь ли небольшой Македоніи, или обладатель цѣлаго свѣта? Все то, что мудрость въ человѣкѣ семъ тщательно и успѣшно устроила, испровергло непрерывное щастія продолженіе. Александръ становился

меньшимъ по мѣрѣ распространенія завоеванныхъ предѣловъ; въ маломъ Государствѣ былъ онъ Царь наилучшій, и содѣлался достойнымъ презрѣнія владыкою міра. Щастіе столько доставило ему, что не въ возможности и его уже было новое желаніе произвесть. Отъ сихъ преимуществъ человѣкъ, который при паденіи друга проливалъ слезы, сдѣлался тиранномъ, убивающимъ друзей своихъ; сталъ изъ скромнаго, раздѣлявшаго почесть Царскую съ Гефестіономъ, своенравенъ, возмнившій быть богомъ; изъ воздержнаго, трезваго, чистосердечнаго воина, распутнымъ, пьянымъ, подозрѣвающимъ развратникомъ. Природа не можетъ внѣдрить столько добраго, ни воспитаніе столько правилъ, мудрость столько пользы, сколько непрестающее счастіе разрушитъ, изпровергнетъ, искоренитъ.

Буде мы добродѣтель считаемъ за что либо, то да благословимъ нещастіе, ознакомливающее насъ съ ея чувствованіями. Я испыталъ тягость его, плакалъ; теперь вѣдаю, каково другимъ, могу и за нихъ пла-

кать. Былъ высокомѣренъ въ щастіи, и съ упрямствомъ воображалъ, что мнѣ ни чьей помощи не надобно, благодѣйствующее нещастіе открыло слѣпые глаза мои. Теперь вижу, что могу страдать и въ споможеніи ихъ имѣю нужду. Спускаюсь съ высоты и усмиряюсь. Повторенные удары судьбы дѣлаютъ сердце мое мягкимъ и чувствительнымъ; любовь къ человѣку начинается у меня соболѣзнованіемъ о немъ; становлюсь другомъ людей, начинаю добро дѣлать, представляю себѣ утѣхи и радость тѣхъ, кто во мнѣ нѣкакую помощь видятъ. Люблю друзей сихъ и начинаю въ дѣланіи добра удовольствіе находить; становлюсь осторожень, ибо наученъ нещастіемъ. Гордость удалила отъ меня собратію мою и тѣ, кои обходились со мною, содержали себя въ нѣкоторомъ отдаленіи и никто не отверзалъ мнѣ сердца своего. Нынѣ окруженъ я многими соединенными со мною благодарностію, уваженіемъ, любовію. Не бывъ нещастенъ, никогда можетъ быть не чувствовалъ бы я удовольствія, происходящаго отъ дружбы и почтенія.

Но кромѣ другихъ выгодъ доставляетъ намъ нещастіе способъ оказать отличныя доблести. Здѣсь-то вызываетъ тебя судьба на поле сраженія, на коемъ достоинство и твердость духа явить можешь. Побѣдитель свѣта не столь великъ, какъ невинно-страждущій, предпоставляющій всѣмъ противнымъ случаямъ всегда одинакое терпѣніе. Покорность къ опредѣленію небесъ; постоянное возвышеніе духа противъ нападеній людскихъ; благодѣянія къ непріятелямъ, спокойство по среди бурь; какіе блистательныя преимущества человѣка: кто возможетъ отказать въ удивленіи тому, кто безвинно терпитъ и превозмогаетъ свое нещастіе.

Чѣмъ менѣе примѣровъ имѣемъ мы такого великодушія, тѣмъ болѣе удивляться долженствуемъ, буде увидимъ оные. Симъ-то научаемся познавать достоинство человѣческаго естества: сколь справедливо сохранить память и предать потомству имена тѣхъ, кои таковый примѣръ показали.

Описаніе о участи вашей, претерпѣніи и торжествѣ, страдальцы за честь человѣчес-

кой природы, читаю я съ болѣзненнымъ высокопочитаніемъ, сердце мое расширяется отъ пріятной гордости въ то время, какъ слезы появляются въ очахъ. „Представь мнѣ все войско твое, коимъ окружилъ ты Сенатъ, грози мнѣ смертію, я для сохраненія крови моей, текущей въ дряхломъ отъ старости тѣлѣ, не могу Марія, спасшаго Римъ и всю Италію, признавать за непріятеля; такъ отвѣчалъ Сцевола разъяренному Силлѣ, когда сей принудить его хотѣлъ произнесть приговоръ противъ друга.„

Ведутъ престарѣлаго Фокіона, не могущаго на ногахъ держаться, на смерть, старца въ продолженіи 80 лѣтъ неповинной жизни заслужившаго имя добраго. Народъ стекается, многіе сожалѣютъ о лѣтахъ его, многіе вспоминаютъ его славу. Подлецъ, одинъ изъ злодѣевъ его, плюетъ сѣдому старцу въ лице. Фокіонъ спокойно обращается къ судьѣ, его провождающему и говоритъ: запретите этому человѣку впредь поступать такъ недружелюбно.

Не сіи суть добродѣтели сластолюбца, щастіемъ изнѣженнаго. Дабы показать подобную твердость, надлежитъ терпѣнію нашему различными случаями быть испытану; надлежитъ, чтобъ душа наша напоена была правилами добродѣтели. Надобно, чтобъ мы непреодолимою любовію съ нею связаны были, любовію такою, которая заставила бы насъ забыть всѣ выгоды, всѣ движенія тщеславія. Мы должны, такъ сказать, съ высоты небесъ, въ священной тишинѣ, которую радостное съ добродѣтелями сближеніе въ насъ и вокругъ насъ производитъ, взирать на бури бреннаго міра.

Симъ укрѣпленный Сократъ видѣлъ приближеніе смерти, съ тою великостію духа, которой всѣ вѣки удивляться будутъ; вся жизнь его была борьба съ судьбою и побѣда надъ нею во всякомъ случаѣ. Онъ противился мужественно тридцати тираннамъ; но возвышеніе души было причиною его кончины. Извѣщаютъ его, что Аѳиняне приговорили его къ смерти; самый этотъ приговоръ, сказалъ онъ, давно уже произ-

несла обо мнѣ природа. Жена его роптала съ горестію на несправедливое обвиненіе. Глупая! это-то самое и утѣшать должно, не ужели бы ты хотѣла, чтобъ я обвиненъ былъ за дѣло? Выпилъ ядъ и міръ, о немъ всегда жалѣющій, оставилъ.

Достопочтенная смерть! Великій человѣкъ великъ и при паденіи своемъ. Онъ непосрамленъ; развалины священнаго храма и тогда уважены добросовѣстнымъ, когда они подъ ногами его.

Не думай Харидемъ, что названные мною только одни подаютъ потомству примѣръ великости и поводъ къ удивленію. Не искоренена еще великость дѣяній и добродѣтель, почтеніе возбуждающая. Но не ищи ее тамъ, гдѣ спокойствіемъ наслаждаются; ищи посреди непогодъ, среди возмущеній, гоненій, междуусобія; тамъ, гдѣ злоба противныхъ сторонъ, кровожаждущее суевѣріе, ненависть частная; тамъ, гдѣ всѣ страсти необузданы, всѣ права уничтожены и насиліе одно закономъ служитъ. Сіи-то суть

поля славы мудраго, тамъ ищи твердаго, дивнаго мужа, подобно Адиссонову ангелу по среди бурь, отъ коихъ подъ ногами земля колеблется, неунылаго и спокойнаго.

Въ таковыя-то времена родился Монрозъ. Съ тѣмъ же мужествомъ, съ коимъ защищалъ дѣло Короля своего и съ небольшимъ числомъ худовооруженныхъ наносилъ страхъ и ужасъ цѣлому народу бунтовщиковъ, съ таковою же неустрашимостію переносилъ онъ напослѣдокъ всю жестокость судьбы. Безчеловѣчные враги его вымышляя новыя ему мученія, дозволяютъ ему обнять въ послѣдній разъ дѣтей, не для того, чтобъ родителю нѣкакое успокоеніе доставить, но дабы самая нѣжность отца большею для сердца мукою была. Безъ успѣха! и самыя сіи объятія не поколебали тишины великой души. Слеза малодушія не оросила глазъ его, ни одна жалоба на несправедливость неумолимыхъ враговъ изъ устъ его не выступила. Ему читаютъ приговоръ, посрамляющій Англію. Опредѣлено ему: безчестнѣйшимъ образомъ умереть на ви-

*

сѣлицѣ, въ продолженіи трехъ часовъ служить зрѣлищемъ для непріятелей, потомъ отрубленную голову передъ темницею, руки и ноги въ четырехъ частяхъ города выставить и тѣло погребсти между преступниками. Приговоръ ужасный! но ужасный не Монрозу, сожалѣющему о нещастномъ, обманутомъ народѣ! Мнѣ это болѣе чести дѣлаетъ, говорилъ онъ, что голова моя выставится передъ тюрьмою, нежели то, когдабъ портретъ мой висѣлъ въ спальнѣ Короля моего. Какое мнѣ дѣло, что руки и ноги мои разошлются по частямъ города? Я желалъ бы столько рукъ и ногъ имѣть, чтобъ можно ихъ было разсѣять по городамъ Христіанства, дабы могли они свидѣтельствовать правость моего дѣла.

Такія-то души достойны удивленія нашего, но съ тѣмъ вмѣстѣ и подражанія. Великость ихъ не есть продерзость, а сила, не гордыня, а скромность, не упрямство, а терпѣніе, правилами поддерживаемое и судьбою утвержденное, основано не на суетномъ тщеславіи, а на добродѣтели.

Придерживаясь неба оставляетъ землю ея кругообращенію. О Харидемъ! примѣры такіе являютъ къ чему удобно человѣчество и указуютъ намъ не посрамлять природы нашей. Благословляй нещастіе, могущее довести тебя къ сему достоянію и научайся направлять его къ цѣли, ради которой Провидѣніе тебѣ его низпослало.

Изъ сочиненій Г-на Душа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЯ ОДИННАДЦАТАГО.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
9	1	началный	начальный
28	11	colorit	coloris.
49	11	стихотворы	стихотворцы
63	9	наряжялся	наряжался
96	5	охабка	охапка

ЧТЕНІЕ

ВЪ

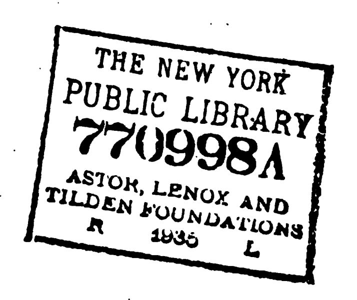
БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при Сенатской Типографіи
1813 года.



Печатать позволяется

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 5 го 1813 года.

Ценsоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

СПИСОКЪ

Г. Г. Членовъ, нынѣ Бесѣду Любителей Рускаго слова составляющихъ.

ПОПЕЧИТЕЛИ.

Николай Семеновичъ Мордвиновъ (*въ отсутствіи.*)
Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій.
Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.
Василій Степановичъ Поповъ.
Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ.

ПЕРВЫЙ РАЗРЯДЪ.

Председатель.

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Дѣйствительные Члены:

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
Петръ Андреевичъ Кикинъ.
Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.
Князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ.
Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Члены Сотрудники:

Александръ Александровичъ Хвостовъ.
Андрей Петровичъ Брежинскій.
Василій Θедоровичъ Тимковскій.
Иванъ Аθанасьевичъ コованько.
Александръ Ивановичъ Ермолаевъ.

ВТОРЫЙ РАЗРЯДЪ.

Председатель.

Гаврило Романовичъ Державинъ.

Действительные Члены:

Иванъ Семеновичъ Захаровъ.
Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Александръ Θедоровичъ Лабзинъ.
Дмитрій Осиповичъ Барановъ.
Θедоръ Петровичъ Львовъ.

Члены Сотрудники:

Яковъ Андреевичъ Галинковскій.
Евстафій Ивановичъ Станевичъ.
Николай Ивановичъ Ильинъ.
Михайло Сергѣевичъ Щулепниковъ.
Степанъ Петровичъ Жихаревъ.

ТРЕТІЙ РАЗРЯДЪ.

Предсѣдатель.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ.

Дѣйствительные Члены:

Князь Александръ Александровичъ Шаховскій.
Семенъ Семеновичъ Филатовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ, (*Онъ же Секретарь Бесѣды.*)
Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ.
Степанъ Ивановичъ Висковатовъ.

Члены Сотрудники:

Дмитрій Евсеевичъ Василевскій.
Валеріанъ Николаевичъ Олинъ.
Александръ Гавриловичъ Волковъ.
Николай Ивановичъ Гречъ.
Александръ Христофоровичъ Востоковъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗРЯДЪ.

Предсѣдатель.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Дѣйствительные Члены:

Гаврило Герасимовичъ Политковскій.
Яковъ Александровичъ Дружининъ.

Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.
Александръ Александровичъ Писаревъ.
Павелъ Юрьевичъ Львовъ.

Члены Сотрудники.

Николай Романовичъ Политковскій.
Дмитрій Акимовичъ Вороновъ.
Петръ Александровичъ Корсаковъ.
Константинъ Васильевичъ Злобинъ.
Иванъ Ивановичъ Граффа.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ БЕСѢДЫ.

Преосвященный Амвросій, Митрополитъ Санктъ-Петербургскій, и проч.
Преосвященный Евгеній, Епископъ Вологодскій и Устюжскій.
Преосвященный Амвросій, Епископъ Тульскій и Бѣлевскій.
Сестренцевичъ - Богушъ, Митрополитъ Римскихъ Католическихъ церквей въ Россіи.
Архимандритъ Филаретъ.
Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ.
Александръ Львовичъ Нарышкинъ.
Княжна Катерина Сергѣевна Урусова.
Дѣвица Анна Петровна Бунина.
Дѣвица Анна Алексѣевна Волкова.
Логинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
Петръ Михайловичъ Волконскій.
Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.
Николай Исаевичъ Ахвердовъ.
Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.
Юрій Александровичъ Нелединскій- Мелецкій.
Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
Петръ Степановичъ Молчановъ.
Владиславъ Александровичъ Озеровъ.
Платонъ Яковлевичъ Гамалея
Николай Никалаевичъ Бантышъ-Каменскій.
Андрей Өедоровичъ Дерябинъ.
Сергѣй Семеновичъ Уваровъ.
Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Василій Васильевичъ Капнистъ.
Николай Петровичъ Николевъ.
Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.
Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.
Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.
Николай Николаевичъ Новосильцовъ.
Николай Васильевичъ Лаба.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
Елисавета Ивановна Ланская.

На кончину Генералъ-Фельдмаршала Князя Смоленскаго.

Горе и горе! скрылась, угасла
Молнія Бога, сильнаго въ браняхъ,
Зависть и злобу свергшая въ прахъ.
Первенецъ славы въ витязяхъ Русскихъ,
Чуждымъ народамъ щитъ отъ тиранства,
Кровной Россіи столпъ и оплотъ,
Палъ подъ ударомъ острія смерти;
Палъ — и убійствомъ смерть возгордилась,
Люто тщеславна въ выборѣ жертвъ.

Сѣверъ и Западъ вдругъ возстенали,
Разныя царства вмѣстѣ рыдаютъ,
Вѣшній природы сѣтуетъ видъ.
Тучи печали съ сердца подъемлясь,
Очи Россіи мглою покрыли,
Льются шумящимъ слезнымъ дождемъ;
Плачетъ Россія плачемъ великимъ,
Плачетъ о сынѣ данномъ ей свыше
Жизнь и свободу матери дать.

Тщетно я силюсь, бѣдствомъ гнѣтомый,
Скорбью, какъ терномъ въ грудь уязвленный,
Пѣснію лирной горесть прельстить.
Чая утѣшить страждущу душу
Тщетно блуждаютъ персты дрожащи
Вновь по незвонкимъ, томнымъ струнамъ;
Пѣсненны гласы медлятъ въ гортани,
Къ звукамъ отраднымъ нудима лира
Стонъ издавая плачетъ со мной.

Россовъ живитель! ты ли во гробѣ?
Сколько вы тлѣнны, сколько ничтожны,
Съ дольнимъ блаженствомъ связи людей!
Волосъ тончайшій, нить паутины,
Съ вами сравненны, кажутся верви.
Палъ!— и давно ли падалъ предъ нимъ
Врагъ ополченный силой Европы,
Врагъ ухищренный хитростью ада,
Бичъ земнородныхъ, ужасъ войны?

Вижу героя въ подвигахъ ратныхъ:
Благомъ отчизны дышущъ и движимъ,
Благу отчизны жизнь посвятивъ,
Выше и выше славой взносился.
Лавромъ Дунайскимъ свѣжимъ, вѣтвистымъ
Блескъ заслоняя гордой луны,

Орлимъ полетомъ, съ каждой стремится
Гнать отъ Россіи скопища тигровъ,
Гнать отъ престола хищника царствъ.

———

Двигнулъ на злобу строи тѣнисты;
Сильный управить битву броздами,
Въ помощь зовущій Господа силъ,
Страшенъ какъ буря, бросилъ перуны
Въ челюсти змія пламенны, дымны,
Алчно разверсты Сѣверъ пожрать;
Бросилъ — и рѣки вражіей крови
Черны, кипящи, роютъ долину:
Зыблется небо, стонетъ земля.

———

Россы воспомнивъ праотцевъ крѣпость,
Груди смыкая въ твердую стѣну,
Въ брань соступились, силою львы;
Громы громами вспять отражая,
Помыслъ единый въ сердцѣ питали:
Въ славу Россіи жить и умреть.
Галлы низверглись тысящьми, тьмами;
Тако предъ вихремъ зыблясь дубравы,
Съ шумомъ и трескомъ падаютъ въ долъ.

———

Бой Бородинскій — диво потомству!
Славой какъ звѣзды воины блещутъ,
Солнцу подобно свѣтится вождь.

Мудростью свыше тайно наставленъ,
Зная что было, видитъ что будетъ,
Взоромъ пронзая мраки судебъ:
Воевъ собою тьмы замѣняя,
Разумомъ тонкимъ ткалъ онъ совѣты,
Въ коихъ лукавый вязнетъ злодѣй.

Буря мѣшаетъ небо и море,
Вѣтръ упираясь въ парусы, въ снасти,
Къ пагубѣ клонитъ зыбкій корабль;
Водныя горы, пѣной кипящи,
Въ ребра ударивъ льются въ утробу,
Ужасъ объемлетъ робкихъ пловцовъ;
Бодрственный кормчій, опытный въ бѣдствахъ,
Щоглу сѣкаетъ, вержетъ въ пучину;
Вдругъ облегчился, спасся корабль.

Такъ искушенный въ битвахъ воитель,
Градомъ престольнымъ жертвуя року,
Цѣлое царство жертвою спасъ.
Сонмами сильныхъ строи сгущая,
Въ плачъ обращаетъ изверга радость;
Бранью стѣсняя, гладомъ томя,
Нудитъ чудовищъ рыскать изъ лога;
Гонитъ ихъ бѣгство, дѣтище страха;
Тучей надъ ними гибель виситъ.

Туча обрушась варваровъ губитъ,
Губитъ ихъ Небо, губятъ ихъ Россы,
Губятъ ихъ мразы, губятъ ихъ гладъ.
Первѣе тигры, нынѣ елени,
Трепетны, наги, тощи и блѣдны,
Раны пріемля въ выи, въ хребты,
Падаютъ съ воплемъ груды на груды;
Тысящи поприщъ трупами полны;
Множеству тѣней тѣсенъ сталъ адъ.

———

Окрестъ Смоленска брань распылалась,
Мещетъ изъ мѣди молній пожары;
Тьмы сопостатовъ землю грызутъ,
Тьмы припадая къ Россимъ колѣнамъ
Россомъ щадятся, къ мести несроднымъ.
Вражески громы въ Россихъ рукахъ.
Витязь побѣдный, сила Россіи!
Именемъ новымъ славься, красуйся,
Витязь Смоленскій — имя тебѣ.

———

Нѣмень съ Москвою кровью сліялся;
Видѣли Висла, Одеръ и Эльба,
Россовъ геройство, мудрость вождя.
Царствамъ Германскимъ, въ рабствѣ лежащимъ,
Скованнымъ цѣпью Рейнскія козни,
Солнца свободы блещетъ заря,

Такъ подвизаясь въ вечеръ жизни,
Чтимый Россіей, дивный въ Европѣ,
Славы земныя верьха достигъ.

Славой высокій, вышшій смиреннымъ,
Славитъ отъ сердца Господа славы.
Боже отмщеній! Боже щедротъ!
Страшный во гнѣвѣ, въ милости чудный!
Призришь ли гнѣвомъ съ неба на землю,
Трепетъ обыметъ сердце земли,
Горы растаютъ, море побѣгнетъ,
Прейдутъ народы, царства погибнутъ;
Такъ ты содѣлалъ нашимъ врагамъ.

Призришь ли свыше милостью къ смертнымъ:
Тварь обновится, жизнью взыграетъ,
Тучи искаплютъ тукъ на поля,
Класы и грозды землю украсятъ,
Склонятся вѣтьви тяжки плодами,
Сушу и воды миръ осѣнитъ;
Вкусятъ народы сладость блаженства,
Царства скрѣпятся силой и славой;
Такъ ты содѣлалъ Россамъ твоимъ.

Ты побораяй, правый! по правдѣ,
Крѣпкой рукою, мышцей высокой,

Гордыхъ низринулъ, кроткихъ вознесъ;
Брань сокрушая буйныхъ языковъ
Міру познался Богомъ Россіи,
Дщери любезной нѣжнымъ отцемъ.
Ты возвеличилъ Росса подъ Солнцемъ;
Ревностью вѣры, строгостью нравовъ,
Россъ возвеличитъ благость твою.

Вѣчную смертнымъ мощь проявляя
Дѣйствомъ чудеснымъ слабыхъ орудій,
Ты, Всемогущій! избралъ меня,
Внѣдрилъ мнѣ въ сердце крѣпость надежды,
Мужество въ душу, бдительность въ разумъ,
Тяжку со старца старость совлекъ;
Виждь— и не презри слезъ благодарныхъ.
Нашей болѣзни ты исцѣлитель,
Нашей побѣды ты похвала.

Рекъ— и молитвы гласъ умиленный
Быстро сквозь звѣзды выспрь возлетаетъ,
Входитъ во уши Господа силъ;
Слышитъ Всещедрый мужа желаній,
Слышитъ— и щедритъ.— Видя, что въ мірѣ
Всякія чести ниже его,
Честью премірной вѣрность вѣнчаетъ,
Близкаго къ небу вѣрой и славой
Выше возноситъ— въ небо небесъ.

Странникъ, претекшій смерти пустыню,
Входитъ въ отчизну, жизни жилище,
Входитъ, отрясшій смертности пыль.
Новаго друга, новаго брата,
Всѣ тамъ срѣтаютъ, всѣ тамъ объемлютъ,
Радуютъ чашей райской любви.
Онъ возвеличенъ дышетъ блаженствомъ,
Таетъ въ восторгахъ зря издалече
Свѣтъ неприступный Господа силъ.

Радуйся въ вышнихъ, радость Россіи!
Самъ утѣшаясь благомъ верховнымъ,
Намъ въ утѣшенье призри съ высотъ.
Ты возвращаясь къ Богу отъ міра
Насъ не оставилъ сирыхъ во брани,
Предалъ Герою громы свои;
Ими ударивъ Галлію зыблетъ,
Россъ торжествуетъ. — Клики побѣдны
Къ небу несутся въ слѣдъ за тобой.

Радуйся, Витязь, дважды безсмертный!
Царь и Россія данію новой
Чтутъ предъ вселенной память твою,
Чтутъ — и вселенна чтущимъ соплещетъ:
Живъ ты межъ Ангелъ въ градѣ Господнемъ,
Живъ ты межъ нами, дышешь въ мѣди;
Дышешь, вдыхая страхъ въ супостатовъ,

Дышешь, вдыхая мужество въ Россовъ,
Пламень къ Россіи, пламень къ Царю.

Съ вечера, съ утра, съ полдня, съ полнощи,
Россы стекутся къ Невскому брегу,
Кланяться съ нами славѣ твоей:
Дщери Россійски, матери нѣжны,
Слабыхъ младенцевъ, зрѣющихъ къ слову,
Славить научатъ имя твое;
Старцы маститы, образъ твой видя,
Градомъ роняя теплыя слезы,
Внемлющимъ внукамъ съ чувствомъ рекутъ:

Се избавитель нашей Россіи!
Мудрость и храбрость въ немъ обнимались,
Галла-Батыя онъ поразилъ,
Вѣрой не зыблемъ, сладокъ былъ нравомъ;
Страшный во брани миловалъ слабыхъ,
Гордыхъ сражая, сердцемъ жалѣлъ;
Въ щастіи шумномъ духомъ трезвился,
Въ бурѣ нещастій духомъ мужался;
Небу и Россамъ вѣчная честь!

Стой нерушимо, образъ священный!
Стой побѣждая времени силу.
Стой отражая споры стихій;

Вождь Задунайскій, вождь Италійскій,
Въ видахъ ихъ славы, Россамъ любезныхъ,
Вяще возблещутъ блескомъ твоимъ;
Стой — и дерзая слейся лучами
Съ дивнымъ колоссомъ славы Петровой,
Градъ и Россію съ нимъ озаряй.

Князь Сергій Шихматовъ.

ПИСЬМО

къ

АРХИМАНДРИТУ ФИЛАРЕТУ.

Ваше Высокопреподобіе!

Простите меня, что я вамъ докучаю письменно о томъ же предметѣ, о которомъ я безпокоилъ васъ изустно. Но что мнѣ дѣлать? Я день и ночь объ немъ мечтаю, и безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной будто вами рѣчи или разсужденія: о нравственныхъ причинахъ неимовѣрнаго нашего успѣха въ нынѣшней войнѣ!— *Въ войнѣ неистовой и неслыханной, подъятой на насъ цѣлою почти Европою, подъ предводительствомъ искони наглыхъ, жестокихъ и безбожныхъ Французовъ!*

Я васъ утруждать не стану повтореніемъ всего, что мною по сему предмету, было уже вамъ въ подробности объяснено, на сихъ дняхъ во время пріятнѣйшей для меня съ вами бесѣды. Но повторю здѣсь только то, что, по моему мнѣнію, не было еще доселѣ удобнѣйшаго случая, краснорѣчивому перу духовной

особы, смѣло вступить въ поприще свѣтской словесности. И въ самомъ дѣлѣ, кому же, естьли не служителю Святаго Олтаря, приличествуетъ доказать произшествіями нынѣшней войны, что неимовѣрные подвиги народа Рускаго начало и основаніе свое имѣютъ въ безпредѣльной вѣрѣ къ Богу, въ природной простой нравственности, сумудріемъ неизкаженной, въ вѣрности къ Царю, не по умствованію, но по закону Божію, и въ любви къ Отечеству.— И такъ благочестивое перо ревностнаго служителя православной церкви не токмо на каѳедрѣ въ храмѣ Божіемъ, но даже въ палатахъ и въ сонмѣ міранъ, да представитъ намъ въ живыхъ картинахъ, сколь могуществеuъ народъ, несомнѣнно ожидающій новой жизни за предѣломъ гроба,— народъ руководимый такимъ правительствомъ, въ коемъ Царь, въ видѣ чадолюбиваго отца, по самому естественному закону, безъ всякаго насилія управляетъ многочисленными дѣтьми своими — и дѣтьми дѣтей своихъ!— Да изобразитъ оно намъ, что можетъ предпринять такимъ образомъ устроенное Государство противъ коварныхъ и неистовыхъ усилій наглаго народа, управляемаго не любовію къ Царю и Отечеству своему, но единственно страхомъ жесточайшихъ и неминуемыхъ казней,— народа, движимаго не

чувствомъ благороднымъ къ защищенію Отечества своего отъ наносимыхъ ему обид, или къ предупрежденію оныхъ — но подстрекаемаго однимъ прельщеніемъ грабежа, подъ личиною мнимой славы! Да скажетъ оно намъ, что можетъ произвесть благочестивый духъ единаго народа противъ соединенныхъ силъ почти всѣхъ племенъ Европы, беззаконною властію въ многочисленную орду столпленныхъ, но дѣйствующихъ безъ правды, безъ вѣры и слѣдственно безъ Бога! — Да изъяснитъ оно, какъ ничтожны силы ихъ противъ народа, который начинаетъ войну, съ упованіемъ восклицая: съ нами Богъ! *И твердо держа въ умѣ заповѣдь прародителей своихъ:* умремъ или побѣдимъ, мертвіи бо срама не имутъ.

Вотъ что, по мнѣнію моему, предлежитъ описать краснорѣчивому перу вашему. Въ доказательствахъ вамъ недостатка не будетъ, на то могутъ служить съ излишествомъ происшествія нынѣшней войны. Согласитесь только на сей подвигъ, достойный вашего благочестія и любви къ Отечеству. А мы уже съ дозволенія вашего прочитаемъ — и конечно съ восторгомъ и умиленіемъ слушать будемъ произведеніе пера вашего въ свѣтскихъ нашихъ бесѣдахъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Высокопреподобія

Покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Оленинъ.

5. Генваря
1813.

ОТВѢТЪ

на письмо, которымъ предложено было написать *разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ.*

Не знаю, какой духъ, въ опасномъ для меня мечтаніи, представилъ вамъ, будто вы слышите мое *разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ.* Можетъ быть, то былъ величественный духъ любви къ Отечеству, который вездѣ даетъ слышать ея отголоски, во всемъ представляетъ ея образы: можетъ быть то былъ кроткій духъ любви къ отечественному слову, который желаетъ и связанные разрѣшать, и косные возбуждать языки. Духъ благотворный: но для меня искусительный! что, естьли, послѣдуя вашему, слишкомъ ласковому ко мнѣ, мечтанію, возмечтаю и я, будто могу разсуждать въ слухъ общенародный о такихъ произшествіяхъ, о которыхъ

теперь на всѣхъ образованныхъ языкахъ человѣческихъ не столько разсуждаютъ, сколько восклицаютъ; которыя сами о себѣ говорятъ выразительнѣе всѣхъ языковъ человѣческихъ,— и въ которыхъ, по исповѣданію всѣхъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, даже по признанію нѣкоторыхъ безбожниковъ, самъ Господь возглаголалъ?

Разсуждать о такихъ произшествіяхъ царствъ, которыя очевидно проходя подъ перстомъ Царя Царствующихъ, представляются въ позоръ и наставленіе міру, по моему мнѣнію, имѣютъ полномочіе токмо тѣ, которымъ Онъ Самъ изострилъ и расширилъ взоръ, дабы они могли проникать въ тайные законы міродержавства его, и отчасти объимать безмѣрныя соображенія судовъ его. Тотъ, кто предприметъ скудною пядію своею измѣрить всю землю, будетъ только пресмыкаться; и скоро кончитъ великій подвигъ — великимъ утомленіемъ. Слабыя изслѣдованія не возвышаютъ и не усовершаютъ, естьли еще не разстроиваютъ и не унижаютъ впечатлѣнія, которое сами собою производятъ предметы величественные.

Съ другой стороны, когда мы находились среди такихъ событій, которыя испроверг-

нувъ чаяніе нашего врага, превзошли нашу собственную надежду; и показали въ насъ надежду отчаянной Европы; какой сынъ Отечества не обязанъ, для себя и Отечества, восходить мыслію и сердцемъ къ источнику сихъ благословенныхъ событій; дабы всѣми силами охранять оный, и естьли можно, распространять его благотворныя изліянія?

Вы видите, что я колеблюсь между поражающею великостію предложеннаго вами предмета, и между привлекающею занимательностію его; между порѣваніемъ исполнить желаніе ваше, и между опасеніемъ не удовлетворить ожиданію. Помогите мнѣ рѣшиться. Пошлите мнѣ благотворнаго духа, не для того, чтобы онъ обременилъ меня тяжкими оковами разсужденія, въ которыхъ бы я вскорѣ изнемогъ и палъ, но дабы, въ легкомъ мечтаніи, пронесъ онъ и меня надъ необозримымъ поприщемъ неимовѣрныхъ событій и далъ бы мнѣ собрать непринужденно тѣ мысли, какія на пути мнѣ представятся.

Когда вы предлагаете мнѣ искать *нравственныхъ причинъ* для изъясненія неимовѣрныхъ событій настоящей войны: тогда вы уже признали, что ни естественное положеніе сражающихся силъ, ниже искуственный образъ

ихъ дѣйствованія, не даютъ вамъ всего желаемаго изъясненія на происшествія. Иначе какая была бы нужда помышлять *о причинахъ нравственныхъ?*— И такъ, послѣдуя вашимъ указаніямъ, на пути къ открытію истинныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли *невѣроятные успѣхи* оружія Россійскаго, я долженъ прежде пройти нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ сіи *успѣхи* казались *невѣроятными.*

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани; мечъ пожинаетъ большею частію тѣ лавры, которые посѣяны миромъ. Казалось, никто лучше врага не зналъ сей опытной истинны. Предъ настоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искренняго мира съ нимъ: а онъ столько же, естьли не болѣе, времени приготовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не простиралъ ли онъ тайную руку на расторженіе другихъ нашихъ союзовъ? Не онъ ли наипаче раздувалъ попеременно на той или другой границѣ обширной Имперіи пламя войны, которая хотя не изнуряла ее, но развлекала; хотя пріобрѣла ей новую славу и новыя

области, но не дала насладиться отрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказать холодность непреклонной морской державѣ: не питалъ ли онъ тогда сокровеннаго желанія отяготить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался ли онъ устроять себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами сиротствующихъ сыновъ царства Французскаго, которые бѣгутъ къ намъ отъ пожравшей ихъ отечество заразы,—толпы извергов мятежа, которыя несутъ свою язву съ собою; и сынами Сѣвера, столь же чуждыми низости подозрѣнія, какъ и слабости ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змія въ нѣдро?— Я не буду отвѣтствовать на сіи вопросы: ибо не желаю проникать въ дѣла тьмы, которыхъ прозорливое Правительство не желало, можетъ быть, обнажать по великодушію, или совсѣмъ не хотѣло примѣчать изъ презрѣнія.

Но когда, среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, только нужныя на Югѣ, не оставляли Сѣвера;

но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготовленія; тѣмъ яснѣе показывали, противъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что же мы дѣлали въ сіе время? — О! Что мы тогда дѣлали; то, можетъ быть, не токмо врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или недостойнымъ сыновъ силы: но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы — свято сохраняли миръ; терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приближились къ своимъ границамъ токмо для того, чтобы съ миромъ итти во срѣтеніе самой брани.

Естьли превосходное число войска, бодрость воиновъ, обнадеженныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій суть начатки военныхъ успѣховъ: то, взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятія одного властолюбца, съ другой на Россію, оста-

вленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ или устрашенными, занятую войною съ многочисленнымъ народомъ и, подъ маніями кроткаго Монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенія новой и опаснѣйшей бури,— не могъ ли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще не начиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ: и должно признаться, что его предсказанія о завоеваніи Россіи, только нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда не столько неимовѣрными, какъ то, естьли бы кто сталъ предсказывать конечное истребленіе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. — Но непорфирородный царь, возжелавшій быть еще непомазаннымъ пророкомъ, не провидѣлъ того, что, кромѣ физическихъ и политическихъ, Государства одушевляются и дѣйствуютъ высшими нравственными силами; что насиліе возбуждаетъ противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются; что ухищренія могутъ быть перехищрены или разрушены нечаянностію; что правота всегда могущественнѣе коварства и злобы, своею твердостію и провидѣніемъ. Высокоумный повелитель надмѣннаго мнимою образованностію народа не зналъ, и къ продолженію бѣдъ Европы, не изучилъ и досселѣ сего простаго языка нравственности.

— —

Необыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства: и по видимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не иначе, какъ Государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго Монарха или народъ къ справедливымъ, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему Провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань, или, какъ нѣкій богъ браней, который никому не обязанъ открывать своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. Симъ наглымъ попраніемъ народныхъ правъ онъ открылъ себѣ путь ненаказанно попирать нашу землю, между тѣмъ какъ мы принуждены были въ одно время, и отражать его нападенія и только еще приводить къ единству движенія распростертаго по пространнымъ областямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло быть страшно для сліянныхъ силъ шестнадцати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наши времена сраженіе, въ которомъ, чѣмъ болѣе побѣда колебалась между

превосходствомъ силъ и совершенствомъ искусства, между дерзостію и неустрашимостію, между отчаяніемъ и мужествомъ, между алчбою грабежа и любовію къ Отечеству, тѣмъ торжественнѣе увѣнчана правая сторона. Но какой опять мракъ послѣ толь свѣтлой для насъ зари! Многочисленная потеря закрыта неисчислимыми остатками; побѣдители утомлены побѣдою; и дерзость *врага Столицъ* въ свою чреду могла величаться, естьли не покореніемъ Столицы, по крайней мѣрѣ вступленіемъ въ ея священныя стѣны, обнаженіемъ ея благолѣпія, уловленіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Естьли взаимно сообразить нетерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ страстямъ его: то могутъ открыться мысли, которыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію Столицу: „Теперь, думалъ онъ, я наступилъ на сердце „Россіи. Кто принудитъ меня обратить „вспять мою ногу? Бывъ опнюдь не такъ „силенъ, какъ нынѣ, я ступилъ въ Вѣну, и „раздавилъ Германію. Москва по крайней мѣрѣ „должна вмѣстѣ съ собою смирить предо „мною Россію.„

Вообразимъ же, что въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы толь высокомѣрную надежду, явилась бы истинна, и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: „ ты не наступилъ на сердце Россіи, „но, преткнувшись, оперся на грудь ея; и „вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Рос- „сія не будетъ унижена, но вознесется въ сла- „вѣ, доселѣ невидѣнной. Война, расположен- „ная по чертежу коварства и злобы, достиг- „ла своего предѣла: начинается брань Господ- „ня. Ты расхитилъ преданную въ руки твои „судьбою Столицу, но и будешь стрегомъ въ „ней, какъ уловленный хищникъ въ *темницѣ*: „а сіе возбудитъ рабовъ твоей великой *тем- „ницы* къ покушенію сокрушить свои оковы. „Поражаемый отвсюду, ты прибѣгнешь къ „обыкновенному твоему оружію лживаго язы- „ка: но принужденъ будешь дать твоей Им- „періи повелѣніе, чтобы она тебѣ вѣрила, то „есть признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, „что твоя Имперія тебѣ не вѣритъ. Ты по- „бѣжишь какъ тать изъ той земли, въ кото- „рую вторгнулся какъ разбойникъ; и въ толь „же краткое время, какъ ты пришелъ сюда, „тебя увидятъ въ заточеніи собственнаго „твоего дома, твои татьбины — въ рукахъ „законныхъ Владѣтелей, твою великую армію

„—въ плѣну, въ снѣгахъ и въ холмахъ могиль-„ныхъ.„ Кто могъ бы тогда отличить сіи вѣрныя прорицанія отъ суетныхъ прещеній? Кто узналъ бы голосъ истинны?

Но наконецъ истинна оправдана отъ сыновъ своихъ, и судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями Провидѣнія. Да возвѣстится истинна! Да благословится Провидѣніе!

Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истинны, который положенъ въ основаніе ихъ бытія, и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ, или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судо-блюстительствомъ Провидѣнія.

Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ верховнаго Правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелію: тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ его правленія; тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется имъ; тѣмъ

обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій: но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы.

Что есть государство?— Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ Государя. И такъ чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію Государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе Государь, и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго, и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ

узы—неразрывнѣе, ревность ко благу общему —живѣе, дѣятельность— неутомимѣе, единодушіе —неразлучнѣе, крѣпость— необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ, и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолъ безъ подпоры, Отечество сиротствуетъ.

Что есть государство?— Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особливымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды поставленныя противъ его нарушенія. И такъ гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ, и уважаемыми примѣра-

ми предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ Отечеству и тогда, когда никто не стрежетъ ея, жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ, и когда могли бы сохранить жизнь— ихъ нарушеніемъ. Естьли же законъ живущій въ сердцахъ изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнѣтеніемъ, и оба приближаютъ общество— къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія истинны къ настоящему положенію Отечества: онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

Вѣруетъ Россійское Царство, что *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* и, неотступно держась вѣрою и упованіемъ всемощнаго сего Владыки, отъ Него пріяло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо. Когда правота и великодушіе упреждены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ: благочестивѣйшій Мо-

нархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу, и не сумнился въ народѣ своемъ. — Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и Монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при олтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ, отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собраній, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ Правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ: Вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ; утвердила своимъ благословеніемъ: и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ Столицѣ, исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутолимую ревность наказать ея хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій недолго будетъ щастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ съ того вре-

мени, какъ по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія, на необозримомъ поприщѣ, колико знаменитыхъ, толико же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и укрѣпляется побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ *Бога отмщеній?*

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ отцемъ своимъ, и мудрымъ неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимою цѣлость Государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію, и сообщившей благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. — Тогда, какъ уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какіяжъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безъ опаснаго стѣсненія народа? — Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригла-

силъ его ко всеобщему возстанію противу врага: и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слiянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ Отечествѣ — Приверженность народа къ своему Правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись, или прерывались сношенія съ Правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время нещастнаго ея превращенія изъ Столицы Россійской въ ужасный станъ Французской, подданные Александра были вѣрнѣе своему Государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство Французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самаго, нежели для опустошенной имъ Столицы, не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ,

ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане Московскіе, сохраняя послушаніе къ единому законному Государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшась страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, и оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ округъ Кремля, какъ толпы привидѣній, около надгробныхъ памятниковъ.

Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ, и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ, среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума бранняго; законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: „Не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностію; „въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности „Царю и Отечеству, ты найдешь ключъ къ „мудрости разрѣшающей всѣ недоумѣнія. На„ходясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ „и Правительства, воспользуйся случаемъ „быть хотя единожды защитою законовъ и

„Правительства. Не страшись опасностей, „подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, „нежели пережить ее. Искупи кровію для „потомков тѣ блага, которыя кровію купи- „ли для тебя предки. Уклонясь от смерти „за честь вѣры и за свободу Отечества, ты „умрешь преступником или рабом: умри за „вѣру и Отечество— ты пріимешь жизнь и „вѣнец на небѣ.„ Вот правила, которыя Русскій народ не столько умѣет изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вот чудесное искусство быть непобѣдимым, собирающее войска без военачальников, претворяющее цѣлыя селенія в ополченія, ополчающее на брань слабыя руки жен, побѣждающее побѣдителей! Вот истинно *свободная наука* необразованнаго по новѣйшим умозрѣніям народа, которою он обличил Западных просвѣтителей в буйном и рабском невѣжествѣ, и которою теперь с толиким успѣхом освобождает он рабства пріемлющих его в ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтут похищеніем славы своея и то, естьли она вознесется до престола Царя славы. Да будет наша слава в том, что наша вѣра и правда привлекли на

насъ око Его благости: да воспишется Ему то, что Онъ сотворилъ нами. Свѣтъ видѣлъ, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашимъ дѣломъ: но какъ часто надъ ними видѣнъ былъ собственный перстъ Божій! Не Богъ ли, въ рукѣ котораго сердце Царево, внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе рѣшительное, даже прорицательное чувствованіе — *не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ предѣлахъ Россіи*, — чувствованіе, которое всему народу вдохнуло столь же неколебимую рѣшимость? Не Богъ ли непостижимый въ путяхъ Своего промысла даровалъ Александру сіе чудное провидѣніе, что въ началѣ изшелъ вождь, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать новой для Россійскихъ воиновъ, войны оборонительной и отступательной и тяжесть народнаго мнѣнія; потомъ, когда надлежало измѣнить лице брани, явился другой, уготованный на спасеніе, прославленный многолѣтними подвигами, испрашиваемый желаніями народа — явился мужъ, который на безпокойнаго и недремлющаго врага навелъ долгую дремоту, доколѣ не обновилъ крѣпости утружденнаго нашего воинства, и доколѣ, во исполненіе числа сего воинства, не ополчилась съ нами вся природа? Не Господь ли

силъ въ одномъ и томъ же пути одну рать истреблялъ болѣзнями, хладомъ и гладомъ; а другой соблюлъ крѣпость, вложилъ огнь, и далъ крила?— *Благословенъ Богъ воинствъ!*

Нынѣ заблуждающіе народы, познайте пути, къ потерянному вами, и тщетно въ суетныхъ мечтаніяхъ искомому благоденствію! Бичь Божій поражаетъ Европу такъ, что его удары раздаются во всѣхъ концахъ вселенныя. Услышите гласъ наказующаго, и обратитеся къ нему, дабы онъ былъ и вашимъ Спасителемъ.

Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай твое величіе, и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто!

А ты, который не токмо трудности въ дѣлѣ брани Господней ввѣряешь Господу, но ему же кроткою благодарностію возвращаешь и дарованныя тебѣ побѣды! Ты, который твердостію въ правдѣ спасъ твою державу, и благостію въ могуществѣ спасаешь царства другихъ! *возвеселися его силою, и о спасеніи его возрадуйся!*— Мы вѣримъ и чаемъ, что и паки, когда жребій брани пріидетъ предъ лице Его, *помянетъ Онъ всю кротость твою*, и еще *дастъ тебѣ хотѣніе сердца твоего.* — — —

Но куда дерзаютъ мои мысли? —

Вы видите, почтенный руководитель мой, какъ далеко увлекаетъ меня испрошенный у васъ духъ патріотическаго мечтанія. Время успокоитъ его, и ввѣритъ вамъ сіи безпорядочныя строки. Естьли кто изъ строгихъ судителей въ вашей храминѣ услышитъ ихъ чтеніе; пусть услышитъ онъ и сіе: — въ тѣ дни, когда и слабый полъ побораетъ брани Отечества; и когда военачальники, въ повѣствованіи о браняхъ, болѣе проповѣдуютъ о Богѣ, нежели многіе учители осьмагонадесять вѣка проповѣдали во храмахъ; — человѣкъ не видѣвшій брани, думалъ, что ему позволительно въ уединеніи мечтать о земной и небесной судьбѣ браней.

Архимандритъ Филаретъ.

ОТРЫВКИ

изъ

ИФИГИНІИ

Трагедіи Расина.

Переводъ Г-на Лобанова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

АГАМЕМНОНЪ, АРКАСЪ.

АГАМЕМНОНЪ

Твой Царь Агамемнонъ къ тебѣ, Аркасъ, взываетъ,
Возстань, познай сей гласъ, что слухъ твой поражаетъ.

АРКАСЪ

Се ты, о Государь! Тебялъ такъ рано зрю,
Предупредившаго багряную зарю?
Едва лучъ утренній намъ свѣтитъ въ мракахъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи.
Или дремавшій понтъ колеблютъ небеса?
Или желанный вѣтръ взвѣваетъ паруса?
Но все въ глубокомъ снѣ и вѣтръ и станъ и волны.

АГАМЕМНОНЪ

Щастливъ судьбой своей смиренною довольный,
Кто не влачитъ, какъ я, величества оковъ
И скрытъ въ безвѣстности щедротою боговъ.

АРКАСЪ

Давно ли, Государь, ты ропщешь на судьбину?
Осыпанъ почестьми, имѣешь ли причину
Неправой жалобой безсмертныхъ раздражать?
Ихъ щедростью даровъ, величіемъ скучать?
Атрея мощный сынъ, отецъ, супругъ щастливый,
Изъ всѣхъ Еллады странъ твои тучнѣйши нивы.

Божественна въ тебѣ течетъ Зевеса кровь,
Ты бракомъ утвердилъ союзъ съ богами вновь.
И юный сей Ахиллъ, кумиръ всѣхъ прорицаній,
Ахиллъ, кому дана необоримость въ брани,
Дщерь возлюбивъ твою, спѣшитъ подъ Трою течь,
Чтобъ брачный пламенникъ въ стѣнахъ ея возжечь.
Всѣ тишла пышныя, всѣ почести надмѣнны,
Бреговъ сихъ съ зрѣлищемъ быть могутъ ли сравненны?
Сихъ тысячи судовъ и двадцать вождей въ нихъ,
Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ течь велѣній въ слѣдъ твоихъ.
Едина тишина къ побѣдамъ намъ преграда:
Уже три мѣсяца, какъ стѣнъ Троянска града
Прикованный борей претитъ гордыню стертъ.
Но въ славѣ и въ вѣнцѣ равно разитъ насъ смерть.
Въ теченье дней твоихъ, судьбой, всегда премѣнной,
Удѣлъ тебѣ не данъ отъ скорбей свобожденной,
И ты . . . но въ свиткѣ семъ чѣмъ угрожаетъ рокъ
И изъ очей твоихъ слезъ исторгаетъ токъ?
Орестъ ли жизнь свою въ младенчествѣ кончаетъ:
Супруга ли твоя, иль дщерь ихъ извлекаетъ?
Что въ немъ начертано, дерзну ли вопросить?

АГАМЕМНОНЪ

Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь, сего не можетъ быть.

АРКАСЪ

Что рекъ ты, Государь?

АГАМЕМНОНЪ

Ты зришь мое смущенье,
Познай вину его, познай мое крушенье:

Аркасъ, ты помнишь день, когда попутный валъ
Въ стихію грозну насъ, казалось, призывалъ.
Кликъ воевъ радостныхъ, геройскимъ полнымъ жаромъ,
Пергаму угрожалъ рушеньемъ и пожаромъ.
Явленье дивное прервало сей восторгъ;
Еще изъ пристани насъ вѣтеръ не изторгъ,
Мы стали у бреговъ; и весла безполезны
Напрасно пѣнили недвижны моря бездны.
Симъ чудомъ пораженъ, спѣшу Діаны въ храмъ,
Гдѣ смертные сихъ странъ курятъ ей фиміамъ;
Тамъ, съ мудрымъ Несторомъ, Улиссомъ, Менелаемъ,
Приносимъ жертву ей, на милость преклоняемъ,
Но что намъ прорекла! содрогся я, Аркасъ,
Когда сіи слова намъ возвѣстилъ Калхасъ:
,,Вотще вы на Троянъ, о Греки, ополченны,
,,И тщетною вы къ нимъ пылаете враждой,
,,Доколь Царевны кровь отъ племени Елены
,,Діанинъ жертвенникъ не обагритъ святой.
,,Коль гнѣвно божество вы ублажить хотите,
,,Здѣсь Ифигенію на жертву принесите.,,

АРКАСЪ

О небо! дочь твою?

АГАМЕМНОНЪ

Симъ гласомъ пораженъ,
Хладъ въ сердцѣ ощутивъ, безчувственъ, омраченъ,
Безмолвенъ пребылъ я; но горькое рыданье
Прервало мертвое нещастнаго молчанье.
Виня свирѣпый рокъ и сихъ не внемля словъ,
Клялся у олтаря преслушаться боговъ.
Почто душевному не слѣдовалъ движенью!
Я войску повелѣлъ собраться къ возвращенью.

Улиссъ, казалось мнѣ, мою одобрилъ рѣчь;
Но первымъ токамъ слезъ свободу давъ протечь,
И красорѣчіемъ обычнымъ ухищренный,
Представилъ славу мнѣ, отчизну, долгъ священный,
Народъ, Царей, мнѣ власть вручившихъ надъ собой
И Грекамъ Азію обѣщанну судьбой.
Тыль, рекъ онъ, постыдивъ для дщери Грековъ силы,
Безславный Царь прейдешь со срамомъ въ мракъ могилы?
Съ стыдомъ я признаюсь, сей славой ослѣпленъ,
И сана своего величьемъ упоенъ,
Названіемъ Царя Царей я возгордился
И огнь тщеславія въ душѣ моей разлился.
Безсмертны кажду ночь, къ усугубленью бѣдъ,
Коль легкій сонъ на мигъ мой плачь и стонъ прерветъ,
Отмщая олтари, велѣнья ихъ презрѣнны,
Являлись гнѣвны мнѣ, на кару ополченны,
И громомъ мстительнымъ вращая надъ главой,
Грозили нанести ударъ мнѣ роковой.
Я уступилъ богамъ Улиссомъ побѣжденный
И дщери смерть изрекъ слезами орошенный.
Но какъ склонить на то недремлющую мать?
Къ какому вымыслу былъ долженъ прибѣгать!
Царевной страстнаго отъ имени Ахилла,
Я въ Аргосъ подалъ вѣсть, чтобъ дочь сюда спѣшила,
Что местію къ врагамъ сей грозный вождь горя,
Несетъ къ нимъ пламенникъ отъ брачна олтаря.

АРКАСЪ

И не страшишься ты строптиваго Ахилла?
Брегись, чтобъ вѣсть сія его не возбудила

Отмстить за честь свою, поруганну любовь.
Или допустить онъ возлюбленной лить кровь?
И гнѣвомъ праведнымъ за умыслъ возпаленный . . .

АГАМЕМНОНЪ

Онъ не былъ здѣсь. Пелей, отецъ его, смятенный
Набѣгомъ страшныхъ силъ сосѣдственныхъ враговъ,
Ты помнишь, отозвалъ его отъ сихъ бреговъ.
Сей трудною войной, Аркасъ, вождей по мнѣнью,
Онъ былъ лишенъ надеждъ къ поспѣшну возвращенью.
Но бурный токъ какихъ преградъ не разорветъ?
Ахиллъ на брань лѣтитъ и лавръ побѣдный жнетъ!
И юный сей герой предшествуемъ молвою
Вчера въ нашъ прибылъ станъ съ вечернею зарею.
. . . .

ЯВЛЕНІЕ 2.

АГАМЕМНОНЪ, АХИЛЛЪ, УЛИССЪ.

АГАМЕМНОНЪ

Какъ, Государь, войны успѣхъ невѣроятный
Возвратъ твой ускорилъ во станъ Авлиды ратный?
Се опытъ доблести Ахилла юныхъ лѣтъ;
Какихъ твой лавровъ мечь на браняхъ не пожнетъ?
И всей Фессаліи кичливость укрощенна,
И Лезбоса страна оружью покоренна,
Прославилибъ на вѣкъ вождя инаго дни;
Ахиллужъ праздному— забавы то одни.

АХИЛЛЪ

Не чти сихъ слабыхъ дѣлъ, Атридъ, хвалой столь лестной:
О естьлибъ укротясь ко Грекамъ гнѣвъ небесный,
На славно поприще пути имъ разрѣшилъ,
Тогда бы сей хвалы достоенъ былъ Ахиллъ.
Но вѣришь ли молвѣ, носящейся по граду,
Ліющей въ душу мнѣ сладчайшую отраду,
Любви моей предметъ въ Авлидѣ ли найду?
И скоро ль щастіемъ всѣхъ смертныхъ превзойду?
Гласятъ, что дочь твоя во станъ сей привезенна
Съ Ахилломъ будетъ въ немъ союзомъ сопряженна?

АГАМЕМНОНЪ

Какъ! Ифигенія! но кто разнесъ сей слухъ?

АХИЛЛЪ

Должно ли, Государь, смущать сіе твой духъ?

АГАМЕМНОНЪ (къ Улиссу)

Иль знаетъ онъ мое, о небо, ухищренье?

УЛИССЪ

Правдиво, Государь, Атрида изумленье;
О бѣдствахъ Грековъ ты, Ахиллъ, не помышлялъ.
Какіе дни, увы! для брака ты избралъ?
Тогда, какъ кораблямъ пучина затворенна,
Воители, вожди, вся Греція смятенна;
Тогда, какъ чтобъ смягчить разгнѣванныхъ боговъ,
Намъ должно кровь пролить, священнѣйшую кровь,
Ахиллъ, одинъ Ахиллъ любви своей послушенъ,
И хочетъ, къ общему унынью равнодушенъ,
Чтобъ вождь Царей презрѣвъ гласъ грозный божества
Уготовлялъ пиры для брачна торжества.

Ахъ! такъ ли, Государь, зря Грековъ участь слезну,
Болѣешь ты о нихъ, чтишь родину любезну?

АХИЛЛЪ

Дѣла докажутъ то средь Фригіи полей,
Кто болѣ чтитъ ее, Ахиллъ, иль Одиссей.
Дотолѣ можешь ты являть свое къ ней рвенье
И возсылать къ богамъ усердное моленье.
Стремися кровью жертвъ ихъ храмы обагрять
И изъ утробъ тельцовъ свои рокъ предузнавать;
Безвѣтрія вину познай отъ ихъ ты гласа;
Но я заботу всю взложивши на Калхаса,
Да поспѣшу отсель, чтобъ бракъ свой ускорить,
Которымъ я не мню безсмертныхъ раздражить.
Сей грозенъ бранный жаръ, которымъ пламенѣю,
И въ сей обратно станъ притти не укоснѣю.
Я горькобъ возскорбѣлъ, когдабъ кто упредилъ
И на Троянскій брегъ первѣй меня ступилъ.

АГАМЕМНОНЪ

Почто, героямъ симъ, о гнѣвныя судьбины,
Вы преградили путь въ Фригійскія долины?
На толь отважность въ нихъ и рвенье зрѣлъ на бой,
Чтобъ возвратиться вспять съ болѣзненной душой?

УЛИССЪ

Что слышу я!

АХИЛЛЪ

Что рекъ? могуль не изумиться!

АГАМЕМНОНЪ

Что надлежитъ, Цари, намъ въ домы возвратиться;
Что мы обманчивой надеждой прельщены,
Напрасно вѣтровъ ждемъ, мечтой ослѣплены.

Самъ Дій хранитъ Троянъ, и грозны предреченья
Претятъ стремиться намъ въ слѣдъ праведнаго мщенья.

АХИЛЛЪ

Какоюжъ гнѣвъ небесъ грозитъ бѣдою намъ?

АГАМЕМНОНЪ

Объ участи своей ты вопроси ихъ самъ?
Мы знаемъ, что боговъ верховное рѣшенье
Спрягло съ твоей главой Пергама разрушенье;
Но знаемъ мы и то, что громкихъ дѣлъ цѣной
Ихъ судъ назначилъ тамъ предѣлъ твой гробовой,
Что индѣ жизнь твоя и долга и блаженна,
Увянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ подъ Троей пресѣченна.

АХИЛЛЪ

И такъ не трепетныхъ Царей притекшій сонмъ
Отыдетъ въ родину на вѣкъ покрытъ стыдомъ,
И дерзостный Парисъ, страсть буйную питая,
Удержитъ, намъ въ позоръ, супругу Менелая?

АГАМЕМНОНЪ

Иль мало жаждущій насъ упреждать Ахиллъ
За оскорбленную честь Грековъ отомстилъ?
Нещастьемъ Лесбоса, тобою расхищенна,
Егейска шумна зыбь донынѣ изумленна.
Пергамъ зрѣлъ зарево пылавшихъ въ немъ домовъ
И трупы вѣтрами несомы средь валовъ.
Елена новая Фригіянъ слезъ виною,
Что въ Аргосъ плѣнницей отослана тобою.
Вотще, Ахиллъ, она вотще свой родъ таитъ,
Сей тайнѣ измѣнилъ ея надмѣнный видъ;
Молчанье самое и каждое движенье,
Являютъ намъ ея высокое рожденье.

АХИЛЛЪ

Нѣтъ, нѣтъ, не внемлю я хитросплетенныхъ словъ
И не хочу вникать во таинства боговъ.
Какъ! мнѣ угрозъ твоихъ напрасныхъ содрогаться
И славы въ слѣдъ за мной парящей устраняться?
Такъ, матери моей то Парка предрекла,
Какъ смертнаго она на ложе возвела:
Что властенъ я избрать, иль много лѣтъ без-славныхъ,
Иль мало дней, хвалой безсмертія вѣнчанныхъ;
Но естьли положенъ предѣлъ мнѣ гробовой,
Мнѣ ль безполезною земли бывъ тяготой,
И кровью дорожа богинею вліянной,
Въ дому родительскомъ ждать старости безславной?
Отъ славы уклонясь, въ потомствѣ не гремѣть,
Ничтожну жизнь влачить и вовсе умереть?
Престанемъ вымышлять препятства невозможны;
Коль честь зоветъ, — се нашъ оракулъ непреложный!
Всесильна власть боговъ, жизнь смертныхъ въ волѣ их ъ,
Но слава, Государь, у насъ въ рукахъ самихъ.
Завѣтъ ихъ проницать труды оставивъ тщетны,
Потщимся, какъ они, содѣлаться безсмертны!
И ввѣряся судьбамъ, туда мы полетимъ,
Гдѣ славныя дѣла насъ уподобятъ имъ.
Подъ Трою я иду, и чтобъ ни предрекали;
О томъ молю боговъ, чтобъ вѣтръ попутный дали.
И коль мнѣ одному градъ должно осаждать,
Съ Патрокломъ я одинъ иду за васъ отмщать.
Но нѣтъ; судьба Троянъ тебѣ, Атридъ, вручена;
Мнѣ власть верховная Царя Царей священна.

Не требую, чтобъ ты хвалилъ мою любовь,
Могущую отвлечь меня отъ сихъ бреговъ!
Онажъ Атридовы чтя подвиги геройски,
Велитъ мнѣ ободрить своимъ примѣромъ войски;
Отъ гибельныхъ тебя совѣтовъ удержать,
Что робкія сердца дерзаютъ подавать.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 4е.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНІЯ.

АГАМЕМНОНЪ

Что зрю! Что слышу я! . . . .
Но что! здѣсь стонъ и плачъ! здѣсь горести обитель,
Аркасъ, нещастный, ты мнѣ измѣнилъ.

ИФИГЕНІЯ

Родитель!
Престань тревожиться и не страшись измѣнъ;
До гроба голосъ твой пребудетъ мнѣ священъ,
Ты жизнь мнѣ даровалъ, прими ее обратно:
Покорною тебѣ мнѣ умереть приятно!
И окомъ радостнымъ и кроткою душой,
(Какъ приняла я бракъ назначенный тобой,)
Смиренной жертвою, блажа свою судьбину,
Коль должно, преклоню подъ мечъ главу невинну,
И въ гибели своей я волю чтя твою,
Тобой мнѣ данную тебѣ же кровь пролью.

Но коль любовь сія, сей знакъ повиновенья,
Достойны, Государь, инаго награжденья;
Коль трогаетъ тебя плачь матери моей;
Дерзну сказать тебѣ, что жизнію своей
Въ толь чистыхъ радостяхъ могла я наслаждаться;
Что не желала бы съ сей жизнію растаться;
Но, чтобъ отъявъ ее, ко мнѣ свирѣпый рокъ,
На утрѣ дней моихъ прервалъ ихъ свѣтлый токъ.
Я первая къ тебѣ, родитель мой, взывала,
Симъ сладкимъ именемъ я первая ласкала.
Ты радостью меня и даромъ чтя небесъ,
Благодарилъ боговъ потокомъ сладкихъ слезъ.
Ты, столько разъ ко мнѣ лобзанья расточая,
Чтилъ крови слабости ко персямъ прижимая.
Увы! съ восторгомъ я твердила имена
Земель, которымъ мощь Царя Царей страшна,
И жребій предвѣстивъ Пергамлянъ многобѣдный,
Уже готовила я пиръ тебѣ побѣдный.
Но чтобъ начать его, ждала ль моя любовь,
Что долженъ ты пролить мою всѣхъ прежде кровь.
Не страхомъ движима, боговъ мнѣ смерть изрекшихъ,
Напомнила тебѣ о благостяхъ протекшихъ;
Нынь, славой дорожа побѣднаго вѣнца,
Не постыжу въ тебѣ толь нѣжнаго отца,
И естьлибъ я одной собою дорожила,
Толь память сладкую я въ сердцѣбъ заключила;
Но съ участью моей, съ блаженствомъ дней моихъ,
Спрягали счастіе и матерь и женихъ.
Тебя достойный Царь благословлялъ день жданный,
Что освѣтилъ бы бракъ толико имъ желанный;
Уже любимый мной онъ жребіи свой блажилъ,
Ты самъ къ любви его, ты самъ благоволилъ.

Онъ знаетъ мой удѣлъ, суди же какъ страдаетъ:
Мать предъ лицемъ твоимъ, ты зришь, она рыдаетъ:
Прости, что душу я осмѣлилась излить,
Чтобъ скорбь ихъ обо мнѣ и слезы упредить.

БАСНИ.

I

Волкъ и Кукушка.

Прощай сосѣдка! Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
Напрасно я себѣ покоемъ здѣсь манилъ;
Все тѣжъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другова злѣи, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.—
А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?—
О! я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи щастливой.
Сосѣдка! то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война,
Какъ агнцы кротки человѣки.
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну словомъ царствуютъ златыя времена.
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажижъ сама голубка мнѣ:
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости, не поминай насъ лихомъ.
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ,
Въ тиши, въ довольствѣ, въ нѣгѣ;
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ.

Щастливой путь, сосѣдъ мой дорогой!
Кукушка говоритъ, а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возмешь съ собой?
Ужъ кинуть, вздоръ какой! —
Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется;
А первой самъ ни съ кѣмъ не уживется.

II.

Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой
Медвѣдя звѣри изловили,
На чистомъ полѣ задавили
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъже тянетъ.
Ба! ты косой,
Кричатъ ему, пожаловалъ откол҃ѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.
Вотъ братцы! заяцъ отвѣчалъ,
Да изъ лѣсу-то ктожъ? все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ полѣ
Сердечнаго дружка.

Такое хвастовство хоть съ лишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу дать клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Иванъ Крыловъ.

Письмо къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу о Греческомъ экзаметрѣ.

Милостивый Государь мой Н. И!

Истинное удовольствіе, съ какимъ я читалъ переводъ вашъ нѣкоторыхъ *Омеровыхъ* (*) пѣсней, побуждаетъ меня сообщить вамъ нѣсколько примѣчаній о нашемъ стихосложеніи, и особенно въ отношеніи къ древнимъ языкамъ.

Отдаленные отрывки нашей отечественной Поэзіи доказываютъ, что нашъ языкъ вмѣщаетъ всѣ оттѣнки *Систематической прозодіи*. Первые памятники нашего стихотворенія представляютъ особенный характеръ, основанный на весьма опредѣленномъ произношеніи *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ. Сіе стихосложеніе тѣмъ болѣе соглашается

(*) Извините, что я пишу Омеръ, а не Омиръ. Нельзя мнѣ рѣшиться изуродовать столь почтенное имя.

съ Геніемъ нашего языка, что мы находимъ и донынѣ въ немъ большую наклонность къ *напѣву* и къ *музыкѣ*; но вмѣсто того, чтобъ сему слѣдовать и постепенно усовершенствовать Рускую прозодію, первые и лучшіе стихотворцы отступили вовсе отъ сего правила. Исторія нашей Поэзіи доказываетъ намъ то слѣпое подражаніе, съ какимъ мы приняли не только иноземныя *идеи*, но даже иноземныя *формы*; предразсудокъ въ пользу Французскихъ писателей былъ такъ силенъ, что славный Ломоносовъ, который далъ истинное бытіе нашей Поэзіи, слѣдовалъ самъ общему примѣру. Онъ сталъ подражать Французамъ и писать *Эпопею* Александрійскими стихами; между тѣмъ какъ самъ же почиталъ за наилучшую и великолѣпнѣйшую форму стиховъ Экзаметръ, изъ анапестовъ и хореевъ состоящій; а также изъ хореевъ и дактилей, какъ способнѣйшій къ изображенію сильныхъ и слабыхъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій, которымъ составилъ и примѣръ въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства (*); однакожъ онъ

(*) Полное собран[illegible] М. В. Ломоносова въ З. 1744 года части 1 [illegible] 19.

былъ увлеченъ общимъ предубѣжденіемъ, и эпоха сія рѣшила судьбу Руской Поэзіи. Съ тѣхъ поръ подражаніе иноземному овладѣло всѣми родами словесности. Прежде, нежели образовался нашъ Театръ, стали мы наблюдать строго всѣ правила Французскаго Театра; у *Малебра* и *Руссо* заимствовали мы размѣръ Французскихъ одъ! и сей родъ стихотворенія, не имѣющій никакого сношенія съ древнею Лирическою Поэзіею, такъ быстро распространился между нами, что мы въ числѣ *Одъ* не уступаемъ конечно числу Италіянскихъ *Сонетовъ*.

Но это не входитъ въ предметъ моего письма; обратимся къ вліянію древней Поезіи на нашу словесность.

Сіе вліяніе было по нещастію весьма маловажно. О выгодахъ, или лучше сказать о необходимости знанія классическихъ языковъ не нужно и упоминать. Два только способа существуютъ для распространенія сего знанія: первый, правильное изученіе древнихъ языковъ; вторый, хорошіе переводы лучшихъ подлинниковъ. Никакой переводъ не можетъ конечно сравниться съ под-

линникомъ. Лучшій изъ оныхъ будетъ всегда, по свойству языковъ, несовершенный отголосокъ оригинала; особливо когда мы сравниваемъ скудость нашихъ новѣйшихъ нарѣчій съ неисчерпаемымъ богатствомъ классическихъ языковъ, изъ коихъ Греческій есть безъ сомнѣнія совершеннѣйшее произведеніе ума человѣческаго. Какой же языкъ былъ обработанъ, усовершенствованъ *такими* писателями, какъ *Еллинскій*?

Одна изъ величайшихъ красотъ Греческой Поэзіи есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждой родъ Поэзіи имѣетъ свой *размѣръ*; и каждой размѣръ не только свои законы и правила; но такъ сказать, свой Геній и свой языкъ. Экзаметръ, (шести-стопной героической стихъ) предоставленъ Эпопеи. Сей размѣръ весьма способенъ къ сему роду Поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную Гармонію. Экзаметръ даетъ совершенное понятіе о выраженіи Горація: „*loqui ore rotundo*. (*). Всѣ эпическія

(*) Т. е. говорить полными устами.

поэмы писаны симъ размѣромъ. Я не буду разбирать всѣхъ измѣненій онаго со времени Омера до послѣднихъ Эпическихъ Піитовъ, которые замѣнили истинный Геній Поэзіи искусствомъ стопосложенія и большею метрическою тонкостію. Это увлекло бы меня слишкомъ далеко.

И такъ, возвращаясь къ моему предмету, скажу только, что Экзаметръ былъ во всей древности *языкомъ Эпопеи*. Когда же Римляне захотѣли образовать свой жесткой и Греческому Генію противный языкъ, то они употребили первое стараніе на изобрѣтеніе метрическихъ формъ. Римляне заимствовали всѣ оныя у Грековъ по тому, что они ихъ признавали совершеннѣйшими и что Латинскій языкъ былъ весьма мало свойственъ для Поэзіи. Всѣ знатоки согласны въ томъ, что Латинской Поэзіи удалось присвоить себѣ *Экзаметръ*, лучше всѣхъ другихъ частей Метрической системы Грековъ. Никогда Римляне не рѣшались писать Эпопею иначе, какъ Экзаметромъ.

Когда послѣ мрачныхъ столѣтій лучъ наукъ и художествъ возникъ опять въ Ита-

ліи, то страсть къ древности овладѣла всею Европою. Но тогда направленіе умовъ особенно стремилось къ тому, чтобы вникнуть въ духъ древности. И въ то время мало переводили древнихъ писателей на новыя нарѣчія, или отъ того, что страсть къ древности походила тогда на какое-то слѣпое изступленіе, или отъ того, что Греческій и Латинскій языки всѣмъ столько извѣстны были, что почти никто не нуждался въ переводахъ.

Начиная съ того времени, каждый Европейскій народъ образовалъ свою словесность, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой характеръ. Поезія отличалась вездѣ вновь изобрѣтенными, такъ сказать, *природными* тѣмъ языкамъ формами. Италія, Испанія, Португалія, Франція, и наконецъ Англія и Германія вступили въ поприщѣ словесности. Каждая достигла своею дорогою до степени образованія и украсилась многими знаменитыми твореніями.

Исторія Французской словесности всѣмъ извѣстна. Я не буду разсматривать

средствъ, которыми она возвысилась на первое мѣсто въ ученомъ свѣтѣ. Когда Французы начали писать правильно, переводить древнихъ и подражать имъ, то они были принуждены сдѣлать себѣ особую *систему стопосложенія.* Языкъ ихъ при всемъ его достоинствѣ и красотѣ, былъ весьма неспособенъ къ Поезіи. Хотя и въ прочихъ новѣйшихъ языкахъ метрическія правила древней Поезіи были замѣнены другими новыми формами; хотя *рифма* овладѣла уже и другими нарѣчіями, однакожъ Французской языкъ болѣе всѣхъ нуждался въ такой метрической системѣ, въ которой число слоговъ могло бы замѣнить расположеніе ихъ; и гдѣ Механизмъ стопосложенія былъ бы довольно пріятенъ, чтобъ пріучить ухо къ вѣчной монотоніи полустишія и рифмы. Такимъ образомъ изобрѣли Французы *Александрійскій стихъ,* какъ самый способный по неимѣнію во Французскомъ языкѣ прозодіи, и самый согласный съ правилами Поезіи. Говорятъ, что уже въ XII столѣтіи написана была Французская поема, подъ заглавіемъ Алек-

сандръ Великій; и что отъ того и произошло названіе Александрійскаго стиха.

Александрійскій стихъ, по истиннѣ весьма недостаточенъ; не только монотонія его тягостна слуху, но онъ своею сухостію, краткостію и невольнымъ удареніемъ на полустишіе, заслужилъ хулу самихъ Французовъ. Волтеръ, которой безъ сомнѣнія зналъ всѣ выгоды и всѣ недостатки природнаго своего языка, обращаясь къ Китайскому Государю, говоритъ:

Ton peuple est-il soumis à cette loi si dure
Qui veut qu'avec six pieds d'une égale mésure,
De deux Alexandrins côte à côte marchans
L'un serve pour la rime et l'autre pour le sens;
Si bien que sans rien perdre en bravant cet usage
On pourrait rétrancher la moitié d'un ouvrage.

Epitre au Roi de la Chine. (*)

(*) Переводъ. Твой народъ порабощенъ ли тому жестокому закону, который требуетъ, чтобъ съ шестью стопами равной мѣры, изъ двухъ Александрійскихъ стиховъ, рядомъ чинно выступающихъ, одинъ служилъ для рифмы, а другой для смысла такъ, что естьлибъ сему обряду и не слѣдовать, то можно половину сочиненія убавить, ничего въ смыслѣ онаго не потерявъ.

Здѣсь Волтеръ шутитъ; — но въ сей шуткѣ видно его мнѣніе, и мнѣніе знатока. Вмѣсто того, чтобъ приводить еще другіе доводы противъ Александрійскаго стиха, я спрошу: кто, даже между Французами, могъ безъ утомленія читать *Генріаду*? И не происходитъ ли это единственно отъ размѣра стиховъ, которыми она писана?

Прилично ли намъ Рускимъ, имѣющимъ къ щастію, изобильной, метрической, прозодіею наполненной языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку? — Прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ сіи превосходныя качества, заимствовать у иноземцовъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, прозодію, совершенно намъ несвойственную?

Отдавая всю должную справедливость Поезіи другихъ народовъ, и читая съ восхищеніемъ: Расина, Гете и Мильтона, каждаго на своемъ языкѣ, должно однакожъ согласиться, что когда идетъ дѣло о правилахъ вкуса въ стихосложеніи, то они должны непоколебимо слѣдовать свойству того языка, для котораго они составляются.

И потому каждый народъ, каждый языкъ, имѣющій *свою* словесность, долженъ имѣть *свою* собственную систему стопосложенія, происходящую изъ самаго состава языка и образа мыслей. Возможно ли узнать Экзаметръ Омера, когда сжавши его въ Александрійскій стихъ, и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, оборотъ, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда, вмѣсто плавнаго, величественнаго Экзаметра, я слышу скудной и сухой Александрійской стихъ, рифмою прикрашенной, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во Французскомъ платьѣ?

Нѣтъ М. Г. м. хотя предразсудокъ, слабость, вліяніе Французской словесности увлекали насъ до сихъ поръ и отклоняли отъ истиннаго пути: но если мы хотимъ возвысить достоинство нашего языка; если мы хотимъ достигнуть до того, чтобъ имѣть словесность *народную*, намъ истинно свойственную, то перестанемъ эпопею писать, или переводить Алексан-

дрійскими стихами; перестанемъ отягощать младенчество нашей словесности тяжелыми цѣпями Французскаго вкуса. Еслиже мы не возвратимся къ истинному характеру нашего языка; если не сдѣлаемъ метрическую систему, на самомъ геніи языка основанную; если мы не будемъ имѣть способа воскресить *прозодію* древняго нашего стихотворства, то безъ сомнѣнія опасаться должно, что въ весьма короткомъ времени наша Поезія будетъ походить на младенца, носящаго всѣ признаки дряхлости, или на увядшаго юношу.

Вамъ предстоитъ М. Г. м. сильно содѣйствовать къ сей щастливой перемѣнѣ въ нашей словесности. Одинъ изъ лучшихъ способовъ къ достиженію оной цѣли есть *знакомство съ древними*. Если Нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, достигли до того, что имѣютъ хорошіе и вѣрные метрическіе переводы, за чѣмъ намъ Рускимъ не имѣть наконецъ перевода Омера Экзаметрами? Не забудьте Шлецера, который говоритъ, что переводъ Омера на Славяноруском языкѣ долженъ превосхо-

дить всѣ прочіе переводы (*) *macto animo* (**). Отрывки Омера, вами по настоянію моему, Экзаметрами переведенные, подаютъ мнѣ надежду, что публика съ удовольствіемъ приметъ сей опытъ Греческаго стопосложенія. Читающіе Омера въ подлинникѣ, возрадуются, услышавъ отголо-

(*) Бей живо.

(**) Als ich in der Folge Legenden und Uebersetzungen Griechischer Kirchen-Vaeter in dieser Sprache (*) las, erstaunte ich über den Reichtum, die Pracht, und die Kraft derselben in Klang und Ausdruck. Im Zusammensetzen der wörter kömmt ihr keine als die Griechische gleich. • • • • • Ein Homer, Slavonisch übersetzt, müsste aller andern Uebersetzungen die Palme entreissen.

(*) *Alt - Slawonische. Nestors Sprache.*

A: L: Schlözer • • • Leben • • • I. Fragment. Aufenthalt und Dienste in Russland in 8.-- 1812.-- pag: 67.

Когда же въ послѣдствіи времени началъ я читать на семъ языкѣ (*) Четьи Минеи и переводы съ святыхъ отцевъ Греческои церкви, то я удивился богатству, красотѣ, силѣ сего языка въ доброзвучіи и выраженіяхъ. Въ составныхъ словахъ никакой языкъ съ онымъ равнятся не можетъ, кромѣ Греческаго. • • • • • • Омеръ, на Славянскій языкъ переведенный, долженъ исхитить пальму (славы) у всѣхъ прочихъ переводовъ.

(*) Старо-Славянскій языкъ Преп. Нестора.

А. Л. Шлецера • • • жизнь. . . I й отрывокъ. Пребываніе и служба его въ Россіи— въ 8. 1812 стр. 67.

сокъ его безсмертныхъ пѣсней; нуждающимся въ переводѣ откроете вы наконецъ путь къ точному познанію красотъ древней словесности и языковъ классическихъ.

Честь имѣю быть, М. Г. м.

вашъ . . . .

С. Уваровъ.

ОТВѢТЪ
Г-на Гнѣдича.

(*) Давно, М. Г. чувствую невыгоды стиха Александрійскаго для перевода древнихъ поэтовъ, весьма справедливо доказанныя въ письмѣ, которымъ вы меня почтили и ясно видимыя изъ того уже, что 17 слоговъ Экзаметра вмѣстить въ 12 Александрійскаго стиха нѣтъ возможности, не лиша его или живописныхъ эпитетовъ, или силы, или вообще характера древней Поэзіи, часто разрушаемаго малѣйшимъ измѣненіемъ оборота, необходимымъ для рифмы.—Такимъ образомъ, нѣтъ возможности въ переводѣ стихами Александрійскими удовлетворить желанію просвѣщенныхъ читателей, а особливо какъ вы, знакомыхъ съ языками древнихъ и дорого цѣнящихъ священныя красоты древней Поэзіи.— Поощряемый А. Н. О. и вашими лестными совѣтами, я осмѣлился на большій прежняго опытъ Экзаметра, чтобы представить его по желанію вашему почтенному обществу Бесѣды. Опытъ сего размѣра будетъ новъ для нѣкоторыхъ читателей, почему я и счелъ нужнымъ изложить формы

(*) Изъ сего письма и приложеннаго при немъ перевода VI пѣсни Иліады читаны были въ Бесѣдѣ выписки.

измѣненій экзаметрическихъ, чтобы по крайней мѣрѣ изъ нихъ можно было видѣть, сколько сихъ сей имѣетъ выгодъ и превосходства передъ Александрійскимъ.

Главный размѣръ:

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Гнѣвъ, о бо|гиня вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева | сына.

Измѣненія:

4 дакт. и 2 хорея.

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Гнѣвъ, бо|гиня, вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева| сына

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Дій же о|тецъ отъ О|лимпа| громы низ| вергнулъ на|землю.

3 дакт. и 3 хорея.

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Кони по|слушные | быстро | мчатся | съ грознымъ воз|ницей.

– ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Онъ васъ|свѣтлаго|неба|въ тартаръ низ| ринетъ глу|бокій.

2 дакт. и 4 хорея.

– ◡ ◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Легкіе|кони|скачутъ|быстро,|рвы преле| тая.

– ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Быстро|кони|полемъ|прахъ возды|мая не| сутся.

1 дакт. и 5 хореевъ.

– ◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Волны|моря|вставши|съ ревомъ|хлещут- ся | въ берегъ.

Такія измѣненія въ Рускомъ— какъ и въ Греческомъ Экзаметрѣ простираются до 16; а съ измѣненіемъ и пятой стопы на Хорея, они гораздо болѣе умножатся. Польза и красота ихъ очевидны; однакожъ употребленіе безъ нужды и пользы никогда не составитъ красоты. — Поелику всѣ односложныя частицы, по свойству ихъ всегда почти короткіе, а особенно союзъ *и*, въ первую стопу Дактиля входятъ съ непріятностію для слуха; — въ избѣжаніе сего, я лучшимъ почелъ средствомъ употреблять одно изъ измѣненій въ тѣхъ стихахъ, которые начинаются односложными частицами:

Но Адраста живымъ уловилъ Менелай ратоборный.
И на быстромъ бѣгу колесницу—
И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Пріама
и проч.

Стихи сіи въ чтеніи хотя покажутся Анапестическими; но по правиламъ размѣра они совершенно Дактило-хореическіе; ибо первая стопа Хорей, а прочія Дактили:

– ᴗ – ᴗ ᴗ – ᴗ ᴗ
Но Ад|раста жи|вымъ уло|вилъ—
– ᴗ – ᴗ ᴗ – ᴗ ᴗ – ᴗ
И на | быстромъ бѣ|гу колес|ницу—
– ᴗ – ᴗ ᴗ – ᴗ ᴗ – ᴗ ᴗ
И Прі|амъ и на|родъ знаме|нитаго·—

Другія измѣненія весьма рѣдко употреблялъ я въ семъ первомъ опытѣ, чтобы размѣръ,

мало еще знакомый слуху, не затруднилъ читателя. Впрочемъ такого затрудненія легко избѣгнуть — читая просто по обыкновенному словоударенію. Нѣкоторыя однакожъ ударенія въ именахъ собственныхъ, принятыя нами отъ Французовъ и противящіяся мѣрѣ Экзаметра, должно было перемѣнить на ударенія Греческія, какъ то: Агаме́мнонъ, Лаоме́донъ и другія, надъ которыми въ стихахъ и поставлены ударенія.

Предая сужденію общества слабый сей опытъ, я и васъ, М. Г. какъ виновника его — подвергаю тому, что онъ заслужитъ. Впрочемъ буду щастливъ, если критика просвѣщенныхъ читателей откроетъ мнѣ лучшіе способы къ составленію Рускаго Экзаметра.

Имѣю честь быть, *и проч.*

Н. Гнѣдичъ.

ИЛІАДА.

Пѣснь VI.

Ст. I. Страшную битву народовъ оставили свѣтлые боги,
Въ полѣжъ и тамо и тамо шумѣла бранная буря.
Часто толпы сопротивныхъ стремили мѣдныя копья
Между бреговъ Симоиса и Ксанѳа быстрыхъ потоковъ.
Первый Аяксъ Теламонидъ, стѣна броненосныхъ Данаевъ,
Прорвалъ ряды Фригіянъ и свѣтомъ возрадовалъ Грековъ,
Мужа низвергши, Эвссорова сына, героя Ѳракіянъ,
Страшнаго силой, огромнаго тѣломъ вождя Акаманта;
Тяжко врага поразилъ онъ по шлему близъ конскаго гребня:
Шлемъ пробило на сквозь и чело и въ глубь кости проникло
Мѣдное жало, и вѣчная тьма его очи покрыла.

Въ слѣдъ быстроборный Тидидъ съ колесницы Аксила низринулъ,
Тевѳрона сына, которой въ стѣнахъ обитая Аризва
Властвовалъ многимъ богатствомъ, былъ ревностный другъ человѣковъ.
Ласково всѣхъ угощалъ онъ, въ дому при пути обитая;
Нынѣжъ изъ оныхъ никто не отвелъ его ранней кончины:
Другъ его вѣрный Калезій, въ сей мигъ управлявшій конями,

Вмѣстѣ подъ дланью Тидида съ нимъ предалъ стенящую душу;
Палъ близъ него, и низшли они вмѣстѣ въ земную обитель.

Дреза повергъ Эвріалъ и при немъ поразивши Офельта,
Въ бой на Педаза потекъ и Эзепа рожденнымъ Наядой,
Нимфой къ любви преклоненной Вуколіономъ прекраснымъ:
Вуколіонъ же былъ сынъ Лаомедона славнаго мужа,
Первый изъ чадъ, но не въ брачномъ союзѣ рожденный женою:
Пастыремъ бывъ онъ, на пажитяхъ съ Нимфой любви насладился;
Нимфа понесшая плодъ, сыновъ близнецовъ породила.
Ихъ Эвріалъ поразилъ и простерши на прахъ бездыханныхъ,
Съ нѣжныхъ раменъ совлекъ обагренные кровью доспѣхи.
Вождь Полипетъ браноносный жизнь Астіала престоргнулъ;
Мѣднымъ Улиссъ копіемъ сокрушилъ Перкозійца Пидита;
Тевкръ младой Аретаона кровь благородную пролилъ.
Мужа Авлера попралъ Антилохъ копіемъ своимъ острымъ;
Свѣтлый владыка мужей Агамемнонъ Элата низвергнулъ,
Живщаго въ крѣпкомъ Педазѣ, при злачныхъ брегахъ Сатніона;
Леитъ Филака постигъ и въ хребетъ поразилъ его въ бѣгствѣ;
Грозный же вождь Эврипилъ Меланѳа низринулъ къ Аиду.

Но Адраста живымъ уловилъ Менелай ратоборный:
Кони его устрашенные, по полю бурно крутяся,
И на быстромъ бѣгу колесницу ударя о пень Тамариніта,
Дышло въ концѣ сокрушили и болѣ взлютѣя помчались
Къ граду, куда и всѣ кони гонимые страхомъ бѣжали.
Самъ же Адрастъ, съ высоты стремглавъ къ колесу низвращенный,
Грянулся ницъ на песокъ; и въ мигъ сей предсталъ къ нему быстро
Храбрый Атридъ Менелай, огромнымъ копьемъ ополченный.
Съ ужасомъ ноги объемля, Адрастъ возопилъ къ Менелаю:

,,О пощади, сынъ Атрея! и выкупъ прими драгоцѣнный.
,,Много въ стяжаньяхъ родителя въ домѣ сокровищъ хранится:
,,Мѣди и злата и хитрокованныхъ издѣлій желѣза.
,,Скорбный родитель немедля воздастъ тебѣ выкупъ несмѣтный,
,,Если познаетъ, что живъ я въ неволѣ у храбрыхъ Данаевъ.,,

Рекъ онъ и сердце Атрида уже преклонялось на жалость;
Онъ повелѣть уже мыслилъ единому въ сонмѣ клеврету
Весть къ кораблямъ его быстрымъ: но се, Агамéмнонъ владыка
Гнѣвный на встрѣчу прибѣгъ и грознымъ вскричалъ къ нему гласомъ

,,Брать малодушный! почто ты враговъ сихъ толико жалѣешь?
,,Истинно въ домѣ твоемъ сотворили добро Фригiяне....
,,Нынѣ, ни единый изъ нихъ да отъ рукъ не избавится нашихъ!
,,Самымъ младенцамъ въ утробѣ, и тѣмъ да не будетъ пощады!
,,Всѣ до послѣдняго рода въ противныхъ стѣнахъ Илiона,
,,Всѣ да погибнутъ и гроба лишенные съ прахомъ исчезнутъ!,,

Тако вѣщая герой, премѣнилъ помышленiе брата.
Къ правымъ совѣтамъ склонясь, онъ отринулъ рукою Адраста;
Царь же мужей Агамемнонъ копьемъ поразилъ его въ чрево:
Палъ онъ на долъ и простерся хребтомъ; и Атридъ Агамемнонъ
Ставши пятою на перси, исторгнулъ копье изъ утробы.

Несторъ же мудрый полки увѣщалъ восклицающiй громко:
,,Други, Арея сподвижники, сонмы Ахейскихъ героевъ!
,,Днесь за полками никто да не медлитъ корыстей алкая,
,,Мысля отъ браннаго поля съ добычей къ судамъ отлучаться.
,,Будемъ враговъ поражать, и смиря ихъ, вы послѣ въ покоѣ
,,Всѣ совлечете корысти, властители ратнаго поля.,,

Рекъ онъ и каждаго душу исполнилъ и рвеньемъ и силой.
Истинно бъ въ день сей Трояне предъ воинствомъ храбрыхъ Данаевъ

[illegible] въ [illegible] Перуна, [illegible]

[illegible] и [illegible] не [illegible]
[illegible], [illegible]

„[illegible], [illegible]. [illegible]

„[illegible], [illegible]
„[illegible] и [illegible]. [illegible]
[illegible] и [illegible]

„[illegible], и [illegible]

„[illegible]. [illegible]
„[illegible] не [illegible] въ [illegible] на [illegible].

„Послѣ [illegible],
„[illegible], и [illegible] не [illegible].

„Будемъ [illegible], [illegible].

„[illegible], [illegible] въ [illegible], и [illegible]:

„Пусть она, [illegible] [illegible].

„[illegible] въ [illegible], [illegible]:

„Пусть [illegible] двери [illegible],
„[illegible] прекрасніе, [illegible] въ [illegible]
„[illegible] и самой [illegible] всѣхъ [illegible],
„Въ [illegible] Боже[illegible] [illegible].

„Пусть [illegible], [illegible] не [illegible].

„Въ [illegible], [illegible],
„[illegible] и [illegible].

,,Если отъ стѣнъ Иліона отринетъ Тидеева сына,
,,Лютаго ратника, всѣмъ наносящаго ужасъ и бѣгство,
,,Въ воинствѣ Грековъ страшнѣйшаго силой и дерзостью сердца!
,,Въ ужасъ подобный Пелидъ не ввергалъ насъ, битвъ грозныхъ рѣшитель,
,,Мужъ отъ Богини рожденный; столико сей ратникъ неистовъ!
,,Въ Трои никто не возможетъ быть въ крѣпости силъ ему равенъ.,,

Рекъ онъ, и Гекторъ великій, послушный вѣщанію брата,
Скоро съ оружіемъ свѣтлымъ низпрянулъ на долъ съ колесницы;
Два копія потрясая, потекъ по рядамъ ополченья;
И возбуждая ко брани, воздвигъ онъ кровавую сѣчу.
Всѣ обратились отъ бѣгства и стали въ лице Аргивянамъ.
Рать Аргивянъ отступила, сдержала и бой и стремленье
Мысля, что нѣкій безсмертный, низшедши отъ звѣзднаго неба
Самъ поборaетъ Фригіянамъ: такъ они ринулись грозно.

Гекторъ еще воспалялъ ихъ, взывающій гласомъ гремящимъ:
,,Храбрые Тевкры и вы дальноземцы, защитники Трои!
,,Будьте мужами, о други, явите всю страшную крѣпость,
,,Въ Трою доколь я священную съ бранныхъ полей отлучуся,
,,Старцамъ повѣдать совѣтнымъ и нашимъ супругамъ и чадамъ,

Скрылись въ твердыни Пергама, постыднымъ смятенные бѣгствомъ;

Еслибъ Энея и Гектора такъ вразумить не явился
Мудрый Пріамидъ Геленъ, знаменитый Пророкъ Иліонскій.

,,Гекторъ, Эней, о герои несущіе тяжкій трудъ брани!
,,Вы, на которыхъ почіетъ надежда Троянъ и Ликіянъ
,,Паче бо всѣхъ превосходны вы въ битвахъ, въ дѣлахъ и совѣтахъ.
,,Будьте вы здѣсь, и вращаясь вездѣ предъ градскими вратами,
,,Сонмы сдержите смятенныхъ, доколѣ бѣгущіе вои
,,Женъ ихъ не пали въ объятія злобнымъ Ахеямъ на радость.
,,Послѣжъ, когда возмущенные всѣ вы полки ободрите,
,,Здѣсь мы незыблемо станемъ, и какъ ни свирѣпо разимы,
,,Будемъ стоять противъ Грековъ; велитъ бо жестокая нужда!
,,Гекторъ, гряди въ Иліонъ, и повѣдай ты матери нашей:
,,Пусть она, вскорѣ собравъ знаменитѣйшихъ женъ Иліонскихъ,
,,Идетъ къ высокой твердынѣ, предъ храмъ свѣтлоокой Аѳины;
,,Пусть заключенныя двери отверзя священнаго крова,
,,Ризу какая прекраснѣе, всѣхъ велелѣпнѣе въ домѣ
,,Ей и самой любезнѣе болѣе всѣхъ облаченій,
,,Въ даръ на колѣна возложитъ великой Богинѣ Палладѣ.
,,Пусть ей двѣнадесять юницъ, подъ игомъ ярма не смиренныхъ,
,,Въ храмѣ заклать обрекается, если, молитвы услыша,
,,Градъ нашъ священный помилуетъ женъ и дѣтей неповинныхъ;

„Если отъ стѣнъ Иліона отринетъ Тидеева сына,
„Лютаго ратника, всѣмъ наносящаго ужасъ и бѣгство,
„Въ воинствѣ Грековъ страшнѣйшаго силой и дерзостью сердца!
„Въ ужасъ подобный Пелидъ не ввергалъ насъ, битвъ грозныхъ рѣшитель,
„Мужъ отъ Богини рожденный; толико сей ратникъ неистовъ!
„Въ Трои никто не возможетъ быть въ крѣпости силъ ему равенъ.„

Рекъ онъ, и Гекторъ великій, послушный вѣщанію брата,
Скоро съ оружіемъ свѣтлымъ низпрянулъ на долъ съ колесницы;
Два копія потрясая, потекъ по рядамъ ополченья;
И возбуждая ко брани, воздвигъ онъ кровавую сѣчу.
Всѣ обратились отъ бѣгства и стали въ лице Аргивянамъ.
Рать Аргивянъ отступила, сдержала и бой и стремленье
Мысля, что нѣкій безсмертный, низшедши отъ звѣзднаго неба
Самъ поборaетъ Фригіянамъ: такъ они ринулись грозно.

Гекторъ еще воспалялъ ихъ, взывающій гласомъ гремящимъ:
„Храбрые Тевкры и вы дальноземцы, защитники Трои!
„Будьте мужами, о други, явите всю страшную крѣпость,
„Въ Трою доколь я священную съ бранныхъ полей отлучуся,
„Старцамъ повѣдать совѣтнымъ и нашимъ супругамъ и чадамъ,

„Сильныхъ да молятъ Боговъ, обѣтуя стотельчую жертву.„

Тако вѣщая шествовалъ шлемомъ колеблющій Гекторъ;
Съ выижъ до стопъ за хребтомъ его билася черная кожа,
Весь по краямъ обтекавшая выкуплый щитъ его мѣдный.

Гекторъ пришедши въ Трою, входитъ между прочимъ въ домъ свой и, не находя Андромахи, спрашиваетъ у домашнихъ женъ, куда она удалилась? Одна изъ женъ отвѣчала ему;

Ст. 386. „Къ башнѣ Троянской великой она удалилась изъ дому,
„Внемля, что ратъ стѣснена и Данаи жестоко стремятся,
„Ринулась быстро къ твердынямъ, подобно женѣ изступленной,
„Несть повелѣвши и сына при персяхъ рабынѣ питавшей.„

Такъ отвѣчала; и быстро изъ дому герой устремился,
Прежнимъ обратно путемъ, по широкимъ стогнамъ Пергама.
Градъ же великій прейдя приближался къ вратамъ уже Скейскимъ:
Путь бо чрезъ оныя былъ изводящій на ратное поле:
Тамъ, Андромаха супруга, бѣгущая встрѣчу предстала,
Вѣтвь знаменитаго дома, прекрасная дщерь Гетеона.
Въ Плакѣ лѣсами вѣнчанномъ Царь Гетеонъ обитая,
Въ Ѳивахъ господствовалъ крѣпкихъ, властитель мужей Киликіянъ.

Онъ броненоснаго Гектора избралъ супругомъ для дщери.
Се, она мужу предстала съ единой изъ вѣрныхъ прислужницъ,
Сына несущей при персяхъ, безсловное чадо, младенца,
Плодъ ихъ единый, прекрасный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Звалъ его Гекторъ Скамандріемъ, всѣжъ обитатели Трои
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ былъ Трои защита.
Нѣжно осклабился Гекторъ, безмолвный взирая на сына;
Но Андромаха рыдая близко предстала къ супругу,
Къ персямъ приникла и сжавъ его руку, вѣщать ему стала:

,,Мужъ благородный! тебя твое сердце великое губитъ!
,,Нѣтъ въ тебѣ жалости къ сыну младенцу, ко мнѣ злополучной.
,,Скоро я буду вдовицею! скоро сразятъ тебя Греки
,,Всею напавшіе силой! И мнѣ, разлученной съ тобою,
,,Лучше въ могилу сокрыться! не будетъ мнѣ въ свѣтѣ отрады!
,,Если умрешь ты, одна я останусь на вѣчную горесть!
,,Нѣтъ у меня ни отца уже болѣ, ни матери нѣжной!
,,Царь мой отецъ умерщвленъ: Ахиллесъ умертвилъ его грозный,
,,Градъ Киликійскій разруша, блаженныя нѣкогда Ѳивы.
,,Онъ поразилъ Гетеона, но рукъ не простеръ на корысти;
,,Ихъ не совлекъ съ умерщвленнаго, страха исполненный къ старцу;

„Предалъ сожженію тѣло съ оружіемъ хитрокованнымъ;
„Создалъ надъ прахомъ могилу, и ульмы окрестъ насадили
„Нимфы холмовъ Ореады, Зевеса прекрасныя дщери
„Семь моихъ братіевъ кровныхъ, со мною въ дому возраставшихъ,
„Всѣ въ одинъ день преселилися въ темную ада обитель!
„Всѣхъ ихъ простеръ бездыханными лютый Пелидъ быстроногій,
„Въ стадѣ овецъ и тельцовъ поразивши на пажитяхъ злачныхъ!
„Матерь мою, обладавшую въ Плакѣ дубравномъ Царицу,
„Плѣнницей къ стану изведши со всѣми богатствами дома,
„Онъ отпустилъ искупленную жертвой даровъ безпредѣльныхъ,
„Грозная жъ Ѳива въ чертогахъ отца и ее поразила!
„Гекторъ, ты все мнѣ на свѣтѣ! отецъ и почтенная матерь,
„Братъ мой любезный и сердцу дражайшій супругъ мой прекрасный!
„Сжальсяжъ въ сей день надо мною и здѣсь ты останься при башнѣ:
„Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовицей!
„Рать удержи близъ смоковницъ, гдѣ граду грозитъ нападенье:
„Путь здѣсь открытъ и удобенъ, здѣсь могутъ востечь на твердыню.
„Чада Атрея и съ ними Данаевъ сильнѣйшіе вои,
„Критскій владыка, Аяксы и страшный Тидидъ ратоборецъ
„Трижды путемъ симъ кидаясь уже вознестись покушались,

,,Мудрый ли нѣкій гадатель совѣтомъ туда ихъ подвигнулъ?
,,Или на нашу погибель ихъ вѣщее сердце стремило!

Гекторъ же шлемомъ колеблющій такъ отвѣчалъ Андромахѣ:

,,Равная скорбь, о супруга, сердце и мнѣ сокрушаетъ!
,,Но трепещу я Троянъ и Троянокъ упрековъ позорныхъ,
,,Если вдали какъ безчестный, я стану отъ битвъ уклоняться.
,,Сердце мнѣ то воспретитъ: я давно научился быть храбрымъ;
,,Первымъ предъ ратью Пергамской стремиться на смертныя битвы,
,,Громкую славу отцовъ и славу мою защищая.
,,Такъ, несомнѣнно я знаю и тайно предчувствую сердцемъ:
,,Прійдетъ плачевнѣйшій день, и погибнетъ священная Троя,
,,И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Пріама!
,,Но, не толико меня сокрушаетъ судьба Иліона,
,,Участь Пріама владыки и матери дряхлой Гекубы,
,,Участь тѣхъ братій злосчастныхъ, которые въ юности крѣпкой
,,Многіе свергнутся въ прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ;
,,Сколько ужасная мысль— что нѣкій Ахеянинъ гордый
,,Льющую слезы тебя повлечетъ въ невозвратну неволю!
,,И въ Элладѣ, рабыня, ты будешь и ткать и работать!
,,Воду носить съ Мессеиса, или отъ бреговъ Гиперея,
,,Съ тяжкой болѣзнью, стыдомъ, но заставитъ жестокая нужда!

„Всякой же зря твои слёзы, тамъ будетъ вѣщать, посмѣваясь:

„Вотъ супруга героя, Гектора страшнаго въ битвахъ,
„Всѣхъ Иліонскихъ мужей превозшедшаго въ брани Троянской!

„Такъ посмѣются и новою скорбью пронзятъ твое сердце!

„Вспомнишь тогда ты супруга, могущаго плѣнъ твой расторгнуть.

„Но покройте меня бездыханнаго глыбы земныя
„Прежде, чѣмъ вопль твой услышу и плѣнъ твой узрю я позорный!„

Рекъ и приближася къ сыну, простеръ къ нему руки Пріамидъ:

Вспять отклонился младенецъ, и къ Персямъ рабыни питавшей

Съ крикомъ приникъ, устрашася любезнаго отчаго вида:

Мѣди гремящей боясь и конскій зря гребень ужасный,
Грозно надъ шлемомъ высокимъ нависшій и зыблемый вѣтромъ.

Радуясь симъ, улыбнулся отецъ и почтенная матерь.
Снялъ тогда Гекторъ съ главы своей грозный шеломъ лучезарный

И на долъ низложивши, лаская пріемлетъ младенца,
Лобзаетъ дражайшаго сына и нѣжно качая руками,
Громко взываетъ къ Зевесу и къ жителямъ звѣзднаго неба:

„Зевсъ и безсмертные Боги! О сотворите, да будешь

,,Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ въ Иліонѣ,

,,Разными доблестьми крѣпокъ и силенъ владычествомъ въ царствѣ.—

,,Пусть его нѣкогда узрятъ отъ брани грядущаго въ Трою

,,Съ славой, съ побѣдой, съ кровавой корыстью враговъ сокрушенныхъ;

,,Пусть о немъ нѣкогда скажутъ: геройствомъ отца онъ превысилъ;

,,Пусть сіе матерь внимаетъ и въ радости сердца ликуетъ!,,

Рекъ и супругѣ любезной взлагаетъ онъ на руки сына.
Матерь младенца пріявъ къ благовонному лону прижала,
Тихо сквозь слезъ улыбаясь. Симъ видомъ герой умилился
И рукою лаская супругу, ей тако вѣщалъ утѣшая:

,,Нѣтъ, не круши ты, о милая, скорбью безмѣрною сердца:

,,Въ гробъ не сведетъ меня смертный прежде сужденнаго рока;

,,Рокажъ, я мыслю, избѣгнуть никто не возможетъ на свѣтѣ

,,Съ перваго дня какъ родится, герой онъ иль мужъ малодушный.

,,Но возвратися ты въ домъ, о своихъ пекися заботахъ;
,,Въ пряжѣ и тканьи трудись и женъ поощряй къ прилѣжанью;

,,Брань же есть дѣло мужей, крѣпкодушныхъ сыновъ Иліона.

„Всѣ они, паче же я, понесемъ въ ней и трудъ и заботы.„

Тако вѣщая Пріамидъ и шлемъ свой подъявши косматый
Быстро отшелъ. И жена потекла безмолвная къ дому,
Часто свой взоръ обращая, потоками слезъ обливаясь,
Скоро достигшая къ свѣтлымъ Пріамова сына чертогамъ
Многихъ рабынь обрѣла въ нихъ и воплемъ ихъ всѣхъ возмутила!
Всѣ о живомъ еще Гекторѣ съ ней возрыдали въ чертогахъ,
Зрѣть его болѣ не чая притекшаго съ гибельной битвы,
Грозныхъ избѣгшаго силъ и крушительныхъ дланей Ахейскихъ.

Се и Паридъ уже болѣ не медлитъ въ высокихъ чертогахъ:
Онъ, облеченный въ доспѣхъ, испещренною мѣдью искрытый,
Скоро стремится по граду надежный на легкія ноги.
Конь когда узы разторгнетъ, упитанный въ стоилѣ ячменемъ,
Бурный бѣжитъ по полямъ поражая копытами землю;
Жаждущій плавать въ потокѣ, катящемъ прохладныя воды,
Пышетъ, подъемлетъ главу, по плечамъ его грива играетъ,
Радостный, гордый красою летитъ кобылицъ онъ ко стаду,
Быстро несутъ его ноги къ знакомымъ долинамъ ихъ пастьбы;

Такъ и прекрасный Паридъ отъ высокихъ твердынь Иліона
Въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, какъ солнце сіяя, низшелъ восхищенный.
Быстро несли его ноги и скоро настигнулъ онъ брата,
Гектора мѣдью покрытаго, текшаго къ брани кровавой
Съ мѣста, гдѣ мужъ знаменитый бесѣдовалъ съ кроп-кой супругой.
(516)

КЛАДБИЩЕ.

Солнце свѣтлое затмилось,
Возшумѣли вѣтры вдругъ!....
Въ грудь унынье мнѣ вселилось,
Омрачился скорбью духъ;
Томной, медленной стопою
На кладбище я пошелъ....
Тамъ поросшіе травою
Гробы пышные узрѣлъ.
Дивный марморъ, мхомъ покрытый,
Тщетность гордости гласитъ;
Мужъ безвѣстный, знаменитый....
Все равно землей покрытъ.
Въ жизни щастьемъ вознесенны,
И униженны судьбой....
Въ тѣсномъ гробѣ заключенны
Всѣ равны между собой. —
Тщетно памятникъ надгробный
Красотой искуствъ блеститъ,
Коль сокрытъ въ немъ смертный злобный....
То онъ презрѣнъ и забытъ...
А смиренная могила,
Что отъ всѣхъ мірскихъ суетъ
Добродѣтельныхъ укрыла....
Всѣ сердца къ себѣ влечетъ;

Всѣмъ любезна, всѣмъ священна,
Всѣ надъ нею слезы льютъ....
Память добрыхъ незабвенна:
Ихъ дѣла въ сердцахъ живутъ.

Гробы гордыхъ я оставилъ
Съ возмущенною душой,
И туда мой путь направилъ,
Гдѣ забытыя судьбой
Души кроткй и правдивы
Совершили свой предѣлъ....
Гробы ихъ красноречивы
Добродѣтелью ихъ дѣлъ! —
Не вкусивъ страстей отравы,
Не гоняясь за мечтой,
Не алкали тщетной славы...
Но съ сердечной простотой,
Среди мира и свободы
Окончали жизнь свою....
Миръ вамъ, миръ... сыны природы!
Зря вашъ прахъ... я слезы лью. —
Нѣтъ здѣсь надписей тщеславныхъ,
Гробъ не красится рѣзьбой....
Но среди древесъ печальныхъ
Камень дикой и простой. —
Вмѣсто урны позлащенной,
Вмѣсто марморныхъ столбовъ....

Надъ могилой драгоцѣнной
Стонетъ дружба и любовь.

Здѣсь печальная супруга
Потерявъ любви предметъ,
Жизни спутника и друга
Непритворны слезы льетъ.

Здѣсь отецъ чадолюбивый
Съ сыномъ щастія лишась,
Въ грусти тихой, молчаливой,
На сыру землю склонясь
Обнимаетъ камень хладной,
И полмертвый духъ живитъ
Той надеждою отрадной,
Что ихъ гробъ соединитъ. —

Здѣсь, какъ съ стеблемъ разлученна
Нѣжна Лилія весной,
Бурнымъ вихремъ пораженна
Тратитъ блескъ прелестный свой;
Блекнетъ, вянетъ, изсыхаетъ...
Такъ прелестна нѣжна дочь
Сиротою увядаетъ,
И въ унылу мрачну ночь
Къ гробу матери стремится,
Лобызаетъ милый прахъ. —
Свѣтлый взоръ ея мрачится,
И мечтаетъ въ небесахъ
Видѣть тѣнь ей драгоцѣнну....

Къ ней объятія стремитъ!—
Но познавъ мечту плачевну
Духъ отчаяньемъ крушитъ.

Здѣсь надъ гробомъ благотворныхъ
Сонмъ и вдовыхъ и сиротъ,
Въ чувствахъ скорби непритворныхъ,
Слезы пламенныя льетъ....

Вотъ достойные трофеи
Добродѣтельныхъ людей....
Что вы горды Мавзолеи,
Прахъ вмѣстившіе Царей,
Разрушителей вселенной?—
Тлѣнны вы.... Но блескъ добротъ
Зиждетъ памятникъ нетлѣнной,
И преходитъ въ родъ и родъ.

С. Висковатовъ.

БАСНИ.

I.

Орелъ и Пчела.

Щастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколько тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится.
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
Какъ ты бѣдняжка мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ.
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ,
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я право не пойму охоты,
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду.
Какая разница межъ нами!
Когда разширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ,

Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться;
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь.
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

II.

Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ;
А сапоги тачать пирожникъ.
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено сто кратъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй.
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.

Не знаю завистью ль ее лукавой мучилъ,
Иль можетъ быть ей рыбной столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ анбарѣ половить.
Да всляно знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ щукѣ Васька говорить.
Смотри, кума, что бы не острамиться;
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.
И! полно куманекъ! вотъ не видаль—мышей!
Мы лавливали и ершей.
Такъ въ доброй часъ, пойдемъ! — Пошли, засѣли:
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука чуть жива лежитъ разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ.
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно—это щука
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Иванъ Крыловъ.

СОЧИНЕНІЯ НЕЧИТАННЫЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

ПѢСНЬ

Курайча Рифейскихъ горъ (*).

„Что томно такъ свирѣль играетъ!
„Уныло голосъ издаетъ!
„О чемъ, повѣдай, унываетъ,
„И нашихъ пѣсней не поетъ?
Народъ Курайча (1) вопрошаетъ.
Но сей, что отвѣчать не знаетъ,
Въ безмолвной тишинѣ стоитъ.
Чудится самъ премѣнѣ явной,
Что нравъ его и умъ забавной,
Не зная, что сказать!— молчитъ.

Молчитъ;— и всюду примѣчаетъ
Нестройность видиму во всемъ.
Глядитъ; но самъ не понимаетъ
И въ собственномъ быту своемъ.
Верховой конь въ поляхъ не рыщетъ,
И песъ хозяина не ищетъ,
Теряетъ кобылицъ самецъ,
Туйгунъ (2) гусей не догоняетъ,

(*) Прислано съ Урала.

Лисицу песъ не добываетъ,
Въ закупахъ режетъ волкъ овецъ.

Но вотъ!— и хищный звѣрь горами,
Стремится къ полночѣ бѣжать;
И враны черные стадами
Тудажъ пустились отлетать. (*)
Буранъ (3) имъ въ томъ не воспящаетъ,
И пуще съ тылу погоняетъ,
Побитой рати на тѣла.
Совы средь ясна дня летѣли,
Въ колчанахъ стрѣлы зашумѣли,
На лукѣ взвыла тетива.

Съ кольчуги ржавчина валилась,
Какъ лучъ надглавникъ заблисталъ,
Булатна сабля изострилась,
Конецъ копья приправленъ сталъ,
Кони копытомъ землю били,
И пѣну изъ роту клубили,
А паръ отъ нихъ какъ дымъ валитъ. (4)
Молва во всѣхъ носясь аулахъ (5)

(*) Башкирцы думаютъ, что хищные звѣри и птицы чуютъ гдѣ есть трупы, отъ чего и пословица говорится: звѣрь на кровь бѣжитъ.

Въ невнятныхъ отдавалась гулахъ;
„Война на полночи горитъ!

Какъ ловчій соколъ снарядился
На хищныхъ врановъ напущать;
Такъ каждый батырь устремился,
За бѣлаго Падьшу (6) стоять.
Онъ браннаго коня сѣдлаетъ,
Приборы ратны надѣваетъ
Врага всеобща поражать.
Дѣтей младыхъ благословляетъ
Царю небесному вручаетъ,
Земнаго ѣдетъ защищать.

Старѣйшины пришли сѣдые
И батырямъ сказали такъ:
„Оставя игры полевыя
„Ступайте женихи на бракъ.
„Копьемъ и саблею пиръ дайте,
„Оковы тяжкими вѣнчайте,
„На насъ нашедшу злую рать.
„Къ нимъ бранну почесть соблюдите,
„На коней острыя садите,
„Умѣйте саблей Туй (*) скончать.„

(*) Туй у Башкирцевъ называется свадебный пиръ.

Рѣкли. — И батыри пустились
На ратно поле пировать.
Какъ волны за волной катились,
Гостей на полночи искать.
Курайчи бранну пѣснь взыграли,
Отцы и матери взывали,
Да Богъ избавитъ ихъ отъ бѣдъ.
Дѣвицы юныя, прекрасны,
Однѣ казалися нещастны,
Что имъ идти не смѣли въ слѣдъ.

———

Ушли; — и долго не слыхали
Вѣстей о батыряхъ своихъ.
Молвѣ народной не дерзали
Повѣрить слѣпо участь ихъ.
Муллы (7) Намазы (8) отправляли
Со старцы Бога умоляли,
Ихъ силы подкрѣпить и духъ.
Всѣ къ небу воздымая длани,
И къ Богу крѣпкому во брани
Умильно вопіютъ. — И вдругъ!

———

Жезломъ Князь Михаилъ ударилъ,
И новый Фараонъ бѣжитъ;
Своихъ по трупамъ путь направилъ,
Израиль въ тылъ его разитъ.
Тимпаны съ лики загремѣли,

И пѣснь побѣдную воспѣли,
Безсмертному Царю вѣковъ.
Священны дѣвы вдохновенны,
Царемъ Пророкомъ наученны
Въ Сіонѣ возродились вновь.

———

О! древней отрасль Маріаны,
Тимпанницъ дѣвъ священный хоръ!
Достигъ твой нынѣ ликъ тимпанный
Сѣдыхъ верьховъ Рифейскихъ горъ.
Долины снѣжны огласились,
Въ теченьи рѣки становились,
Не смѣли вѣтры бушевать.
Древа куржакъ (9) съ себя стрясали,
Изъ логовъ звѣри выбѣгали,
Побѣдну пѣснь твою внимать.

———

И се!— Изъ дальнихъ зрю толпами
Ауловъ ѣдущій народъ;
Семью зовущійся родами
Въ осьмой присвоенный имъ родъ.
Спѣшатъ узнать и вопрошаютъ,
Священну пѣснь не понимаютъ,
Не смѣютъ Лиры въ руки взять.
Курайча вѣща призываютъ,

Тимпанъ со гусльми повѣряютъ,
Велятъ священный гимнъ взыграть.

Но какъ взыграть сей Гимнъ!—не знаю;
Не звученъ гласъ, гугнивъ языкъ.
Я къ вамъ Тимпанницы взываю,
Вдохните вашъ мнѣ громкой ликъ!
Скажите: кто васъ дѣвъ священныхъ
Изъ пепла фениксовъ рожденныхъ,
Умѣлъ во время возродить?
„Пѣвецъ прославленной Царицы,
„Что васъ подъ именемъ Фелицы,
„Заставилъ добродѣтель чтить.„

„Да будетъ онъ благословенный
„Отнынѣ въ вѣкъ, и въ родъ и родъ!
„Онъ древній нашъ Мурза почтенный!
Воскликнулъ въ радости народъ.
Да съ нами духомъ водворится,
И тѣмъ во вѣкъ не разлучится,
Сердецъ приверженныхъ къ нему.
О немъ бесѣды не престанутъ,
Благими дѣлы воспомянутъ,
Курайчи воспоютъ ему.

А мы! съ восторженной душою
Пришли ко мнѣ глаголы внять!
Ихъ въ сердца чистотѣ со мною
Возможно только понимать.
Народъ!—внемлите вѣсть благую,
Урусъ (10) погану рать и злую
Попралъ, стопталъ, подъ ноги смялъ.
Джигиты (11) наши подоспѣли,
Какъ снѣжны бури налетѣли
И врагъ на Западъ побѣжалъ.

———

Соотчичи мои любезны!
Сей врагъ есть древній тотъ Дадьжалъ (12)
Котораго Алла во бѣздны
Низвергнуть Ангела послалъ.
Уже сей злобный раззоритель,
Святыни чтимой осквернитель,
Упалъ, претворженъ, пораженъ.
Пути погибли нечестивы,
И замыслы исчезли льстивы,
Взнесенный рогъ его сотренъ.

———

Твою десницу Богъ направилъ,
Архистратигъ Россійскихъ силъ!
Ты съ именемъ его ударилъ,
И въ адъ летитъ сатанаилъ.

Его слѣды,—всѣ полны крови;
Къ тебѣ сердца,—полны любови
И родъ земный тебя благословитъ.
Тебѣ плетутъ—вѣнцы лавровы;
Ему готовитъ адъ—оковы;
Земля—проклятіе творитъ.

Полночный Пиндаръ вознесися
Превыше западныхъ пѣвцовъ!
Какъ орля юность обновися,
Хвала!—Осьми нашихъ родовъ!
Ты плавно пѣлъ дѣла Фелицы
Давидски днесь отроковицы
Трубятъ о славѣ нашихъ дней.
Прости степной моей свирѣли,
Того соотчичи хотѣли,
Чтобъ я тебѣ пропѣлъ на ней.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

ПѢСНИ РИФЕЙСКИХЪ ГОРЪ.

---

(1) Башкирскій пѣвецъ.

(2) Ястребъ бѣлаго рода.

(3) Уральскихъ горъ жестокія метели.

(4) Башкирцы издревлѣ бывъ суевѣрны, утверждаютъ, что описанныя примѣчанія, во время войны, должны случиться непремѣнно.

(5) Зимнія Башкирскія жилища.

(6) Всероссійской Императоръ.

(7) Магометанскіе духовные.

(8) Ихъ богослуженіе.

(9) Иней на деревьяхъ бывающій.

(10) Башкирцы такъ называютъ Россіянъ.

(11) Молодые, смѣлые и проворные люди.

(12) Дадьжалъ, по мнѣнію Башкирцовъ, есть тотъ, котораго Христіяне называютъ Антихристомъ. О немъ повѣствуютъ: что родится отъ жены блудницы; въ краткое весьма время пріиметъ исполинскій ростъ и чрезмѣрно громкій голосъ. На крикъ его прибѣжитъ шестиногій оселъ,

шакже роста необычайно великаго, на которомъ онъ начнетъ производить въ родѣ человѣческомъ ужасныя кровопролитія. Тогда молитвами Мусульманъ снизойдетъ на землю Ангелъ, и схватя его съ шестиногимъ осломъ, закинетъ за гору Кафтъ. А гдѣ оная находится неизвѣстно.

ОДА.

На смерть Фельдмаршала КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО,

Апрѣля въ 16 день 1813 года.

Отколѣ палъ незапно громъ
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордится смерть ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль страна преславна
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!
Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ великій?

Военный Геній твой въ слезахъ.
Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорьбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безстрашный вождь?

О рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный?
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ,
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ
Женящій Князя тьмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ,
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мещетъ взоръ суровый
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись— Но что!— желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой!
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мертвыхъ.

Вотъ Генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ?
Когда вся цѣль его — могила!
А сущность — горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно!
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной
Быть можетъ вѣчности лучомъ!
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій, иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя въ пути тебя несуща
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые,
Не унывайте въ скорбный часъ.
Все Богъ! — Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, Отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ
Откроетъ къ щастью путь свободный,
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о Россъ! воипель ада,
Горою бей, и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

Державинъ.